

The book cover features a dark, textured blue-grey background. A large, ornate, oval-shaped gold frame is the central focus. Inside the frame is a painting of a man in 18th-century attire (blue coat, brown waistcoat, black breeches, and a black tricorn hat) standing in a foggy, cobblestone street at night, holding a sword. Above the frame, a large, curved blade, possibly a scimitar or cut-throat razor, is positioned horizontally. The blade is covered in bright red blood, with some blood dripping down the right side of the cover. A gold chain is draped across the top left and around the frame. In the bottom left corner, there is a broken, ornate mask with a red interior and a white exterior. The author's name is printed in white serif font across the top, and the title is written in a large, stylized red script at the bottom.

РОБЕРТ МАККАММОН

Королева
Бедлама

The Big Book

Роберт Маккаммон
Королева Бедлама

«Азбука-Аттикус»

2007, 2019

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Маккаммон Р.

Королева Бедлама / Р. Маккаммон — «Азбука-Аттикус», 2007,
2019 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-20619-9

«Сказано: чем клясть темноту, лучше зажги свечу. Однако летом 1702 года в городе Нью-Йорке без проклятий не обходилось, ибо свечи были малы, а темнота велика». Итак, добро пожаловать в колониальный Нью-Йорк, еще недавно бывший голландским поселением Новый Амстердам. Город – все 5000 жителей – с волнением ожидает прибытия нового губернатора (по слухам, близкого родственника ее величества королевы Англии). А Мэтью Корбетту, секретарю мирового судьи, не дает покоя загадка серийного убийцы по прозвищу Масочник. И похоже, что ключ к его личности хранит живущая в далеком приюте для умалишенных пожилая леди, известная как Королева Бедлама... «Увлекательный исторический детектив от автора, который мог потягаться на его поле с самим „королем ужасов“ Стивеном Кингом» (Publishers Weekly) публикуется в новом переводе. Также в книгу входит впервые издающаяся повесть «Ночная скачка», действие которой происходит вскоре после событий «Королевы Бедлама».

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-20619-9

© Маккаммон Р., 2007, 2019
© Азбука-Аттикус, 2007, 2019

Содержание

Королева Бедлама	6
Часть первая. Масочник	7
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	28
Глава 5	33
Глава 6	43
Глава 7	51
Глава 8	59
Глава 9	64
Глава 10	71
Глава 11	76
Глава 12	84
Часть вторая. Безумие	90
Глава 13	90
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Роберт Маккаммон

Королева Бедлама

Robert McCammon

THE QUEEN OF BEDLAM

Copyright © 2007 by McCammon Corporation

NIGHT RIDE

Copyright © 2019 by Robert McCammon

All rights reserved

Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов, Donald Maass Literary Agency (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).



Серия «The Big Book»

Перевод с английского Екатерины Романовой

Оформление обложки и иллюстрация на обложке Сергея Шикина

© Е. И. Романова, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Королева Бедлама

Королева
Бедлама

Часть первая. Масочник

Глава 1

Сказано: чем клясть темноту, лучше зажги свечу. Однако летом 1702 года в городе Нью-Йорке без проклятий не обходилось, ибо свечи были малы, а темнота велика. И пускай за порядком на улицах следили констебли и караульные, где-то между Док-стрит и Бродвеем эти герои ночи нередко теряли присутствие духа в битве с Джоном Ячменное Зерно и прочими соблазнами, о коих нашептывал им столь бесстыдно летний бриз, несший хохот гуляк из портовых трактиров и упоительный аромат духов из розового дома Полли Блоссом.

Иными словами, ночная жизнь в Нью-Йорке была ключом. И хотя еще до рассвета город просыпался под прилежный звон купеческого и фермерского труда, многие его жители предпочитали посвящать часы ночного отдыха питию спиртного и азарту, а также прочим безобразиям, каковые порой сопутствуют этим нерадивым братьям-близнецам. С восходом солнца, бесспорно, наступал новый день, однако ночь таила в себе немало искушений. Зачем же сему дерзкому и ретивому городу, некогда выхоленному голландцами, а ныне облюбованному англичанами, более дюжины трактиров, как не для веселых возлияний в доброй компании?

Впрочем, молодой человек, сидевший в одиночестве за столиком в дальнем зале «Старого адмирала», компании не искал – его не интересовало ни общество людей, ни общество дрожжей пивовара. И пусть перед ним стояла кружка крепкого темного эля, к которой он по временам прикладывался, то был лишь реквизит, необходимый для создания правдивого образа. Если бы кто присмотрелся, как он пьет, то непременно заметил бы, что он при этом гримасничает и морщится: староадмиральский горлодер мог спокойно глотать лишь человек с истинно железным желудком. Нет, юноша не был тут завсегдатаем, отнюдь. Куда чаще его видели в трактире «Рысь да галоп» на Краун-стрит, а не здесь, в двух шагах от Большого Дока на Ист-Ривер, где стонали и перешептывались мачты кораблей, покачивающихся на ночных течениях, а в водоворотах алели отсветы факелов с рыбацких лодок. Здесь, в «Старом адмирале», в свете керосиновых ламп вился голубой дымок из глиняных трубок, стены оглашали крики посетителей, требующих еще вина и эля, а по столам пистолетными выстрелами гремели игральные кости. Звук этот неизменно напоминал Мэтью Корбетту о другом выстреле, что вышиб мозги... не важно кому, это произошло три года назад; незачем предаваться воспоминаниям о столь давних событиях.

Ему было всего двадцать три, но выглядел он старше. Вероятно, лет ему добавляло суровое выражение лица, выправка или же умение предсказывать непогоду по ломоте в костях, подобно тому как делают это беззубые старики, шамкающие над миской с пудингом. Или, если точнее, по ломоте в левом плече и ребрах под самым сердцем – кости эти ему некогда пересчитал медведь по кличке Одноглаз. Тот же медведь наградил Мэтью шрамом в виде полумесяца, который начинался прямо над правой бровью и уходил под волосы. Однажды в Каролине ему сказали, что женщин впечатляют боевые шрамы, вот только этот шрам служил женщинам скорее предостережением: мол, юноша вступил в опасную схватку со Смертью, и та оставила печать могильного холода в его сердце. После встречи с медведем левая рука почти год не слушалась Мэтью, и он уже смирился с мыслью, что рабочим у него будет только правый борт. К счастью, в Нью-Йорке ему попался толковый врач, приверженец нетрадиционных методов лечения, подвергший его больную руку курсу ежедневных пыточных упражнений с использованием железного прута и подков. В результате оных занятий, всевозможных прогреваний и растяжек случилось чудо: одним прекрасным утром Мэтью сумел покрутить левой рукой, и после дальнейших процедур силы вернулись к ней в полной мере. Так канул в забвенье один

из последних подвигов Одноглаза на грешной нашей земле, медведя ныне покойного, но, условно, не забытого.

Взгляд холодных серых глаз с темно-синими крапинками – словно дым над костром в сумерки – то и дело сам собой притягивался к столику в противоположном конце зала. Мэтью старался, впрочем, не смотреть слишком пристально, а лишь поглядывал искоса и вновь утыкался в кружку с элем, передергивал плечами и косился опять. Едва ли уловки эти имели смысл; только слепец и глупец не догадался бы о его присутствии, а назвать слепцом и глупцом оное воплощение истинного зла язык не поворачивался. Воплощение зла говорило, ухмылялось и прикладывалось выпяченными губами к грязному стакану с вином, пускало колечки дыма из черной глиняной трубки, потом вновь говорило, вновь ухмылялось, и все это время шла игра, и какие-то подозрительные личности с пистолетным треском бросали на стол игральные кости и вопили так, будто задумали застращать своими криками солнце и не дать ему утром взойти на небо.

Однако Мэтью знал: нет, не доброе расположение духа, не спиртное и не пыл азарта в трактирах молодого города, стоящего грудью к морю и спиной к дремучим лесам, породили сие безудержное веселье. Причина – То-О-Чем-Не-Говорят. Несчастный случай. Ужасное событие.

Дело рук Масочника.

Так осушайте свои кружки да требуйте еще, подумал Мэтью, посылайте дымные кольца хоть на Луну. Войте волками и скальтесь по-разбойничьи, ибо всем нам сегодня еще возвращаться домой темными переулками.

А ведь любой из них может быть Масочником, рассуждал Мэтью. Или убийца давно ушел восвояси и больше не вернется – кто знает? Уж точно этого не знают болваны, называющие себя констеблями, которым городские власти поручили следить за порядком на улицах. Все они тоже наверняка сидят теперь по кабакам, хотя на улице тепло и половинчатая луна светит ярко; болваны-то они болваны, да, но не дураки.

Мэтью хлебнул еще эля и вновь бросил взгляд на дальний столик. Табачный дым висел в воздухе голубой пеленой, которая слегка подергивалась от движений воздуха. За столиком сидело трое. Один – пожилой, тучный, заплывший жиром, двое – помоложе и с совершенно бандитскими рожами. Впрочем, здесь, в «Старом адмирале», одни бандиты и собирались, так что удивляться было решительно нечему. Однако этих молодчиков он видел в обществе толстяка впервые. Одеты были по-деревенски, оба в белых рубашках и изрядно потертых кожаных жилетах, у одного на прохудившихся коленях штанов кожаные заплаты. Кто ж вы такие, гадал Мэтью, и по какому делу явились к Эбену Осли?

Изредка Мэтью ловил на себе мимолетный взгляд черных сверкающих глазок Осли; в ту же секунду толстяк в белом парике отворачивался и продолжал вести беседу с двумя молодчиками. Со стороны было не догадаться, что юный Корбетт – с ликом тонким и бледным, словно озаренным пламенем свечи, и копной непокорных черных волос – был в некотором роде крестоносец, чей поход мало-помалу, ночь за ночью, превращался в болезненную одержимость. В коричневых башмаках, серых бриджах и простой белой сорочке с потрепанным воротником и манжетами, но тщательно выстиранной и накрахмаленной он выглядел ровно так, как подобает простому секретарю мирового судьи. Судья Пауэрс, безусловно, не одобрил бы его еженощных вылазок, однако Мэтью ничего иного не оставалось: самым заветным и сокровенным его желанием было увидеть Эбена Осли на городской виселице.

Вышеупомянутый Осли отложил трубку и пододвинул к себе лампу. Его собеседник слева – темноволосый, лет на девять-десять старше Мэтью, с глубоко запавшими глазами – говорил тихо и серьезно. Осли, толстомордый боров пятидесяти с лишним лет, внимательно его слушал. Наконец он кивнул и полез в карман своего вычурного бордового сюртука – сорочка натянулась на жирном брюхе, заколыхались кружевные оборки жабо. Белый парик Осли украшали туго завитые, напудренные букли, – быть может, в Лондоне это было модно, но

здесь, в Нью-Йорке, так мог вырядиться только распоследний франт. Осли достал обмотанный бечевкой карандаш и черный блокнот размером с ладонь – его Мэтью видел уже не впервые. На обложке было какое-то золотое тиснение. Быть может, Осли испытывал к ведению записей такую же болезненную страсть, как к ломберу и триктраку: обе эти игры давно завладели его разумом и кошельком. Мэтью, улыбаясь едва заметно, представил себе, что может быть нацарапано на страницах блокнота: «Сегодня опростался на славу... а нынче утром выдавил в ведро лишь пару фиг... боже мой, сегодня и того меньше – жалкую горошину». Осли поспешил грифель и принялся писать. Набросал три-четыре строчки – по крайней мере, так показалось Мэтью, – после чего блокнот был закрыт и спрятан в карман, за ним последовал и карандаш. Осли вновь заговорил с темноволосым. Второй молодой человек, коренастый блондин, глядевший по-бычьему из-под тяжелых медленных век, наблюдал за идущей в углу шумной игрой в карты – бон-эйс. Осли ухмыльнулся, и его зубы ярко сверкнули в желтом свете лампы. По проходу между Мэтью и объектом его интереса начала проталкиваться пьяная компания. В этот самый миг Осли и его спутники встали и потянулись за висевшими на крючках шляпами. На треуголке толстяка красовалось алое крашеное перо; у темноволосого с кожаными заплатами на бриджах была широкополая кожаная шляпа, а у третьего джентльмена – простой картуз с коротким козырьком. Все трое направились к трактирщику оплатить счет.

Мэтью ждал. Когда монеты отправились в ящик для денег, а трое вышли на Док-стрит, он сам надел коричневый парусиновый картуз и встал. Голова несколько кружилась: забористый эль, клубы табачного дыма и пьяный гвалт сделали свое дело. Он быстро расплатился и выскочил на улицу.

Ах, какое облегчение! После жары и духоты трактира легкий ветерок веял прохладой. «Старый адмирал» неизменно оказывал на Мэтью такое действие. Ему было не впервой выслеживать тут Осли, мог бы и попривыкнуть, да только приятный вечер в его представлении выглядел совершенно иначе: бокал хорошего вина, тихая беседа за шахматной доской с кем-нибудь из завсегдатаев «Галопа»... Он втянул едкую вонь дегтя вперемешку с тухлой рыбой и тут же учуял запах совсем иного рода: Эбен Осли имел обыкновение душиться тяжелым гвоздичным одеколоном, прямо-таки купался в нем. Аромат был столь узнаваемый, что с тем же успехом Осли мог всюду носить с собой факел и проливать тем самым свет на свои перемещения по городу. Темной ночью запах гвоздики здорово бы выручил его преследователя, однако сегодня в подобном подспорье не было нужды: Осли и его спутники, по-видимому, никуда не спешили. Когда они прогулочным шагом миновали фонарный столб на пересечении Док- и Брод-стрит, Мэтью увидел, что они держат путь на запад и сейчас повернут на Бридж-стрит. Хм, необычный маршрут! Осли, как правило, шел шесть кварталов на север – напрямик к сиротскому приюту на Кинг-стрит. Лучше держаться поодаль, решил Мэтью. Лучше идти тихонько следом и наблюдать.

Он был худ, но не хрупок и шагал широко, то и дело сбавляя ход, чтобы не уткнуться в спины преследуемым. На смену запахам Большого Дока пришли крепкие ароматы сена и скота. В этой части города располагались конюшни и загоны для свиней и коров, а на складах хранилось в бочках и ящиках все необходимое для скотоводства и судоходного дела. То и дело Мэтью замечал за ставнями контор и конюшен промельк свечи: там кто-то ходил. Не слушайте, если вам кто говорит, будто жители Нью-Йорка по ночам только спят да кутят. Иные трудились бы круглые сутки, если б достало сил.

Мимо процокала по булыжной мостовой лошадь; на всаднике блестели начищенные сапоги. Мэтью увидел, как Осли и его спутники на следующем углу свернули направо, на Бродвей, рядом с домом губернатора, осторожно повернул туда же. Троица прогулочным шагом одолела еще квартал. Мэтью обратил внимание, что на верхнем этаже белокирпичного губернаторского дома, за стенами форта Уильяма Генри, горит свет. Его новый обитатель, лорд Корнбери, прибыл из Англии всего несколько дней назад. Мэтью пока губернатора не видел (и

никто из его знакомых тоже), но по городу были расклеены объявления о завтрашнем собрании в ратуше, на котором господин, коему королева Анна вручила бразды правления Нью-Йорком, должен будет явиться публике. Хорошо, что у города появится правитель, рассуждал Мэтью, ведь в рядах констеблей царит полный разброд, а предыдущий мэр, Томас Худ, в июне скончался.

Красноперый попугай и его спутники приближались к очередному трактиру под названием «Терновый куст» – в этом местечке играли по-крупному во всех смыслах этого слова. В минувшем ноябре Эбен Осли спустил здесь в карты целое состояние, Мэтью сам был тому свидетелем. Нет, на сегодня кабаков с него хватит. Пускай Осли с приятелями упьются до смерти, коли им так надо, а ему пора домой и спать.

Однако трое миновали вход в «Терновый куст» и внутрь даже не заглянули. Когда Мэтью поравнялся с дверью, оттуда вывалилась хихикающая парочка: изрядно подгулявший юноша (в свете фонарей Мэтью признал в нем Эндрю Кипперинга) и чернокудрая девица с ярко накрашенным лицом. Они прошли мимо и направились в сторону пристани. Кипперинг был довольно известный адвокат, и со временем из него даже мог бы выйти толк, если б он не злоупотреблял спиртным и не навевался так часто к мадам Блоссом.

Осли со товарищи свернул на Бивер-стрит и вновь пересек Брод-стрит, направляясь на восток – к реке. Тут и там на углах стояли фонари; кроме того, по закону в каждом седьмом доме должен был гореть свет. За ближайшим забором из белого штaketника неистово лаял пес, и издалека доносился ответный собачий лай. Вдруг из-за угла резко вывернул человек в треуголке с золотой каймой. Мэтью успел даже перепугаться, но человек коротко кивнул и зашагал дальше, постукивая тростью по вымощенному кирпичом тротуару.

Стараясь не упустить Осли из виду и при этом не наступить в конский навоз, который лежал и на мостовой, и на тротуарах, Мэтью несколько ускорил шаг, проводил взглядом телегу с одиноким сгорбленным кучером на козлах и свернул в узкий проулок между двух белокаменных стен. Впереди, в свете умирающего уличного фонаря, компания Осли повернула направо, на Слоут-лейн. Здесь в начале лета случился пожар, уничтоживший десяток домов. Запах гари и пожарища до сих пор стоял в воздухе, мешаясь с гвоздикой и вонью свиньи, по которой давно плакал вертел. Мэтью остановился и осторожно выглянул из-за угла. Преследуемые исчезли из виду, скрылись где-то между потемневшими деревянными домами и приземистыми надворными постройками. Впереди чернело пепелище. Фонарь на углу мерцал из последних сил. По шее Мэтью пробежал морозец, и он резко обернулся. Позади, в неровном свете того самого фонаря, стоял человек в темной одежде и шляпе. Мэтью не очень хорошо знал эти места и вдруг с ужасом понял, что забрел слишком далеко от дома.

Человек просто стоял и разглядывал Мэтью, однако его лица под треуголкой было не различить. Сердце бешено заколотилось в груди. «Если это Масочник, без боя не дамся. Кулаки у меня крепкие, – думал Мэтью. – Ну-ну, умник, – усмехнулся он тут же своим мыслям. – Всем известно, что кулаки – лучшая защита от острого клинка».

Мэтью хотел окликнуть таинственного незнакомца. Но что сказать? Какая славная ночь, самое время для приятной прогулки? Не сообразовали ли пощадить мою жизнь? Внезапно человек развернулся и, покинув царство света, решительно ушел во тьму. Мэтью облегченно, с шипением выдохнул. На висках выступила холодная испарина, а сам он преисполнился неразумной ярости и мысленно начал клясть себя на чем свет стоит: разумеется, это не Масочник! Нет и нет! Может, констебль или обыкновенный прохожий, вот как он сам. Да только он, Мэтью, – не обыкновенный прохожий. Он – овца, напавшая на след волка.

Осли и его спутники исчезли. Бесследно. Вопрос теперь заключался в следующем: пойти дальше по этой пропахшей гарью улице или вернуться туда, где его, вероятно, поджидает Масочник? Да хватит же, идиот! То был не Масочник, ведь Масочник давно сбежал из Нью-

Йорка! С чего бы ему до сих пор рыскать по этим улицам? А с того, мрачно подумал Мэтью, что его до сих пор не поймали, вот с чего.

Он все-таки решил пойти дальше, но краем глаза посматривал назад: как бы от ночи не отделился кусок тьмы и не кинулся в атаку. Не прошел Мэтью и десяти шагов, как тьма действительно зашевелилась – только не позади, а прямо впереди него.

Он замер точно вкопанный, весь превратился в пустую оболочку – кровь и дыхание покинули его в один миг; летняя ночь внезапно стала зимней.

Вспыхнула искра, от нее занялся трут в маленькой трутнице, а от трута зажглась спичка.

– Корбетт, – сказал некто, раскуривая трубку, – раз уж ты устроил за мной слежку, я, так и быть, дам тебе аудиенцию. Ничего другого мне не остается, верно?

Мэтью не ответил; он совершенно утратил дар речи – язык будто отсох.

Эбен Осли не торопясь раскуривал трубку, сладко попуская дымом. Он стоял у обгорелой кирпичной стены, на обрюзгшем лице вспыхивали красные отсветы.

– Какой ты все-таки удивительный юноша, – сиплым фальцетом проговорил Осли. – Трудишься целыми днями, гнешь спину над бумажками да глиняными горшками, а по ночам ходишь за мной по пятам. Позволь узнать, когда же ты спишь?

– Сплю когда-то, – ответил Мэтью.

– Я бы на твоём месте больше отдыхал. Да, пожалуй, пора устроить тебе полноценный отдых. Как считаете, мистер Карвер?

Слишком поздно Мэтью услышал шаги за спиной. Слишком поздно заметил двух спутников Осли, прятавшихся за кучами обугленного мусора по обе стороны от...

Удар доской пришелся прямо по затылку, разом положив конец всем его размышлениям и наблюдениям. Он показался невероятно громким – местные стражи порядка наверняка приняли его за пушечный выстрел... В следующий миг Мэтью полетел наземь, а перед глазами завертелись огненные колеса, рассыпающие снопы искр. Упав на колени, Мэтью приложил все силы, чтобы не растянуться плашмя посреди улицы. Зубы ломило, голова шла кругом. Сквозь туман до него дошло, что Осли нарочно устроил эту увеселительную прогулку – дабы заманить его в западню.

– Полно, полно, – говорил толстяк. – Нам пока ни к чему его убивать. Ну что, Корбетт, котелок теперь варит?

Голос его доносился, точно эхо, откуда-то издалека... Ах, если бы! Что-то тяжелое опустилось ему на спину. Сапог! Один из прихвостней Осли решил припечатать его к земле.

– Оставь его, – безучастно обронил Осли. Сапог исчез. – Никуда не денется. Верно, Корбетт? – Ответа он дожидаться не стал – да и не дождался бы. – Знаете, кто этот молодой человек, друзья? Он ведет за мною слежку почти... сколько, Корбетт? Два года?

Два года? Пожалуй, да – только первые полтора следил как попало, подумал Мэтью. А вот в последние шесть месяцев уже взялся за дело решительно.

– Этот юноша был одним из моих дражайших воспитанников, – продолжал Осли, теперь уже посмеиваясь. – Да-да, он вырос в приюте! Надо сказать, что на улице его подобрал не я, а мой предшественник – Стаунтон. Старый дурак увидел в нем юное дарование, понимаете ли. Хотел превратить беспризорника в образованного юношу! Книжки подсовывал, делал из него... кого он из тебя делал, Корбетт? Дурака себе под стать? – Он весело продолжал гнуть свою линию. – И ведь наш замарашка далеко пошел! О да! Нанялся к мировому судье Айзеку Вудворду, а тот назначил его своим секретарем, вывел оборванца в свет. Дал ему возможность продолжить образование, научиться жить, как и подобает джентльмену, принося пользу людям! – Осли ненадолго умолк, вновь закурил и продолжал, попуская трубкой: – А потом, друзья, наш герой предал благодетеля: спутался с какой-то бабой – убийцей, бродяжкой и плутовкой, – которую обвинили в колдовстве! Дело было в каролинской глуши. Баба охмурила нашего юнца и свела в могилу благородного судью Вудворда, упокой Господь его душу.

– Ложь, – сумел вымолвить, а точнее, прошептать Мэтью. Затем он предпринял вторую попытку: – Наглая... ложь!

– Он, что ли, говорит? – удивился Осли. – Открыл рот?

– Пробубнил чего-то, – ответил стоявший за спиной Мэтью головорез.

– Пускай себе бубнит, – сказал толстяк. – В приюте он только и делал, что бубнил да бормотал. Не так ли, Корбетт? На твоём месте я тоже бормотал бы – если б загубил своего благодетеля. Надо же, сперва едва не свел старика в могилу, вытащив его на улицу в бурю, а потом разбил ему сердце предательством! Скажи на милость, как тебе удалось втереться в доверие к судье Пауэрсу? Иль подружка-ведьма научила тебя ворожке?

– Если он и умеет ворожить, – произнес другой голос, – сегодня ему это не поможет.

– Нет, – сказал Осли, – ничего он не умеет. Иначе давно потрудился бы и стал невидимкой, а не мозолил бы мне глаза всякий раз, как я выхожу на улицу. Корбетт!!!

Этим окриком он попытался привлечь все внимание Мэтью; показать, что он его слушает, юноша мог лишь одним способом – с трудом приподняв свой пульсирующий от боли череп. Он заморгал, пытаясь сосредоточить взгляд на гнусной физиономии Осли.

Директор сиротского приюта для мальчиков на Кинг-стрит, пузатый хлыщ и попугай, с тихим презрением произнес:

– Я знаю, что у тебя на уме. Всегда знал. Когда ты сюда вернулся, я сразу понял, что ты задумал. И ведь я тебя предостерегал, помнишь последний вечер в приюте? Или забыл? Отвечай!

– Не забыл, – произнес Мэтью.

– Никогда не затевай войну, в которой у тебя нет шансов на победу. Кажется, так я говорил?

Мэтью не ответил. Он весь сжался в ожидании сапога, но его пощадили.

– Этот юноша... мальчик... болван, – поправился Осли, обращаясь к своим спутникам, – решил, что не одобряет моих методов воспитания. Сколько я видел несчастных мальчиков, сколько тяжелых судеб! Часто эти дети подобны диким зверям – для иных и хлев слишком хорош! Зазеваешься – они тебе или руку оттяпают, или ногу обоссут! Таких ежедневно приводят ко мне из церкви, из городской больницы. Родители их погибли в пути, никто не желает брать ответственность – и что прикажете с ними делать? У одного всю семью индейцы вырезали, второй – упрям и ленив, третий с юных лет пьет и живет на улице! Что прикажете с ними делать, как не дисциплинировать? Да, я многих брал в ежовые рукавицы. Многих дисциплинировал самым суровым образом, ибо они не желали слушать...

– Это не дисциплина!.. – перебил его Мэтью, силясь говорить как можно громче и уверенней. Лицо его покраснело, в глазах, под распухшими веками, сверкал гнев. – Ваши методы... а ну как о них прослышат церковь и больничный совет?.. Станут ли благодетели и дальше жертвовать приюту деньги?.. Да и городские власти не захотят вас содержать. Вы перепутали дисциплину с содомией!

Осли молчал. В тишине казалось, что время прекратило бег и мир остановился.

– Я слышал по ночам их крики, – продолжал Мэтью. – Почти каждую ночь. И я их видел... потом. Многие даже жить не хотели. Во всех до единого что-то сломалось. А ведь вы выбирали только самых маленьких, тех, кто не даст отпор... – Слезы жгли ему глаза. Даже спустя восемь лет он не мог совладать с чувствами, так они были сильны. Мэтью набрал побольше воздуха в легкие, и слова вырвались сами собой: – Значит, я дам отпор за них, мерзкий ты шакал!

Трескучий смех Осли огласил темноту.

– Ох-хо! О-хо-хо! Друзья, вы только взгляните на этого ангела возмездия! Смотрите, как он потешно сучит ручонками! – Толстяк подошел ближе. В алом отсвете трубки, омывшем его лицо, Мэтью увидел лик столь ужасный, что и архангел Михаил бы испугался. – Меня от тебя тошнит, Корбетт! Эта твоя тупость и мерзкая честь – с души воротит, ей-богу! Путаешься у

меня под ногами, проходу не даешь, надеешься мне насолить! Ты ведь этого хочешь? Спустить на меня всех собак? Для этого ходишь за мной по пятам, а? Раз до сих пор ходишь, знать ничего у тебя нет, ничегошеньки! А если б было что-то, кроме нелепых догадок да ложных воспоминаний, ты давно натравил бы на меня покойного судью Вудворда или своего нового пса – Пауэрса! Разве я не прав? – Голос его вдруг переменялся. Осли заскрипел, как брызгливая старуха: – Черт, вляпался из-за тебя!

И после раздумчивой тишины:

– Мистер Бромфилд, будьте любезны, подтащите-ка сюда Корбетта.

Одна рука схватила Мэтью за шиворот, другая – за сорочку на пояснице. Головорез, которому переносить тела явно было не впервой, быстро и решительно потащил его к Осли. Мэтью напрягся и попытался дернуться, однако могучий кулак – принадлежавший, видимо, Карверу – незамедлительно напомнил его ребрам, что гордость доводит не до добра, а до переломов.

– Душа у тебя грязная, Корбетт, – сказал Осли, обдав его запахами табака и гвоздики. – Недурно бы ее слегка почистить. Начнем, пожалуй, с лица. Мистер Бромфилд, будьте так добры.

– Всегда к вашим услугам, – ответил головорез, державший Мэтью. С дьявольским наслаждением он схватил его за волосы и впечатал лицом в засиженную мухами кучу конского навоза, куда только что угодил сапог Осли.

Мэтью понял, что сейчас произойдет. Он успел только стиснуть зубы да зажмуриться, а в следующий миг лицо его погрузилось в кучу «яблок». Причем омерзительно свежих, как успел отметить Мэтью аналитической частью ума, не утратившей еще способности трезво оценивать происходящее. Навоз был прямо-таки бархатистый. Даже теплый. Как будто на лицо надели бархатный мешок. Ноздри моментально забились, но Мэтью задержал дыхание: воздух неподвижно стоял в легких. Сопротивляться он не стал, даже когда ему на голову наступили сапогом, так что нос зарылся в навозную кучу по самую мостовую. Осли и его прихвостни хотели, чтобы Мэтью сопротивлялся, – тогда его можно сломать. И потому сопротивляться он не будет, нет, пусть воздух уже рвется из легких, а лицо по-прежнему зарыто в вонючее месиво под окаянными сапогом. Он до последнего будет лежать без движения, чтобы в другой раз, уже стоя на ногах, сражаться лучше.

Осли скомандовал:

– Подымайте.

Бромфилд повиновался.

– Карвер! Сделай так, чтобы он вдохнул.

Верзила открытой ладонью с размаху хлопнул Мэтью по груди. Воздух вырвался у него изо рта и ноздрей, разбрызгивая навоз.

– Черт! – взревел Карвер. – Он мне рубаху загадил!

– Ну так отойди, отойди. Дай ему как следует насладиться своим ароматом.

Мэтью пришлось втянуть воздух. Ноздри по-прежнему были забиты навозом. Он коркой запекся на лице, точно болотная жижа, и пах тошнотворно – прелой травой, гнилым кормом и... иными словами, свежим навозом только-только из-под коня. С трудом сдержав рвотный позыв, Мэтью попытался вытереть глаза, но сзади его держал Бромфилд – ручки у него были крепкие, как пиратский швартов.

Осли коротко, истошно хохотнул:

– Да вы гляньте! Не благородный мститель, а пугало! Такой рожей только стервятников пугать, Корбетт!

Мэтью фыркнул и изо всех сил потряс головой; увы, некоторое количество гадкого кушанья все же просочилось сквозь плотно поджатые губы.

– Ладно, отпускайте, – сказал Осли.

Бромфилд выпустил Мэтью и тут же хорошенько толкнул в спину – тот снова растянулся на земле, а когда с трудом поднялся на колени и вытер наконец глаза, Осли встал над ним и тихо, со смесью угрозы и скуки в голосе, произнес:

– Больше ты за мной ходить не будешь, ясно? Заруби это себе на носу, не то в следующий раз так легко не отделаешься. – Затем он обратился к остальным: – Что ж, полагаю, можно оставить молодого человека наедине с его размышлениями?

Последовал характерный звук – кто-то собирался смачно харкнуть. В следующий миг жирный плевок приземлился Мэтью на левое плечо: Карвер (или Бромфилд?) напоследок продемонстрировал свои манеры. Затем раздалися удаляющиеся шаги, Осли что-то сказал, остальные засмеялись, и наконец все стихло.

Мэтью сидел на мостовой, отирая лицо рукавами. Живот крутило. Ярость и стыд жгли изнутри так, словно он сидел под палящим полуденным солнцем. Голова болела немилосердно, глаза слезились. В конце концов его вывернуло «староадмиральским» элем и съеденным на ужин сальмагунди. Мэтью пришлось в голову, что сегодня он проведет немало времени над умывальным тазом.

Наконец, спустя чуть ли не час, он сумел встать и подумать о том, как добраться домой. До его ночлега на Бродвее, рядом с гончарной мастерской Хайрама Стокли, идти было добрых двадцать минут. Долгих двадцать минут зловония. Но ничего не поделаешь, идти-то надо. Мэтью отправился в путь, kloкоча от ярости, пошатываясь и смердя, в самом скверном расположении духа. Сыскать бы теперь лошадиную поилку и залезть в нее целиком. Очистить лицо и мысли.

И что завтра? Неужто он опять наберется наглости, затаится в тени у приюта на Кинг-стрит и будет ждать, когда Осли задумает наведаться в кабак или игорный дом? А потом вновь начнет слежку, уповая... на что? Не лучше ли остаться дома, смириться с досадным фактом, что Осли прав: у него нет абсолютно никаких доказательств и едва ли они когда-нибудь появятся? Но сдаться... сдаться означает предать всех. Отречься от цели, от причины своего священного гнева, от благородной миссии, которая так отличает его от прочих жителей этого города и стала смыслом его существования. Кто он такой без этой миссии?

Я обыкновенный секретарь – и по совместительству уборщик гончарной мастерской, думал Мэтью, шагая по безмолвному Бродвею. Простой юноша, ловко орудующий пером и шваброй, чей разум истерзан видениями о насилии и несправедливости над невинными душами. Именно это заставило его три года назад, в городе Фаунт-Ройал, возразить судье Вудворду – своему наставнику, практически отцу – и заявить, что Рейчел Ховарт невиновна в колдовстве. Не это ли его решение свело большого судью Вудворда в могилу? Возможно. Мысль сия тоже терзала Мэтью, бесконечно стегала его душу раскаленным хлыстом во все часы его бодрствования, освещаемые солнцем или свечою.

Поилка для лошадей нашлась возле церкви Троицы, на пересечении Уолл-стрит и Бродвея. Здесь крепкая булыжная мостовая, выложенная голландцами, заканчивалась и начиналась обыкновенная, хорошо утоптанная английская земля. Опустившись на колени возле поилки и плеснув в лицо грязной воды, Мэтью едва не разрыдался. Но для рыданий нужны были силы, а силы у него кончились.

Завтра будет завтра, верно? Новое начало, так ведь говорят? Какие перемены принесет новый день – никому не известно, но одно останется неизменным, это точно, – его желание привлечь Эбена Осли к ответственности за зверские преступления против невинных детских душ. Это непременно нужно сделать, иначе... Иначе все бессмысленно, благородная цель ляжет неподъемным ярмом на его шею, и он прогнется, не сдюжит, молча примет то, что всегда казалось неприемлемым.

Наконец Мэтью привел себя в более-менее подобающий вид и мог идти домой (хотя по-прежнему выглядел как кошмар оборванца). Картуз при нем, уже славно. И жизнь при нем, а

это еще лучше. Значит, можно расправить плечи, подумать о хорошем и отправиться дальше по улицам ночного города – в полном одиночестве.

Глава 2

В то солнечное утро хозяева дома жизнерадостно щебетали о предстоящем дне, не догадываясь о ночных злоключениях Мэтью, его головной боли и расстройстве желудка. Он стойко помалкивал о своих страданиях, пока Хайрам Стокли с женой Пейшенс хозяйничали на солнечной кухне белого домика, позади гончарной лавки.

На тарелке у Мэтью лежали кукурузные оладьи и кусок солонины; в любой другой день он почел бы эту еду за лакомство, однако сегодня невеселые думы мешали ему насладиться завтраком в полной мере. Стокли были славные и добрые люди, да и с комнатой над гончарной лавкой ему очень повезло. В обязанности Мэтью входило убирать мастерскую и помогать с обжигом – в меру своих ограниченных способностей, конечно. У хозяев было два сына: один – капитан торгового судна, второй – лондонский счетовод. Мэтью видел, что мистер и миссис Стокли по ним скучают, и им приятно разделить с кем-то трапезу.

Впрочем, третий член семьи явно приметил неладное. Быть может, Сесилии, домашней свинке, пришлось не по душе ветчина на тарелке Мэтью – столь воинственно она его обнюхивала. Гнев ее был вполне понятен, учитывая, что Мэтью орудовал ножом и вилкой над ее родственником. Казалось бы, за два года изнеженной жизни в доме Стокли она могла бы привыкнуть к каннибальским замашкам хозяев и понять, что на ветчину ее, умную и славную свинку, не пустят. Однако она так хрюкала, бодала его колени рылом и в целом вела себя столь странно, что Мэтью невольно задался вопросом: а весь ли конский навоз он смыл? Вчера, пытаясь над умывальником, он едва не стер себе кожу сандаловым мылом, но, быть может, талантливый пятачок Сесилии все же обнаружил подозрительную нотку.

– Сесилия! – окрикнул Хайрам дородную девицу, когда та особенно сильно ткнула Мэтью носом в правую коленную чашечку. – Да что с тобой такое?

– Боюсь, это мне неизвестно, – последовал ответ Мэтью, догадавшегося, впрочем, что Сесилия вспоминает привольную юность в свинарнике. Несмотря на чистые брюки, сорочку и чулки, он явно источал некий знакомый ей аромат.

– Неймется ей. – Пейшенс, крупная и могучая женщина с седыми волосами, убранными под голубой ситцевый чепец, сидела возле очага и раздувала мехами огонь под сковородкой. – Блажь на свинью нашла.

Хайрам – белобородый здоровяк под стать жене, со светло-кариими глазами цвета глины, с которой он работал не покладая рук, – глотнул чаю. Сесилия сделала круг по кухне, а затем вновь залезла под стол и с фырканьем ткнулась Мэтью в колено.

– Помнишь, она так же чудила за два дня до пожара? А ну как беду пророчит?

– Вот уж не думал, что Сесилия у нас предсказывает будущее. – Мэтью отодвинулся от стола, однако свинка продолжала тыкаться в него рылом.

– Ты ей по душе, – посмеялся Хайрам. – Может, она чего сказать тебе хочет, а?

Опоздала на денек, подумал Мэтью.

– Я тут вспомнила, – тихо проговорила Пейшенс, вновь приступая к работе, – как к нам в последний раз доктор Годвин заходил. За тарелками. Припоминаешь, Хайрам?

– Доктор Годвин? – Хайрам немного сощурился. – Хмм.

– А при чем тут Годвин? – спросил Мэтью, чувствуя, что ему, вероятно, полезно будет это знать.

– А! Пустяки. – Хайрам глотнул чаю и принялся за последний оладушек.

– Видно, не совсем уж пустяки, – вставил Мэтью, – раз вы это помянули.

Гончар пожал плечами:

– Да что со свиньи возьмешь?

– Значит, свинья имеет отношение к доктору Годвину?

– Ну дак когда он за тарелками заходил... В тот день она так же колобродила.

– В тот день?.. – Мэтью уже понял, что это был за день, но не удержался: – Когда его убили, верно?

– Глупости это все, – буркнул Хайрам и поерзал на стуле, думая, что пора бы ему привыкнуть к безуданным расспросам Мэтью и тем более к этому пронизательному взгляду, каковым юноша сверлил собеседника, почуяв подвох. – Да я и не помню, в тот день оно случилось или после... А тебе, Пейшенс, спасибо! Нашла тему для разговора...

– Я же не со зла, ладно тебе!.. – сконфузилась его супруга. – Просто думала вслух.

– Может, хватит уже?! – Раздосадованный Мэтью вскочил со стула, чтобы убраться подальше от Сесилии. Брюки у него совершенно промокли на коленях от ее слюны. – Мне пора, надо сбегать по одному делу перед работой.

– Булочки почти готовы, – сказала Пейшенс. – Садись, судья подожд...

– Нет, простите, бегу! Спасибо за завтрак. Полагаю, мы с вами увидимся на обращении лорда Корнбери к жителям города?

– Да, мы придем. – Хайрам тоже встал. – Мэтью, ты в голову-то не бери! Просто свинка с тобой играла, подумаешь...

– Конечно. Я и сам так считаю. Между мной и доктором Годвином нет ничего общего – в том смысле, что его убили, а меня вроде никто убивать не собирает... – «Господи, – подумал Мэтью, – да что я такое несу? У меня жар?» – Ну, до встречи.

Он увильнул от Сесилии, которая с громким хрюком заходила на новый круг, выскочил за дверь и по выложенной плитняком дорожке поспешил на улицу.

Ну и нелепость, думал он, стремительно шагая на юг. Всерьез гадать над предсказаниями какой-то свиньи! Разве можно в такое верить! Некоторые, впрочем, верят. Животные якобы чувствуют перемену погоды раньше человека, но думать, будто они способны предречь убийство!.. Отдает ведовством, не так ли? А значит, это полнейший бред!

Казалось, этим прекрасным утром все население Нью-Йорка решило разом выйти на улицу. Кругом все шныряло, рыскало, носилось и гавкало. Город превращался в натуральный зверинец – вроде тех, что обнаруживались на некоторых прибывавших из Англии кораблях. За три месяца странствий половина пассажиров погибали, и на зеленые берега Северной Америки ступали только лишь их кошки, козы, куры да собаки.

Гончарная мастерская Стокли стояла на самой окраине города. На север от их дверей уходила Хай-роуд, что вела через холмистые поля и густые зеленые леса к далекому городу Бостону. Солнце золотыми хлопьями лежало на водах Ист-Ривер и Гудзона. Поднявшись по Бродвею на холм, Мэтью окинул взглядом расстилавшийся внизу Нью-Йорк, как делал всякий раз, отправляясь утром на работу.

Над россыпью черепичных крыш – домов, лавок и всевозможных пристроек – висел дымок очагов и кузниц. Работающие горожане сновали по улицам пешком, верхом и на повозках, запряженных волами. Из телег на углах уже вовсю шла торговля корзинами, канатами и прочим скарбом. Словом, жизнь была ключом; не стоял на месте и уборщик навоза, сгребавший звериный помет в тележку с похожим на ведро кузовком – для продажи на фермерском рынке. Мэтью мог бы подсказать этому человеку, где неподалеку от Слоут-лейн лежит отменная куча.

Три белопарусных яла шли по ветру по Ист-Ривер. Под звон колоколов на причале и крики провожающих две длинные весельные лодки выводили из гавани судно покрупнее. Разумеется, порт был сердцем деловой жизни города и превращался в улей еще до рассвета. Кого здесь только не было: парусные мастера, якорщики, рыбаки, лебедчики, стропальщики, смолильщики, корабельные плотники, гвоздоделы и прочие представители морских профессий. Если же путник уводил взгляд вправо от доков, то попадал в царство торговых складов, где

хранились все товары, покидающие город или прибывающие в него. Здесь работали упаковщики, взиматели транспортных пошлин, тальманы, такелажники и писцы. В центре Нью-Йорка располагались каменные здания таможи, дома мэра и новенькой ратуши, где под одной крышей собрались все, кто ведал насущными вопросами политики и городской жизни вообще: администрация, архив, судебные органы, главный констебль и главный прокурор. По большому счету они были нужны лишь затем, полагал Мэтью, чтобы не дать конкурирующим коммерсантам переубивать друг друга, ибо дикие лондонские нравы благополучно перекочевали из Старого Света в Новый.

Мэтью стремительным и полным решимости шагом двинулся вниз, в город. По собственному опыту и по солнечным часам рядом с пекарней мадам Кеннедей он определил, что судья Пауэрс явится на рабочее место не раньше чем через полчаса. Мэтью решил, что не сядет за перо и бумагу, покуда не разбередит душу одному кузнецу.

При всем обилии загонов для скота, хлевов, конюшен, живодерен, складов и кабаков Нью-Йорк был красивым городом. Голландцы оставили отчетливый след в его облике: узкие фасады, высокие остроконечные крыши, флюгера, декоративные дымоходы, простые, но геометрически выверенные сады. На всех зданиях к югу от Стены лежала печать голландской архитектуры, а дома и постройки к северу от вышеозначенной границы имели вид топорный, типично английский. Намедни в «Галопе» Мэтью ввязался в довольно оживленный спор на эту тему; в будущем, утверждал он, всем станет ясно, что голландцы имеют пасторальный образ мышления и стремятся украсить все вокруг себя парками и садами, в то время как англичане готовы во имя коммерции заставить каждый свободный клочок земли своими безликими коробками. Достаточно пересечь Уолл-стрит, чтобы почувствовать разницу между Лондоном и Амстердамом. Пусть сам Мэтью никогда не видел этих городов, у него имелась неплохая библиотека, и он всегда живо интересовался рассказами путешественников. Кроме того, он по любому вопросу имел свое мнение, благодаря чему неизменно выставлял себя в ходе подобных бесед в «Галопе» либо героем, либо посмешищем.

В самом деле, размышлял Мэтью, двигаясь по Бродвею в сторону церкви Троицы, Нью-Йорк становится... Как бы лучше выразиться? Космополитичным, быть может? Его настоящее и будущее начинают иметь значение для остального мира, – по крайней мере, так оно кажется. На мостовых города то и дело попадают гости из Индии в ярких платьях, бельгийские финансисты в темных сюртуках и черных треуголках – воплощение серьезности – и даже голландские купцы в камзолах с золотыми галунами и в затейливых париках, с которых при каждом шаге сыпется белая пудра. Все это – верное свидетельство того, что враги вполне способны поступиться гордостью ради звонкой монеты. В городских трактирах за кубком вина и тарелкой трески днем и ночью обсуждаются денежные вопросы: за одним столом сидят торговцы сахаром с Кубы, промышленные драгоценными камнями евреи из Бразилии и немецкие закупщики табака из Стокгольма. Регулярно навещаются в Нью-Йорк поставщики пигмента индиго из Чарльз-Тауна и представители бесчисленных предприятий Филадельфии и Бостона. Частенько можно наблюдать, как индейцы племен могижан, синтсинк или ирокезов въезжают в город на телегах, полных оленины или медвежьих и бобровых шкур, чем повергают в смущение людей и собак в равной степени. И разумеется, в гавань приходят рабовладельческие корабли из Африки и Вест-Индии. Тех, кого не покупают на месте, отправляют на торги в другие места вроде Лонг-Айленда. Примерно в каждом из пяти нью-йоркских хозяйств трудятся рабы; и хотя городские власти запретили им собираться в компании более двух человек, от купцов в порту то и дело доносятся тревожные слухи о шайках рабов, устраивающих ночью беспорядки на улицах, – быть может, памятуя о давней племенной вражде, они продолжают биться друг с другом за «свои» территории.

Мэтью гадал, чем грозит городу подобный космополитизм. Неужели Нью-Йорк переймет не только размеры, но и пороки Лондона, неужели его постигнет та же бедственная участь?

От баек об этом городе-пандемониуме кровь стыла в жилах: двенадцатилетние проститутки, парады уродов, беснующиеся у виселицы толпы. Последняя отвратительная мысль напомнила ему о едва не состоявшемся публичном сожжении Рейчел Ховарт в Фаунт-Ройале – как кроважидно заревела бы веселая толпа, глядя на взмывающий в небо пепел... Что же будет с Нью-Йорком лет через сто? Не предопределено ли судьбой и природой человеческой, что каждый Вифлеем со временем превращается в Бедлам?

Переходя через Уолл-стрит перед церковью Троицы с черной чугунной оградой вокруг погоста, Мэтью бросил взгляд на поилку для лошадей, в которой он смывал с себя следы ночных злоключений. Еще недавно здесь стояла бревенчатая крепостная стена высотой в двенадцать футов, сооруженная голландцами для защиты от англичан незадолго до того, как город все-таки перешел в руки последних. Случилось это тридцать восемь лет назад. И теперь Нью-Йорку больше ничто не угрожает снаружи, кроме разве эпидемии страшной болезни или иного стихийного бедствия. Мэтью подумалось, что новая угроза, скорее, возникнет изнутри, потому что город забудет, чем чревата людская жадность.

Слева на той же Уолл-стрит располагались здания ратуши и тюрьмы. Перед последней на позорном столбе у всех на виду стоял известный карманник Эбенезер Грудер, а рядом – корзина с гнилыми яблоками для желающих лично свершить правосудие над воришкой. Мэтью двинулся дальше и ступил в затянутое дымом царство конюшен, складов и кузниц.

Местом его назначения было одно из этих заведений под незатейливой вывеской «Кузница мастера Росса». Он вошел в открытую амбарную дверь, за которой в тусклом свете гремели молоты и оранжевый огонь полыхал в горне из черного кирпича. Крепкий светлокудрый молодой человек работал мехами, заставляя пламя реветь и плевать. Позади него трудились у наковален кузнец Марко Росс и его второй подмастерье. Они изготавливали очень нужную вещь – подковы для лошадей; шум в кузнице напоминал примитивную музыку, поскольку производимые молотами звуки имели разную высоту. Все работники были в кожаных фартуках, защищающих их от осколков раскаленного металла. Невзирая на ранний час, рубахи на спинах кузнецов промокли насквозь от жары и тяжелого труда. Вдоль стен выстроились в ожидании проверки колеса, плуги и прочий готовый фермерский инструмент: работы мастеру Россу явно хватало.

Мэтью прошел по выложенному кирпичами полу к молодому человеку с мехами. Подождал. Джон Файв почувствовал его присутствие и обернулся. Тогда Мэтью кивнул, и Джон кивнул в ответ; его ангельское лицо покраснело от жара, под густыми белыми бровями сверкнули светло-голубые глаза. Не сказав ни слова, он вернулся к работе, ведь беседовать в кузнице, когда говорят молоты, бесполезно.

Наконец до Джона дошло, что Мэтью так просто не отстанет. Подмастерье ссутулил плечи и, не оборачиваясь, опустил меха. Уже по одному этому жесту Мэтью понял, каков будет исход встречи, но... попытка не пытка. Джон Файв махнул рукой в воздухе, привлекая внимание хозяина, и показал ему пять пальцев: мол, дайте мне пять минут. Кузнец Росс коротко кивнул и бросил строгий взгляд на Мэтью – некоторые тут работают! – после чего взялся за щипцы и молот.

На улице, в лучах подернутого дымкой солнца, Джон отер тряпкой блестящий от пота лоб и спросил:

- Как поживаешь, Мэтью?
- Ничего, спасибо. А ты?
- Тоже хорошо.

Джон был ниже Мэтью ростом, зато имел широкие плечи и могучие руки прирожденного укротителя металла. Моложе Мэтью на четыре года, он, однако, на юнца не тянул. В сиротском доме на Кинг-стрит – носившем во времена оны название «Сент-Джонский приют для мальчиков» (позднее открылось еще два отделения, приют для девочек и взрослых бедняков) – он

оказался пятым Джоном из тридцати шести воспитанников мужского пола, отсюда и фамилия. У Джона Файва не было левого уха, а через весь подбородок шел глубокий шрам, оттягивавший вниз правый уголок рта, так что на лице его вечно царил печаль. Джон Файв помнил отца, мать и домик на лесной полянке, – быть может, он невольно идеализировал эту картинку из своего детства. Помнил двух малых детей – вероятно, младших братьев. Еще он помнил бревенчатые стены форта и человека в треуголке с золоченым кантом, который о чем-то разговаривал с его отцом и показывал ему древко обломанной стрелы. Кроме того, в памяти юноши остался пронзительный женский визг и размытые фигуры людей, врывающихся в окна и двери. Отблеск огня на поднятом топоре. На этом свеча его памяти погасла.

Также он весьма отчетливо запомнил – и однажды ночью поведал об этом Мэтью и остальным друзьям из приюта – тощего, как жердь, человека с черными зубами, который то и дело прикладывался к бутылке и кричал Джону: «Танцуй, танцуй, гаденыш! Танцуй, пока мы ужинаем, и улыбайся, не то я тебе улыбку ножом нарисую!»

Джон Файв танцевал в трактире и видел, как пляшет на стене его тень. А тощий собирал у гостей монеты и складывал их в глиняный горшок. Потом он напился вдрызг и, сыпля проклятиями, упал на вонючую койку в какой-то тесной комнатухе, а Джон заполз под койку и там заснул. В комнату ворвались двое и забили тощего дубинами до смерти. Когда его мозги брызнули на стены, а кровь потекла по полу, Джон подумал, что никогда не любил танцевать.

Вскоре после этого некий странствующий священник привел девятилетнего Джона в приют и оставил там под присмотром требовательного, но справедливого директора Стаунтона. Через два года Стаунтон отбыл вслед за мечтой – спасти души индейцев-язычников, – а его место занял Эбен Осли, прибывший по назначению из старой доброй Англии.

Стоя с Джоном Файвом у дверей кузницы и глядя, как город постепенно начинает входить в рабочий ритм нового дня, а его жители стремительно плывут по течениям своих жизней, словно рыбы в реке, Мэтью потупился и осторожно, взвешивая каждое слово, произнес:

– Когда мы виделись в последний раз, ты обещал подумать о моей просьбе. – Мэтью заглянул молодому человеку в глаза. Ответ читался в них легко, как в раскрытой книге, но не спросить он не мог: – Ты подумал?

– Подумал, – буркнул Джон.

– И?

Джон болезненно поморщился и опустил взгляд на костяшки своих кулаков, которыми он помахивал в воздухе – словно вел в ту минуту некий внутренний бой. Мэтью понимал, что так оно и есть, но вынужден был упорствовать:

– Мы с тобой прекрасно знаем, что нужно делать. – Ответа не последовало, и Мэтью копнул глубже: – Он решил, будто ему все сойдет с рук. Будто никому нет дела. Да-да, вчера я с ним встречался. Он каркал, как безумец, твердил, что у меня ничего нет, иначе я давно пошел бы к судье. Ты ведь знаешь, что они с главным констеблем регулярно играют в карты. Без доказательств у меня ничего не выйдет, Джон. Нужен человек, который осмелится все рассказать.

– Человек тебе нужен, – с легкой горечью в голосе произнес Джон.

– Майлс Ньюэлл с женой переехали в Бостон, – напомнил Мэтью. – Вообще-то, он был готов дать показания и почти дал, но теперь его нет. Остался только ты.

Джон молчал, все еще стискивая кулаки и пряча глаза.

– Натан Спенсер в прошлом месяце повесился, – сказал Мэтью. – Двадцать лет ему было, а он так и не забыл...

– Про Натана я отлично знаю. Тоже на похороны ходил. И я часто его вспоминаю, ей-богу, он же сюда наведывался с разговорами, вот как ты. Скажи мне правду, Мэтью... – Он наконец обратил на него взор – одновременно исполненный страдания и жаркий, как пламя в кузнечном горне. – Кому прошлое покоя не давало – ему... или тебе?

– Нам обоим, – честно ответил Мэтью.

Джон тихо хмыкнул и вновь отвернулся:

– Мне его очень жалко. Он хотел забыть, жить дальше... да только ты ему не дал, верно?

– Я понятия не имел, что он хочет наложить на себя руки.

– А он, может, и не хотел, пока ты не начал его донимать. Никогда об этом не задумывался?

Мэтью, безусловно, задумывался, однако мысли эти упорно гнал: глядя утром в зеркало для бритья, он не мог признать, что именно его просьбы свидетельствовать против Эбена Осли перед судьей Пауэрсом и главным прокурором Джеймсом Байнсом привели к тому, что Натан решил перебросить веревку через балку на чердаке, а потом затянуть петлю у себя на шее.

– Натан был болен, – продолжал Джон Файв. – Душой слаб. А ты, раз такой умный, мог бы и догадаться.

– Вернуть его не под силу ни мне ни тебе, – ответил Мэтью совсем не тем тоном, каким хотелось: он будто решительно отказывался брать на себя ответственность. – Мы должны завершить нача...

– Мы? – сдвинул брови Джон; Мэтью знал, что его гневом не следует пренебрегать. – Кто это – мы? Я не говорил, что твои дела меня интересуют. Просто слушал твою болтовню, только и всего. Ты же у нас теперь такой важный, образованный и говоришь так складно! Да на одном красноречии далеко не уедешь.

Мэтью, как водится, решил взять почин на себя:

– Согласен. Хватит разговоров. Пора переходить к делу.

– О как! Пора и на мою шею петлю накинуть, да?

– Вовсе нет.

– А именно так оно и выйдет. Я вешаться не собираюсь, не думай. Но жизнь ты мне порушишь – и ради чего? – Джон Файв сделал глубокий вдох и мотнул головой, а потом заговорил тихо, почти безнадежно: – Осли прав. Всем плевать. А ежели ты вздумаешь на него наговаривать, никто тебе не поверит. Слишком много у него друзей. Слишком много денег он спустил за игорными столами, чтоб его теперь бросили за решетку или прогнали из города. Кредиторы не позволят. И даже если я все расскажу или кто другой расскажет, нас почтут за безумцев или одержимых, а то и... ну, не стану говорить, что со мной может случиться.

– Если ты боишься за свою жизнь, судья Пауэрс...

– Все треплешь, треплешь языком, – сказал Джон Файв и грозно пошел на Мэтью (тот было решил, что давняя дружба двух приютских сирот может закончиться для него переломом челюсти), – а сам и слушать никого не желаешь. – Он вдруг прекратил наступление и бросил взгляд на улицу: мимо ходили джентльмены и дамы, проехала повозка, дети со смехом носились друг за дружкой, словно у них не жизнь, а сплошное веселье. – Я сделал Констанции предложение. Поженимся в сентябре.

Джон уже год как был влюблен в Констанцию Уэйд, – Мэтью это знал, но никогда не думал, что другу хватит смелости предложить ей руку и сердце. Она ведь была дочкой сурового проповедника в черных одеждах, Уильяма Уэйда: говаривали, даже птицы перестают петь, стоит ему обратить на них свой немигающий святой взор. Мэтью, бесспорно, обрадовался за Джона. Констанция была девушкой миловидной, с живым и бойким умом. Однако он понимал, что это означает для их дела.

Джон помолчал с минуту, и Мэтью тоже решил придержать язык. Наконец его друг молвил:

– Филип Кови. Беседовал с ним?

– Да. Получил решительный отказ.

– А Николас Робертсон? А Джон Гальт?

– К обоим я подходил – и не по разу. Оба отказались.

– Так чего ж ты ко мне прилип, Мэтью? Почему возвращаешься?

– Потому что я знаю, какая у тебя была судьба. Еще до Осли. Как индейцы на твою деревню напали, а новый хозяин по кабакам тебя таскал и заставлял плясать на потеху публике... Сколько ты снес унижений, бед и ужасов. Вот я и решил, что ты захочешь поквитаться. Отправить Осли туда, где ему и место.

На это Джон Файв ничего не ответил, и на лице его не отразилось никакого чувства.

Мэтью твердо произнес:

– Я думал, ты захочешь свершить правосудие.

Тут, к удивлению Мэтью, на лице Джона все же появился какой-то намек на чувство. То был призрак многозначительной улыбки или, если точнее, осознания.

– А в правосудии ли дело? Может, ты просто хочешь, чтобы я опять сплясал, только уже под твою дудку?

Мэтью раскрыл рот и хотел самым пылким образом возразить Джону, однако тот его остановил.

– Прошу, выслушай меня, Мэтью, и пойми, что я пытаюсь сказать, – тихо проговорил он. – Осли тебя ни разу пальцем не тронул, так? Ты был... слишком для него взрослый, верно? И вот по ночам ты что-то слышал, ну, крикнул кто-то пару раз – и все. А может, ты не на тот бок лег, вот тебе дурной сон и приснился. Или ты хотел вмешаться, но не мог и потому чувствовал себя ничтожным и слабым, а теперь задумал отыгаться. Но ежели бы кому и захотелось поквитаться с Осли, так это мне, или Кови, или Робертсону. А мы не хотим. Мы просто хотим жить своей жизнью. – Джон умолк, чтобы до Мэтью лучше дошло. – Вот ты все про правосудие болтаешь. Оно, может, и хорошо, вершить правосудие, да только Фемида – она незрячая, верно? Так говорят?

– Примерно.

– То-то и оно. Если я или кто другой даст под присягой показания против Осли, вряд ли тот получит больше, чем старик Грудер. А скорее, и того не получит. Зубы всем заговорит иль откупится, не зря ведь с главным констеблем дружит. Ты сам посуди, Мэтью, что со мной станет, если я всем расскажу, как надо мной измывались? Мне жениться в сентябре! Понравится преподобному Уэйду такой зятек, как думаешь?

– Думаю, они с Констанцией оценят твою храбрость.

– Ха! – Джон едва не расхохотался ему в лицо. Взор его потух. – Нет у меня никакой храбрости.

– Значит, ты решил поставить на этом деле крест? – У Мэтью на лбу и затылке выступила испарина. Джон Файв был последней его надеждой. – Махнуть на все рукой? Окончательно?

– Да, – последовал решительный ответ. – Потому что мне еще пожить хочется, Мэтью. Жаль остальных, но я не могу им помочь. Зато я могу помочь себе. Разве это такой уж страшный грех?

Мэтью оторопел. Он опасался, что Джон Файв ему откажет, и в самом деле исход встречи был изначально предрешен, однако эти слова стали для него большим ударом. Мысли вертушками закрутились в голове. Если нет способа развязать язык давним жертвам Осли и никак нельзя проникнуть в приют, чтобы добыть показания у новых жертв, выходит, директор приюта выиграл и бой, и всю войну. А Мэтью с его твердой верой в силу и справедливость правосудия – пустозвон, медь звенящая и кимвал звучащий. Он приехал в Нью-Йорк из Фаунт-Ройала с одной-единственной целью – спланировать и довести до конца эту битву, а теперь...

– Всем сейчас нелегко, – сказал Джон Файв. – Нам ли с тобой не знать? Да только не нужно в это упираться, надо идти дальше. Если будешь крутить без конца в голове одно и то же, ничего хорошего, поди, не выйдет.

– Да, – зачем-то согласился Мэтью. Собственный голос доносился до него словно изда- лека.

– Надо тебе найти другую цель в жизни, получше этой, – не без тепла в голосе сказал Джон. – Ту, за которой есть будущее.

– Будущее... – эхом отозвался Мэтью. – А что, пожалуй, ты и прав...

Сам он при этом думал, что предал себя, всех приютских детей и даже память покойного судьи Вудворда предал. В ушах звучал его голос со смертного одра: «Я всегда тобой гордился. Всегда. Я понял это с самого начала. Когда увидел тебя... в сиротском приюте. То, как ты держался. В тебе было нечто... особенное... чему трудно дать определение. Но бесспорно особенное. Ты еще себя проявишь. Где-нибудь. Ты изменишь что-то важное... в чьей-нибудь жизни... просто потому, что ты такой есть».

– Мэтью?

«Я всегда тобой гордился».

– Мэтью?

До него наконец дошло: Джон что-то ему говорит, но что?.. Мэтью усилием воли вернулся в настоящее – вынырнул, подобно пловцу, на поверхность грязного омута.

– Да?..

– Я спросил, идешь ли ты на мероприятие. В пятницу.

– Мероприятие? – Ах да, расклеенные по городу объявления... – Какое?

– Ну, в церкви. Знаешь, Элизабет Мартин ведь на тебя глаз положила.

Мэтью рассеянно кивнул:

– Дочь сапожника... Ей же четырнадцать исполнилось?

– И что? Невеста она завидная, Мэтью, я бы на твоём месте нос-то не воротил.

– Да я и не ворочу. Просто... как-то я не расположен к общению.

– А кто сказал, что вам надо общаться? Я тебе про женитьбу толкую!

– Хм, вероятно, тебе стоит пересмотреть свои взгляды на брак.

– Ладно, как знаешь. Мне работать надо. – Джон направился было к кузнице, но вдруг замешкался и остановился в лучах солнца. – Можешь хоть до посинения биться башкой об стену, ежели хочешь, – сказал он. – Да только стене от этого никакого вреда. А тебе?..

– Не знаю, – последовал изможденный, раздавленный ответ.

– Надеюсь, скоро узнаешь и поймешь. Хорошего тебе дня, Мэтью.

– И тебе, Джон.

Джон Файв вернулся в кузницу, а Мэтью – в голове все еще стоял туман, вызванный не то разочарованием, не то ударом доски по голове, – вышел на Нью-стрит, а оттуда двинулся на север Уолл-стрит, к конторе судьи Вудворда в городской ратуше. Ему пришлось вновь пройти мимо позорного столба, к которому вполне заслуженно приковали Эбенезера Грудера (Мэтью по долгу службы довелось ознакомиться с материалами его дела).

Грудер был не один. Рядом с корзиной боеприпасов стоял стройный денди в бежевом сюртуке и треуголке в цвет. У него были светлые, почти белые волосы, собранные сзади бежевой лентой, и светло-коричневые башмаки из дорогой кожи; на левом плече лежал хлыст. Судя по наклону его головы, он с интересом разглядывал преданного общественному поруганию вора. Наконец он взял из корзины яблоко и без промедления метнул его в лицо Грудеру – с расстояния двенадцати футов, а то и больше. Яблоко угодило воришке в лоб и разлетелось на куски.

– Ах ты, тварь! – заорал Грудер, стискивая зажатые в колодки кулаки. – Паскуда! Грязный ублюдок!

Господин молча и деловито выбрал второе яблоко и запустил его Грудеру прямо в рот.

Видно, снаряд оказался крепче первого: на сей раз преступник не стал сыпать проклятиями, а принялся сплевывать кровь из разбитой верхней губы.

Денди – не иначе как гренадер, судя по меткости, – взял третье яблоко, занес руку для нового броска (Грудер, тем временем обретая дар речи, вновь осыпал его непотребной бранью)

и... вдруг застыл. Медленно повернул голову, увидел Мэтью. Лицо у господина было красивое, царственно-благородное и вместе с тем пугающее полным отсутствием каких-либо чувств. Открытой враждебности господин не проявлял, однако Мэтью почудилось, будто он заглянул в глаза скрутившейся в клубок змее, которую он – сверчок, присевший на соседний камень, – посмел слегка потревожить.

Незнакомец еще несколько секунд удерживал на Мэтью пристальный взгляд зеленых глаз, а потом вдруг (словно не увидев в Мэтью никакой угрозы и потому решив довести начатое до конца) развернулся и с холодной свирепостью залепил в окровавленный рот Грудера третье яблоко.

Тот страдальчески взвизгнул. Быть может, он умолял о помощи, да слов было не разобрать из-за сломанных зубов.

Мэтью сознавал, что не должен вмешиваться, не его это дело. В конце концов, судья Пауэрс приговорил преступника к позорному столбу – в дневные часы люди имеют полное право поступать с ним как заблагорассудится. Мэтью прошагал мимо – и очень быстро, ведь он опаздывал на службу. А все ж таки... чересчур жестоко обошелся с вором этот господин.

Он обернулся и увидел, что денди в бежевом стремительно переходит дорогу, удаляясь в противоположном направлении. Грудер затих, свесил голову, и кровь капала с его губ, собираясь в лужицу на мостовой. Руки он по-прежнему стискивал в кулаки и тут же разжимал, словно норовя ухватиться за воздух. В считанные минуты мухи облепят его рот.

Мэтью двинулся дальше. Человека в бежевом он видел впервые. Подобно многим, он, должно быть, недавно прибыл в Нью-Йорк на корабле или в экипаже. Что тут такого?

Однако... удовольствие, с каким он упражнялся в меткости, не давало Мэтью покоя. Безусловно, Грудер заслужил еще и не такого внимания, но... было в этом что-то недостойное, злое и непотребное.

Мэтью подошел к трехэтажному зданию ратуши из желтого песчаника, ступил за высокие деревянные двери, символизирующие государственную мощь, и поднялся по широкой лестнице на второй этаж. В конторе еще пахло свежим деревом и опилками. Он приблизился к третьей двери справа. Та была заперта, поскольку судья не прибыл на место, и Мэтью пришлось воспользоваться своими ключами. А заодно – собрать в кулак всю волю и отвлечься от мыслей о несправедливости, разочаровании и горечи. Впереди – долгий рабочий день на службе закона, а закон, как известно, начальник требовательный.

Глава 3

На часах с маятником было шестнадцать минут девятого, когда мировой судья Натаниел Пауэрс вошел в кабинет – единую просторную комнату с окном в свинцовом переплете, выходящим на северные просторы Бродвея и лесистые холмы за ними.

– Доброе утро, Мэтью, – сказал он, тут же, по своему обыкновению, снимая весьма помятую треуголку сизого цвета и серый полосатый сюртук, повидавший на своем веку больше штопок, чем иные нижние юбки. Одежду он, как всегда, аккуратно повесил на крючки у входа.

– Утро доброе, сэр! – привычно откликнулся Мэтью.

По правде говоря, он не работал, а мечтательно глазел в окно, отвернувшись от двух grossбухов, пузырька хороших индийских чернил и двух гусиных перьев. Впрочем, заслышав в коридоре шаги и лязг дверной ручки, он проворно окунул перо в чернила и вернулся к переписыванию свежего дела Дуффи Боггса, обвиненного в краже свиней и приговоренного за сие деяние к двадцати пяти плетям и выжиганию буквы «В» на правой руке.

– А, письма уже готовы! – Пауэрс подошел к своему столу, который был вдвое больше стола Мэтью и помещался, в соответствии с должностью обладателя, посреди комнаты. Он взял в руки стопку из дюжины конвертов с красными сургучными печатями судейской кон-

торы, адресованных самым разным получателям: от городских чиновников ниже этажом до коллеги-судьи за океаном. – Прекрасная работа, весьма аккуратная.

– Спасибо, – привычно ответил Мэтью на похвалу и вернулся к делу свинокрада.

Судья Пауэрс сел за стол и оказался таким образом прямо напротив своего секретаря.

– Какие на сегодня дела?

– В суде ничего. В час дня у вас встреча с судьей Доусом. И разумеется, вас ждут в три часа на обращении лорда Корнбери к жителям города.

– Как же, как же, – закивал судья.

Лицо у него было добродушное, невзирая на глубокие морщины и омраченный заботами лоб. Шестидесятичетырехлетний судья был женат и имел троих детей: взрослую дочь, уже замужнюю, и двоих сыновей, которые не пожелали иметь никакого отношения к судопроизводству и стали портовыми рабочими (хотя один уже дослужился до бригадира). И вот же чудно, получали эти сыновья куда больше, чем их отец, ибо жалованье у госслужащих было кот наплакал. Каштановые волосы Пауэрса поседели на висках от усталости, нос казался совершенно прямым и нестигаемым, под стать его принципам, а глазам, некогда по-орлиному зорким, время от времени требовались очки. В юности он превосходно играл в теннис, был чемпионом Кембриджского университета и теперь частенько признавался, что тоскует по крикам и гвалту толпы на трибунах. Мэтью порой живо представлял себе того подтянутого, гибкого и красивого спортсмена, упивающегося ликованием публики. Быть может, в своих безмолвных грезах судья Пауэрс по сей день вспоминал ту пору, когда его еще не беспокоили скрип в коленях и боли в спине, сгорбившейся под гнетом судейского долга.

– Эдвард Хайд его зовут, – сказал Пауэрс, решив, что за молчанием Мэтью кроется интерес к новому губернатору. – Третий граф Кларендон. Учился в Оксфорде, служил в королевском драгунском полку, в парламенте был тори. Мой источник также сообщает, что он сделал кое-какие любопытные наблюдения относительно нашего города.

– Так вы уже знакомы?

– Я? Нет, мне пока не оказали такой чести. А те, кому ее оказали, включая главного констебля Лиллехорна, об этом не распространяются и остальных держат в неведении. – Судья принялся листать аккуратную, заботливо приготовленную секретарем стопку бумаг, требующих его внимания (заодно Мэтью очинил перья и собрал с полок своды законов, необходимые для рассмотрения грядущих дел). – Завтра, значит, мы ждем вдову Маклерой?

– Да, сэр.

– Дама утверждает, что Барнеби Ширз украл ее постельное белье?

– После чего продал и на вырученные деньги купил себе мула.

– Что ж, его-то пожитков и на осла б не хватило, – протянул Пауэрс. – Диву даюсь, как эти люди до сих пор друг друга не переубивали...

– Полагаю, им это стоило больших усилий, сэр.

Вдова Маклерой весила под триста фунтов, а Ширз был худой, как жердь, – мог бы при желании протиснуться сквозь прутья тюремной камеры, куда его поместили до выяснения обстоятельств.

– Стало быть, в пятницу? – спросил судья, просматривая свои заметки.

– Последнее слушание по делу Джорджа Нокса назначено на пятницу, девять часов утра.

Пауэрс нашел какие-то свои записи касательно этого дела и некоторое время их изучал. Речь шла о стычке между двумя не поделившими территорию мельниками. Джордж Нокс, находясь в изрядном подпитии, ударил Клемента Стэнфорда бутылкой эля по голове, чем вызвал сумятицу и кровопролитие в трактире «Красный бык», а также за его пределами: друзья и сторонники мукомолов вывалились на Дюк-стрит и устроили там рукопашную.

– Все же этот город не устает меня удивлять, – тихо произнес судья, высказывая свое мнение о происшествии, – проститутки здесь дают уроки кройки и шитья женам священников,

пираты консультируют кораблестроителей по вопросам морского ремесла, христиане и иудеи прогуливаются бок о бок в воскресный день, индейцы играют в кости с колонистами... но стоит представителям одной профессии не поделить серебряную монету, как непременно хлынет кровь. – Он отложил бумаги и нахмурился. – Тебя от этого не мутит?

– Простите, сэр? – Мэтью оторвался от своей писанины. Вопрос судьи застал его врасплох.

– Мутит, – повторил Пауэрс. – Дурно становится. Как подумаешь о людской мелочности, о бесконечном сутяжничестве...

– Э-э... – Мэтью окончательно растерялся. – Я не...

– А, ладно! – Пауэрс махнул рукой. – Ты еще совсем юнец, а я – старый брюзга. Однако тебя ждет та же участь, если поработаешь с мое на судебном поприще.

– Я надеюсь не только поработать, но и значительно продвинуться в своем деле.

– Да что ты? Полжизни переписывать протоколы заседаний, копаться в бумажках, писать за меня письма? Чтобы однажды стать мировым судьей, как я? Ах да, сперва тебе придется отучиться в Англии, а знаешь, сколько это стоит?

– Да, сэр, знаю. Я коплю деньги и...

– На это уйдут годы, – перебил судья, пристально глядя в глаза Мэтью. – И не забывай, что в нашем деле нужны связи. Связи в обществе, в церкви. Разве Айзек тебе не рассказывал?

– Он... говорил, что мне нужно набраться опыта... и что рано или поздно, конечно, я должен получить образование...

– Не сомневаюсь, что из тебя выйдет прекрасный студент и замечательный судья, если ты все же избереешь эту стезю. Но когда ты собирался подавать документы в университет?

Мэтью испытал чувство, которое он впоследствии – ввиду пылкого увлечения шахматами – назвал бы «умственным шахом». Будто слышав сквозь сон далекий набат, он понял: со дня кончины Айзека Вудворда проходили дни, недели и месяцы. Время странно свертывалось, как кровь, сочащаяся из раны. Однако неторопливость этой струйки была мнимой, Мэтью на самом деле терял драгоценные дни весьма важной поры своей жизни. Он осознал также (не без острого ножевого удара горечи под дых), что слепым желанием привлечь Эбена Осли к справедливости он лишает себя будущего.

Он замер неподвижно, занеся перо над аккуратными строчками; тихое тиканье часов в углу вдруг стало невыносимо громким.

Молчал и Пауэрс. Он продолжал разглядывать Мэтью, видя смятение – даже испуг, быть может, – на его лице. Наконец все исчезло, сменившись выражением собранности и напускного спокойствия. Пауэрс сложил руки на груди и тактично опустил взгляд.

– Полагаю, – произнес он, – Айзек посылал тебя ко мне на короткое время. От силы на год. Вероятно, он думал, что платить здесь будут лучше и впоследствии ты уедешь на учебу в Англию. Это по-прежнему возможно, Мэтью, однако считаю своим долгом предупредить, что в университете тебя вряд ли встретят с распростертыми объятьями – юношу без роду и племени, родившегося за океаном и выросшего в сиротском приюте... Не могу обещать, что твое заявление вообще рассмотрят, даже с моим рекомендательным письмом. – Он сдвинул брови. – Да пусть хоть все мировые судьи колоний поют тебе оды, в Старом Свете слишком много зажиточных семей, которые только и мечтают, чтобы их сыновья стали адвокатами. Не мировыми судьями в Америке, как ты понимаешь, а настоящими адвокатами в Англии. Подвизаться на службе общества отнюдь не так прибыльно, как иметь частную адвокатскую практику.

Мэтью наконец обрел дар речи и сдавленно спросил:

– Что же мне делать?

Пауэрс не ответил: он явно погрузился в размышления. Взор его блуждал, ум вертел какую-то мысль, поворачивая ее под всеми возможными углами.

Мэтью терпеливо ждал; хотелось отпроситься домой и потратить оставшуюся наличность на пару-тройку кружек «староадмиральского» эля, но что толку в пьяном бегстве от действительности?

– Ты по-прежнему можешь поехать в Англию, – наконец молвил судья. – Приплатишь немного капитану, остальное прямо на борту отработаешь. Тут я могу поспособствовать... В Лондоне устроишься писарем в юридическую контору, и, глядишь, по прошествии времени какой-нибудь влиятельный господин – имеющий больше веса в обществе, чем я, – пожелает отправить тебя на учебу в достойный университет. Если ты сам, конечно, этого хочешь.

– Разумеется, хочу! Как же иначе?

– Видишь ли... Тебя может ждать кое-что получше, – молвил Пауэрс.

– Получше? – недоуменно переспросил Мэтью. – Да что же может быть лучше?.. – Тут он опомнился: – Простите... сэр.

– Другое будущее. Не надоело тебе возиться со свинокрадами и дерущимися на улицах головорезами? Право слово, погляди на наши последние дела, Мэтью! Хоть одно из них кажется тебе примечательным?

Мэтью замешкался. По правде говоря, почти все последние дела были связаны с воровством и прочими мелкими преступлениями вроде умышленной порчи имущества или клеветы. Лишь два происшествия по-настоящему заняли его ум: убийство попрошайки в том году, когда Мэтью только приехал в Нью-Йорк, и дело о пугале-убийце на ферме Криспина в минувшем октябре. Все остальное, как ему теперь казалось, было лишь упражнением в снохождении.

– Вот и я говорю, – продолжал Пауэрс. – Ничего интересного, сплошь мелкие заурядные проявления людской злокозненности, беспечности и глупости, не находишь?

– Да, но... разве не с этим вынуждены сталкиваться все, кто служит закону?

– Правильно, таковы издержки любого труда во благо общества. Я лишь спрашиваю тебя, Мэтью, действительно ли ты хочешь посвятить жизнь этой – как бы лучше выразиться – прозе жизни?

– Вас ведь судьба не обделила, верно, сэр?

Судья рассеянно улыбнулся и оправил потрепанный манжет сорочки:

– «Не обделила» – это громко сказано, однако не будем об этом. Да, я вполне счастлив на своем поприще. Или, лучше сказать, не жалуясь. Но доволен ли я, интересно ли мне живется? Не сказал бы. Видишь ли, я не по своей воле встал на этот путь, Мэтью. В Лондоне я умудрился нажить себе влиятельных врагов и не успел глазом моргнуть, как меня уже сместили. Оставалось только вместе с семьей отправиться морем на Барбадос или в Нью-Йорк. Словом, в ту пору я сделал все, что было в моих силах, но теперь... – Он не договорил.

Мэтью решил, что Пауэрс высказал не все, что хотел.

– Но теперь?.. – осторожно спросил он.

Судья молча почесывал подбородок, обдумывая следующие слова. Наконец он встал, подошел к окну, оперся на раму и выглянул на улицу. Мэтью развернулся на стуле, чтобы не выпускать Пауэрса из виду.

– В конце сентября я покидаю свой пост, – объявил судья. – А заодно и Нью-Йорк. Вот о чем мы будем беседовать сегодня с судьей Доусом... хотя он пока об этом не знает. Тебе я сообщил первому.

– Покидаете пост?.. – Весть оказалась для Мэтью совершенно неожиданной. Он мог придумать лишь одно объяснение: перемены требуются Пауэрсу, чтобы поправить здоровье. – Вы заболели, сэр?

– Нет, что ты! Напротив, в последнее время я чувствую необычайный прилив сил. Да и решение принято всего несколько дней назад. Я ничего от тебя не скрывал, Мэтью. – Он отвернулся от окна и обратил все свое внимание на молодого человека. Солнечный ореол стоял

у него над плечами и головой. – Помнишь, я иногда упоминал в разговоре своего старшего брата Дарема?

– Да, сэр.

– Я говорил, что он агроном? И что он ведаёт делами табачной плантации лорда Кента в колонии Каролина?

Мэтью кивнул.

– Дарем просит моей помощи, хочет поручить мне управление и целиком посвятить себя агрономическим аспектам... Лорд Кент скупает все новые земли, и работы там неупорядочены. Юрист тоже нужен – заключать контракты с поставщиками и прочее. А жалованье в три раза больше здешнего.

– Понятно, – откликнулся Мэтью.

– Джудит, конечно, всецело за, – продолжал судья. – Местные знатные особы – ведьмы старые – никогда не принимали ее с распростертыми объятиями. А там, рядом с плантацией, образовался процветающий городок, и Дарем возлагает на него большие надежды. Мальчикам я пока не говорил. Надеюсь, Роджер поедет с нами, но Уоррен, верно, останется, больно уж важная у него работа. У Абигейл давно своя семья... Бесспорно, я буду скучать по внукам, однако моего решения это не изменит.

– Понимаю, – ответил Мэтью. Плечи его ссутулились. Уж не эту ли беду учуяла от него Сесилия нынче утром? Вечером, как ни крути, придется выпить...

– Это еще не все! – жизнерадостно воскликнул Пауэрс, так что Мэтью невольно выпрямился: не сулит ли тон начальника новые дурные вести? – Ты ведь не думал, что я брошу тебя на произвол судьбы? Конечно, я и о тебе позаботился. Скажи, хочешь ли ты быть письмоводителем при новом судье?

«А у меня есть выбор?» – подумал Мэтью, но вслух так не сказал.

– Если да, то нет ничего проще. И Доус, и Макфини с руками тебя оторвут. Но сперва позволь рассказать, где я побывал сегодня утром.

– Сэр?... – Мэтью окончательно растерялся.

– Где я побывал, – повторил судья таким тоном, словно пытался донести мысль до умственно отсталого, – или – что важнее – с кем я встречался. Минувшим вечером ко мне явился посыльный: некая миссис Кэтрин Герральд желает видеть меня в гостинице «Док-хаус» для важного разговора. У нас, мол, есть общие враги, и дело не терпит отлагательств. Сегодня утром я к ней наведалься. Увы, от меня ей проку никакого, однако я поспешил сообщить миссис Герральд, что нужный человек – сиречь ты – явится к ней завтра же, в час дня.

– Я?... – Мэтью невольно подумал, что у судьи, похоже, не все в порядке на чердаке. – Но почему?

– Потому... – Пауэрс умолк и, видно, передумал объяснять. – Потому. Больше пока ничего не скажу. Завтра в десять придет вдова Маклерой, верно? Значит, ты успеешь как следует подкрепиться, а потом отправишься напрямиком в «Док-хаус».

– Сэр... Мне бы все-таки знать, о чем пойдет разговор. Право слово, я благодарен вам за любое содействие, но... кто такая миссис Кэтрин Герральд?

– Предпринимательница, – последовал ответ, – задумавшая один любопытный проект. Ну все, довольно расспросов, уйми любопытство. Если закончишь работу до полудня, свожу тебя в харчевню Салли Алмонд – при условии, что закажешь бараний бульон с сухарями. – С этими словами Пауэрс вернулся к столу и начал готовить заметки к завтрашнему допросу.

Мэтью глядел ему в спину и недоумевал, что за безумная напасть одолела нынче весь город.

– Сэр?... – попытался он вновь, однако судья лишь раздраженно отмахнулся, давая понять, что тема загадочной миссис Герральд закрыта.

В конце концов Мэтью пришлось обуздать свое любопытство, ибо подкормить его оказалось более нечем. Он окунул перо в чернильницу и вновь занес его над бумагой, решив, что все-таки закончить с работой до полудня необходимо, ибо пропустить блюдо дня в закусочной Салли Алмонд – сущее преступление.

Глава 4

Чем меньше времени оставалось до прибытия лорда Корнбери, тем плотнее набивался зал ратуши: сперва сталолюдно, затем тесно, а потом горожане вовсе перестали помещаться. Мэтью, заблаговременно занявший место в третьем ряду между судьей Пауэрсом и сахароторговцем Соломоном Талли, наблюдал за этим столпотворением с большим интересом. По сливочно-желтым сосновым половицам двигались как знаменитые, так и скандально известные персонажи Нью-Йорка. Всех их щедро омывал золотистый солнечный свет, лившийся сквозь высокие окна: казалось, ратуша вздумала посоперничать с церковью Троицы по части благосклонного принятия добрых и злых, красивых и безобразных.

Вышагивали, расталкивая чернь и грохоча каблуками по полу, видные коммерсанты города. Фланировали владельцы лавок и складов, стараясь подыскать себе местечко поближе к богачам. Шли адвокаты и врачи, работая локтями и всем видом демонстрируя, что и они заслуживают право на признание и место под солнцем. Топали мельники и хозяева трактиров, капитаны и ремесленники, подметальщики, штопальщики и пекари, сапожники, портные и цирюльники, толкающие и толкаемые, – словом, сплошной поток лился в зал, где люди утрамбовывались на скамьи и забивали проходы, а позади них плотный людской сгусток стоял в дверях и на мостовой, и шевельнуться в этом сгустке было не легче, чем Эбенезеру Грудеру на позорном столбе. Мэтью показалось, что все эти персонажи сходили в обеденный перерыв домой и извлекли из шкафов и сундуков свои лучшие павлиньи перья, дабы ярче выделяться среди толпы таких же павлинов, в толкотне красочных сюртуков, модных бриджей, сорочек с кружевными манжетами и жабо, камзолов всех оттенков от ультрамарина до пьяного бордо и треуголок не только черных, но и красных, синих, ядовито-желтых, расшитых камзолов и чулок, башмаков на толстой пробковой подошве, от которых господа среднего роста делались высокими, а высокие – едва не падали с ног, тростей из ясеня, каштана или черного дерева с золотыми или серебряными набалдашниками, а также иных отчаянно модных аксессуаров – якобы неотъемлемых принадлежностей всякого уважающего себя джентльмена.

То был сущий карнавал. Хохот и приветственные крики горожан, слышные, несомненно, даже в Филадельфии, роднили ратушу с пятничным трактиром, и тем более злачной становилась атмосфера, чем больше в зале закуривалось трубок и недавно завезенных черных кубинских сигар толщиной с кулак. Вскоре дым уже всю клубился в лучах солнца, и рабы с широкими холщовыми веерами, которых поставили по углам, дабы охлаждать воздух, едва справлялись со своими обязанностями.

– Ну как, хороша? – спросил Соломон Талли.

Когда Мэтью и судья Пауэрс обратили на него внимание, он широко улыбнулся, демонстрируя им новенькую белоснежную вставную челюсть.

– Очень хороша, – отозвался судья. – И несомненно, стоит целое состояние.

– Разумеется! Иначе какой же в ней смысл?

Талли был грузный, компанейский господин лет пятидесяти, с морщинистым лицом и пухлыми щеками, сияющими здоровым румянцем. Он тоже сегодня больше походил на манекен модистки, нежели на живого человека: светло-голубой сюртук, треуголка, камзол в сине-зеленую полоску. Из оттопыренного кармана свисала цепочка купленных в Лондоне часов.

– Полагаю, никакого, – ответил Пауэрс, дабы поддержать разговор. Впрочем, и Мэтью, и судья прекрасно знали: при всем своем компанейском настрое и добросердечии мистер Талли очень скоро перейдет от разговоров к откровенному бахвальству.

– Мне только лучшее подавай! – воскликнул Талли, оправдывая ожидания собеседников. – Я им сказал: за ценой не постою, сделайте мне самые лучшие зубы. Слоновая кость прямиком из Африки, а вся оснастка, пружины – из Цюриха.

– Понятно. – Глаза у судьи начали слезиться от табачного дыма.

– Выглядят очень дорого, – подхватил Мэтью. – Богато, я бы сказал.

Следовало признать, что вставная челюсть заметно укрепила лицо Талли, которое начинало вваливаться в области рта по причине того, что его собственные, Богом данные зубы скоропостижно сгнили. Сахароторговец всего два дня как вернулся из Англии и не без гордости выставлял напоказ свою ослепительную обновку.

– Богато, вот именно! – Талли улыбнулся еще шире (кажется, даже пружинка дзинькнула). – И качество первосортное, уверяю вас, молодой человек! У меня все первосортное, не вижу смысла распыляться на второсортные вещи. Да и приладили мне челюсть отменно, хотите взглянуть? – Он начал было склонять голову набок и разевать рот, чтобы Мэтью мог самолично убедиться в его правоте, однако, к счастью, в этот момент по проходу пошла одна небезызвестная дама. Мужчины расступились перед ней, точно воды Красного моря пред Моисеем, и Талли повернулся посмотреть, чем вызвано внезапное затишье толпы.

Мадам Полли Блоссом, подобно Красному морю, являла собой поистине природную стихию. То была высокая и красивая женщина лет тридцати, с массивным волевым подбородком и ясными голубыми глазами, видевшими насквозь любого мужчину – и его кошелек, разумеется. На ней была ярко-желтая шляпка, завязанная под подбородком синими лентами, и в руке она несла сложенный зонтик от солнца. Серебристо-голубое платье-мантуя было, по ее обыкновению, расшито цветами ярких и приглушенных оттенков: лимонно-желтого, зеленого, розового. Она всегда одевается элегантно, подумал Мэтью, только черные ботинки с металлическими мысками не вяжутся с остальным обликом. Народ судачил, будто этими ботинками она может так пнуть пьяного клиента под зад, что тот без всякого паррома окажется на острове Ричмонд.

Под пыханье трубок вся публика, смолкнув, наблюдала за шествием Полли Блоссом: та прошла ко второму ряду на правой стороне зала и уставилась на господ, занимавших скамью. Те молча отвели глаза в сторону либо потупились. Леди Блоссом терпеливо ждала, и хотя Мэтью не видел ее красивого лица, было совершенно ясно, что оно посуровело. Наконец со скамьи поднялся юный Роберт Деверик, юноша лет восемнадцати, желавший, по всей видимости, показать публике, что галантность еще не вышла из моды и ее надлежит проявлять по отношению к любой даме в любой ситуации. В тот же миг Деверик-старший схватил сына за руку и злобно на него зыркнул, – будь его взгляд пистолетом, он вышиб бы юнцу мозги. Тут же по залу понесся шепоток, переросший местами в неприятное хихиканье. Юноша – светлогликий, умытый и причесанный, в полосатом черном сюртуке с жилетом, как у отца, – несколько мгновений разрывался между благородными помыслами и уважением к старшим. Однако стоило Деверику прошипеть: «Сядь!» – как решение было принято. Роберт потупил взор, щеки его заалели, что угли в печке, и он вернулся на свое место – во власть родителя.

Тут же на сцену вышел новый герой. В четвертом ряду поднялся хозяин трактира «Рысь да галоп», дюжий седобородый Феликс Садбери в заношенном коричневом сюртуке. Он услужливо показал рукой на свое место, предлагая даме в затруднительном положении обрести пристанище между среброделом Израилом Брандиром и сыном портного Ефремом Аулзом (последний был приятелем Мэтью: не раз по четвергам в «Галопе» они схлестывались в поединке за шахматной доской). Какой-то наглец громко зааплодировал, когда Садбери вышел в проход, а вышеупомянутая дама заняла его место; потом еще несколько человек заготовали,

но мигом умолкли, поскольку Деверик-старший принялся обводить ледяным серым взором публику – ни дать ни взять боевой фрегат, наводящий на врага бортовые орудия.

– Ну и зрелище! Каково, а? – Соломон Талли пихнул Мэтью в бок. В зале вновь поднялся гул разговоров, полотняные веера принялись разгонять синий дым. – Вошла с таким видом, будто она тут хозяйка, да еще уселась аккурат под носом у преподобного Уэйда! Вы это видели?

Мэтью убедился, что гранд-дама Манхэттена – вполне способная купить ратушу на те деньги, что зарабатывали ее голубки, – действительно уселась прямо перед сухощавым и суровым Уильямом Уэйдом в черном сюртуке и треуголке. Тот, впрочем, невозмутимо смотрел сквозь голову мисс Блоссом, будто вовсе ее не замечал. Еще Мэтью обратил внимание, что Джон Файв – надевший по случаю собрания простой серый сюртук – сидит рядом со своим будущим тестем. Что бы там ни говорили о суровом и угрюмом характере преподобного Уэйда, человек он справедливый, подумал Мэтью. Вероятно, ему очень непросто было решиться на такой шаг – выдать дочь за юношу, который ничего не помнит о своем детстве, кроме жестокостей, насилия и невзгод. Видно, вера для священника не пустой звук, и поступает он в высшей степени по-христиански: дает Джону Файву шанс.

Еще кое-что привлекло внимание Мэтью, отчего внутри мгновенно все сжалось. Через три ряда от Джона Файва и преподобного Уэйда сидел Эбен Осли, разряженный, как арбуз, в зеленый сюртук и ярко-красный бархатный камзол. По торжественному случаю Осли нацепил высокий белый парик с ниспадающими на плечи буклями, какой обыкновенно надевали на слушания судьи. Директор приюта решил сесть среди молодых адвокатов – Джоплина Полларда, Эндрю Кипперинга и Брайана Фицджеральда, – как бы давая понять Мэтью и всем заинтересованным лицам, что находится под защитой закона во всей его глупости и слепоте. Он не осмеливался взглянуть на Мэтью, однако лицемерно улыбался и оживленно беседовал с престарелым, но весьма уважаемым врачом-голландцем Артемисом Вандерброкемом, сидевшим перед ним.

– Пардон, пардон, – забормотал кто-то, перегибаясь через ряд и обращаясь к судье Пауэрсу. – Сэр, можно вас на минутку?

– Да, Мармадюк, в чем дело?

– Я тут гадаю, сэр... – молвил Мармадюк Григсби. У него было круглое лицо и очки на носу, а на лысой макушке торчал, подобно перышку на шляпе, единственный белый клочок волос. Над большими голубыми глазами прыгали и дергались кустистые белые брови, свидетельствовавшие весьма недвусмысленно, что печатнику крайне неловко перед судьей. – Нет ли каких-нибудь новых подвижек по делу Масочника?

– Говорите тише, пожалуйста, – попросил его Пауэрс.

Впрочем, напрасно: вокруг стоял такой гвалт, что все равно никто не услышал бы.

– Да-да, конечно... Так у вас есть какие-нибудь версии?

– Версия только одна. Джулиуса Годвина убил маньяк.

– Разумеется, сэр. – По натянутой улыбочке Григсби, не обнажавшей зубов, Мэтью понял, что с печатником такой номер не пройдет. – Позвольте уточнить, как вы думаете: сей предполагаемый маньяк уже покинул наш славный город?

– Сложно ска... – Пауэрс резко умолк, будто прикусил язык. – Послушайте, Марми, это, что ли, для вашей листовки?

– Попрошу, сэр! Не листовка, а издание, – поправил его Григсби. – Скромное, но авторитетное. И жизненно необходимое для культурного и общественного благополучия горожан.

– Ага, я давеча видел номерок! – вмешался Соломон Талли. – Называется «Клоп», не так ли?

– Последний выпуск действительно так назывался, мистер Талли. Но в следующий раз я подумываю назвать свое детище «Уховерткой». Уховертка ведь пробирается в самую глубь и впивается так, что не оторвешь.

– Неужели будет еще один номер? – с явным недовольством спросил судья.

– Разумеется, сэр! Лишь бы чернила не пересохли да перо не сломалось. Надеюсь, Мэтью мне поможет с набором, как в прошлый раз...

– Что-что? – Пауэрс разгневанно уставился на Мэтью. – Сколько у вас работ, молодой человек?

– Это небольшая подработка, только и всего... – кротко выдавил секретарь.

– Хм... И сколько раз на следующий день после таких подработок у вас дрогнуло перо?

– О, не волнуйтесь, Мэтью кого хочешь упадет, – ответил Григсби и вновь улыбнулся. Впрочем, улыбка его быстро померкла под суровым судейским взором. – Э-э... я лишь хотел сказать, что он очень трудолюбивый и обстоятельный юно...

– Не важно. Григсби, вы хоть понимаете, что своей газетенкой сеете среди горожан страх? Да вас впору засудить за нагнетание паники!

– Не наблюдаю среди горожан никакой паники, сэр, – гнул свое печатник, шестидесятидвухлетний круглый коротышка в дешевом и скверно сидящем сюртуке цвета грязи (или, если выразиться помягче, цвета доброй землицы после щедрого дождя).

Казалось, все в нем было неладно, все некстати: слишком крупные кисти для коротеньких рук, руки – слишком коротки для массивных плеч, плечи – слишком широки для узкой впалой груди над круглым пузом, и так вплоть до щуплых ножек, обутых в туфли с чересчур большими пряжками. Лицо его было столь же нескладным: в зависимости от освещения в глаза бросалась то морщинистая глыба лба, то мясистый нос, испещренный красными венками (верное свидетельство чрезмерной любви к рому), то, с южной оконечности, тяжеленный подбородок, рассеченный посреди глубокой пропастью. Пожалуй, грозный его лоб стоило отметить отдельно: однажды Григсби продемонстрировал Мэтью, как без труда колет об него грецкие орехи. Ходил он переваливаясь слева направо – словно ведя бесконечную борьбу с силой земного притяжения. Из ушей и ноздрей Григсби торчали белоснежные локоны, а между зубами зияли такие щербинки, что его собеседников то и дело окатывало слюной с ног до головы, особенно когда он произносил слова, богатые на свистящие звуки. Человека непосвященного могли не на шутку встревожить нервные тики печатника: он то и дело дергал бровями, внезапно закатывал глаза, будто черти играли в мяч у него на голове, и имел еще одно крайне досадное обыкновение (тут уж Господь сыграл с ним поистине злую шутку) – с шумом, подобным низкому раскату китайского гонга, ни с того ни с сего выпускать ветры.

Однако, когда Мармадюку Григсби приходилось отстаивать свое мнение, несчастная тварь вдруг превращалась в ладного и самонадеянного джентльмена. Вот и сейчас Мэтью стал свидетелем подобной метаморфозы. Григсби прохладно глядел сквозь очки на судью Пауэрса. Казалось, печатник был не вполне собой, покуда ему не бросали вызов. Когда же это случалось, странное соединение черт великана и карлика вдруг обретало суть и облик государственного мужа.

– Считаю своим долгом доносить до горожан последние новости, сэр, – ответил Григсби тоном не мягким и не жестким, а, как сказал бы Хайрам Стокли про добротный горшок, хорошо запеченным. – Горожане имеют право их получать.

Судья не был бы судьей, если б не умел отстоять свою точку зрения.

– Вы действительно считаете новостями эти враки про... Масочника, будь он неладен?

– Я своими глазами видел тело Годвина, сэр. И не я один обратил внимание на то, как его изрезали. Эштон Маккаггерс тоже озадачен. Кстати, он первым об этом заговорил.

– Ваш Маккаггерс – круглый идиот, как я погляжу!

– Может быть, может быть, – сказал Григсби. – Однако главный констебль Лиллехорн назначил его судебным медиком и наделил полномочием осматривать трупы. Вы ведь не считаете его непригодным для такой работы?

– Это все потом окажется в вашей газетенке, правильно я понимаю? Если так, то все вопросы к главному констеблю. – На этих словах Пауэрс нахмурился, ибо не считал себя обладателем скверного характера и не желал быть в этом уличенным. – Марми, – примирительно сказал он, – меня волнует не ваше издание. Конечно, рано или поздно у нас должна появиться достойная газета, и, вероятно, вы как нельзя лучше подходите на роль ее издателя. Однако мне не нравится это обращение к низменным чувствам читателей. Мы надеялись, что здесь подобного не будет, что такого рода приемчики – удел лондонской «Газетт». Вы не представляете, какой вред недостоверные, спекулятивные статейки могут нанести благосостоянию города.

Лондону они особого вреда не нанесли, едва не вырвалось у Мэтью, однако он вовремя вспомнил, что в таких случаях мудрее смолчать. Все приходившие из-за океана выпуски «Газетт» он зачитывал до дыр.

– Я лишь написал об обстоятельствах убийства доктора Годвина, сэр, – парировал Григсби. – О тех, что нам известны.

– Нет, вы зачем-то выдумали этого Масочника. Положим, выдумал его действительно Маккаггерс, но статью-то напечатал не он! Место подобных слухов, сеющих панику среди народа, – в мире фантазий. Также хочу добавить, что если в будущем вам надлежит пересмотреть список достойных доверия источников, то в настоящий момент ваша первая задача – обуздать свое буйное воображение.

Григсби открыл было рот, однако замешкался – не то сраженный могучими доводами судьи, не то передумавши портить дружеские отношения.

– Ваша точка зрения мне понятна, – только и сказал он.

– Ужасное происшествие, ужасное, – вставил Соломон Талли. – Джулиус был прекрасный человек и отменный врач, когда не пил. Знаете, ведь именно он мне присоветовал, где зубы сделать. Когда я узнал, что его убили, ушам своим не поверил!

– У каждого из нас найдется доброе слово о докторе Годвине, – согласился печатник. – Не могу представить, чтобы у него были враги.

– Тут маньяк потрудился, не иначе, – сказал Пауэрс. – Какой-то несчастный прибыл на корабле и прошелся по городу... С той ночи уже две недели минуло. Стало быть, он уехал. Мы с главным констеблем оба так считаем.

– Как-то чудно, не находите? – Григсби приподнял брови, что казалось поистине геркулесовым подвигом.

– Не понял?

– Чудно, – повторил печатник. – Сразу по нескольким пунктам. Во-первых, уж больно много денег оказалось в кошельке Годвина. А сам кошелек так и остался лежать в кармане сюртука. Нетронутый. Понимаете, куда я клоню?

– Это еще раз подтверждает, что врача убил маньяк, – сказал Пауэрс. – Либо кто-то спугнул убийцу, прежде чем тот успел выудить кошелек, – если мотивом преступника все же было ограбление.

– Маньяк-грабитель, значит? – спросил Григсби, и Мэтью прямо увидел, как тот мысленно занес перо над бумагой.

– Нет-нет, я лишь строю догадки. И повторюсь перед свидетелями: не вздумайте поминать мое имя в этом своем «Клопе»... или «Уховертке», или как бишь вы назовете свою газету. Ну, садитесь, садитесь, олдермены идут!

В противоположном конце зала открылась служебная дверь, и вошли пять олдерменов – представители пяти городских округов. Они сели за длинный дубовый стол, по которому имели обыкновение стучать кулаками в ходе жарких споров. Следом свои места заняли десяток писцов и секретарей. Как и замершая в ожидании публика, олдермены и писцы были разодеты в пух и прах – иные из нарядов, по всей вероятности, пролежали в сундуках со времен падения Стены. Мэтью заметил, что у мистера Конрадта, ведавшего Северным округом, крайне боль-

ной и серый вид. Впрочем, старик почти всегда имел подобный вид, равно как и олдермен от Портового округа, мистер Уиттакер, с запавшими глазами и бледным, совершенно обескровленным лицом. У одного из писцов нервно дергалась рука, вследствие чего он по неосторожности уронил на пол стопку бумаг. Мэтью начал гадать, в чем может быть дело.

Наконец на трибуну оратора рядом со столом поднялся глашатай и, набрав в легкие побольше воздуха, завопил:

– Слушайте, слушайте!.. – Тут его голос дрогнул, он гулко откашлялся, будто продули фাগот, и начал заново: – Слушайте, слушайте! Всем встать перед досточтимым Эдвардом Хайдом, лордом Корнбери, губернатором королевской колонии Нью-Йорк!

Глашатай покинул трибуну, и все собравшиеся встали. Однако в дверях, шелестя кружевами и перьями, возник отнюдь не лорд Корнбери, а – к ужасу и возмущению публики – одна из блудниц Полли Блоссом, задумавшая, верно, своим появлением оскорбить сие торжественное собрание.

Мэтью обмер, как и все остальные. Разряженная потаскуха в платье с желтыми лентами и лимонной шляпке с пышным фонтаном павлиньих перьев наверху (в сравнении с ней даже владелица публичного дома выглядела нищенкой) прошествовала мимо олдерменов с таким видом, словно она тут хозяйка, черт побери (как сказал бы Соломон Талли, если б не потерял дар речи). На руках у нее были высокие белые перчатки, поверх которых красовалась целая коллекция блестящих колец и перстней. Из-под вороха лент на юбке доносился громкий стук французских каблуков по английскому полу. Шляпка с перьями кое-как держалась на высоченном белом парике, украшенном драгоценными камнями; благодаря всему этому казалось, будто на трибуну взошла великанша более шести футов ростом.

Мэтью ждал, что публика начнет возмущаться и штурмовать трибуну, или же какой-нибудь олдермен в ярости вскочит на ноги, или же сам лорд Корнбери ворвется в зал и погонит прочь девку, посмевавшую столь вопиющим образом омрачить его явление народу. Однако ничего подобного не случилось.

Вместо этого распутница, которая не плыла, как уличная женщина, а шагала стремительно и без всякой грации, миновала глашатая (тот совершенно усох и вжал голову в плечи, так что над воротом остались только нос и глазки). По-прежнему никто не пытался ее остановить. Она поднялась на трибуну, схватилась за нее своими крупными руками в перчатках, обратила к горожанам белое, напудренное, немного даже лошадиное лицо... и вдруг размалеванный рот по-мужски гаркнул:

– Добрый день! Прошу садиться.

Глава 5

Никто не сел. И не шелохнулся.

Из дальней части зала, кажется, раздался знакомый раскат китайского гонга. Мэтью краем глаза заметил рядом какое-то движение: Соломон Талли широко разинул рот, и его новенькая челюсть, влажно блестя слюной, поползла вон из зияющей пещеры. Не успев даже как следует подумать, Мэтью затолкал челюсть обратно до щелчка. Талли продолжал глазеть с разинутым ртом на нового губернатора колонии.

– Я сказал, прошу садиться, – повторил лорд Корнбери, однако качание павлиньих перьев на его шляпке, судя по всему, загипнотизировало публику.

– Господь всемогущий! – прошептал судья Пауэрс, у которого только что глаза на лоб не лезли. – Это не лорд, а леди!

– Господа, господа! – прогремел сзади чей-то голос. Затем застучали по полу трость и каблуки. Главный констебль города Гарднер Лиллехорн, эдакий этюд в пурпурных тонах (весь наряд его, от чулок до треуголки, был фиолетовый), прошествовал вперед и грациозно

замер, положив руку на серебряный набалдашник черной лакированной трости в виде львиной головы. – И дамы тоже, – добавил он, покосившись на Полли Блоссом. – Лорд Корнбери попросил вас сесть.

В дальнем конце зала, где была уже не почтенная публика, а толпа, захихикали и заболтали. Лиллехорн в бешенстве раздул ноздри и вскинул подбородок с черной эспаньолкой – точно занес над собравшимися топор.

– Нехорошо, – уже громче заговорил он, – проявлять такую неучтивость. Где ваши прославленные манеры?

– Прославленные? Это ж когда мы успели прославиться? – прошептал Мэтью судья Пауэрс.

– Если вы не сядете, не слышать нам сегодня речи лорда Корнбери... точнее, его соображений. – Лиллехорн не бросал попыток справиться – нет, не с сопротивлением, скорее с потрясением публики. Он ненадолго умолк и промокнул блестящие губы носовым платком, украшенным по новой моде – вышитой монограммой. – Да сели, сели уже! – с некоторым раздражением зашипел он, точно унимая непослушных детей.

– Лопни мои глаза! – прошептал Талли, когда они с Мэтью (и все остальные в зале) наконец сели и, насколько это было возможно, уgomонились. Сахароторговец отер рот, рассеянно отметив боль в уголках губ. – Кого вы видите – мужчину или бабу?

– Вижу... нового губернатора, – отозвался Мэтью.

– Умоляю, продолжайте, сэр! – обернулся Лиллехорн к лорду Корнбери (его рука так крепко стиснула при этом львиную голову, что побелели костяшки). – Публика в вашем распоряжении.

Сделав рукой жест, который любой уважающий актер воспринял бы как оскорбление в адрес театра, заслуживающее вызова на дуэль, главный констебль вернулся на свое место в дальнем конце зала, откуда мог наблюдать за поведением толпы. Мэтью решил, что Лиллехорну не терпится посмотреть, как ветер славы потреплет Корнбери перышки.

– Спасибо, мистер Лиллехорн, – молвил губернатор, обводя собравшихся налитыми кровью глазами. – В первую очередь хочу поблагодарить горожан за то, что вы сюда пришли, и за гостеприимство, оказанное мне и моей супруге. После долгого морского плавания человеку необходимо время, дабы прийти в себя и в должном виде предстать перед людьми.

– Сдается, времени вам не хватило! – прокричал какой-то остряк с галерки, воспользовавшись тем, что его лица не было видно за клубами сизого дыма.

– Несомненно, – благодушно кивнул лорд Корнбери, а затем ужасающе улыбнулся. – Но отдыхать будем в другой раз. Сегодня я хотел бы перечислить несколько фактов о вашем городе – то есть о нашем городе, разумеется, – и сделать несколько предложений касательно его дальнейшей жизни и процветания.

– Ох, господи помилуй! – тихо простонал судья Пауэрс.

– Я беседовал с вашими олдерменами, главным констеблем и многими ведущими коммерсантами, – продолжал Корнбери. – Я внимательно слушал и, надеюсь, многое узнал. Надо ли говорить, что я не без колебаний принял сие назначение от моей кузины – королевы.

Лиллехорн предостерегающе стукнул тростью по полу: мол, только посмейте засмеяться – ночь в кутузке вам обеспечена.

– От моей кузины – королевы, – многозначительно повторил Корнбери, будто смакуя сладкое лакомство; Мэтью подумалось, что у этой леди чересчур мохнатые брови. – А теперь позвольте вкратце обрисовать текущее положение дел.

Следующие полчаса собравшиеся в зале ратуши были не столько увлечены, сколько усыплены заунывной речью лорда – вокальные и ораторские способности у него были отнюдь не выдающиеся. Может, платья он носить и умеет, размышлял Мэтью, а вот доносить свои мысли до публики – нет. Корнбери рассказал о процветании мукомольного и кораблестроительного

ремесла, затем упомянул тот факт, что население города достигло пяти тысяч человек и что английский народ теперь считает Нью-Йорк не замшелым колониальным городишкой на грани гибели, но многообещающим предприятием, в которое можно выгодно вложить деньги. Он принялся вещать, как в один прекрасный день Нью-Йорк превзойдет Бостон с Филадельфией и станет главным торговым узлом новой Британской империи. Только сперва нужно вернуть груз железных гвоздей, по ошибке отправленный в город квакеров, дабы как можно скорее восстановить уничтоженные недавним пожаром здания, – деревянным гвоздям он, видите ли, не доверяет. Затем губернатор пустился в пространные рассуждения о том, что Нью-Йорк имеет потенциал стать центром фермерской деятельности, если в округе разбить яблоневые сады и тыквенные бахчи. Далее, примерно на сороковой минуте сухого изложения собственных соображений, он вдруг поднял тему, которая немало взволновала горожан.

– Нельзя допустить, чтобы этот промышленный и торговый потенциал был растрочен впустую, – сказал Корнбери. – А он будет растрочен, если не положить конец ночным попойкам, в результате которых горожане вынуждены подолгу отсыпаться по утрам. Как я понимаю, трактиры у нас открыты до тех пор, пока последний... хм... джентльмен не вывалится на улицу. – Он ненадолго умолк, обвел взглядом аудиторию и ляпнул без всякой задней мысли: – Посему я намерен постановить: отныне все трактиры будут закрываться в половине одиннадцатого вечера. – Тут же в зале поднялся ропот. – Также я запрещаю трактирщикам обслуживать рабов и краснокожих...

– Минутку, сэр! Секундочку!

Мэтью и все сидевшие впереди обернулись. Пеннфорд Деверик встал и, негодуя сдвинув брови, сверлил губернатора орлиным взглядом:

– Что это вы выдумали насчет закрытия трактиров в такую рань?

– Разве это рань, мистер Деверик? Вас ведь так зовут?

– Да, я мистер Деверик, верно.

– Это отнюдь не рань, сэр. – Вновь на лице губернатора заиграла ужасающая улыбочка. – Десять тридцать вечера – это очень даже поздно. Разве нет?

– Нью-Йорк вам не ребенок, которого нужно вовремя укладывать спать, сэр.

– И напрасно! Я изучил этот вопрос. Задолго до отъезда из Англии я советовался с учеными мужами, которые высказывали мнения о неэффективном использовании рабочей силы в связи...

– К черту их мнения! – рявкнул Деверик: голос его громким ножом резанул по ушам, если про нож можно сказать, что он громкий; многие в зале невольно поморщились, а Деверик-младшему явно захотелось провалиться сквозь землю, такое у него было лицо. – Вы хоть знаете, сколько предприятий в Нью-Йорке зависят от трактиров?

– Зависят, сэр? Неужто им непременно надо, чтобы работники могли до поздней ночи потреблять крепкий алкоголь, а по утрам были не в силах исполнять свой долг перед собой, своей семьей и городом?

Уже посреди этой реплики Деверик замахал на губернатора рукой:

– Трактиры, лорд Корнблоу...

– Корнбери, – поправил его губернатор (оказалось, его голос тоже мог резать уши). – Лорд Корнбери, я вас попрошу.

– В трактирах проводят деловые встречи предприниматели, сэр, – продолжал Деверик. Щеки его начинали пылать не хуже нарумяненных щек губернатора. – Спросите самих трактирщиков, кого угодно, их тут вон сколько! – Он принялся тыкать пальцем в различных персонажей. – Вот сидит Джозел Кьютер. Бертон Лейк, Тадеуш О'Брайен...

– Да-да, не сомневаюсь, что здесь их в достатке, – перебил его Корнбери. – Полагаю, вы и сами владеете трактиром?

– Лорд губернатор, позвольте! – К публике, кивая львиной головой на трости, вновь вышел гладкий, если не сказать скользкий, главный констебль Лиллехорн. – Раз уж вас не успели должным образом познакомить с мистером Девериком, позвольте довести до вашего сведения, что он в некотором смысле представляет все нью-йоркские трактиры и трактирщиков разом. Мистер Деверик – торговый маклер. Именно его неустанными трудами и заботами все городские заведения обеспечены элем, вином, продовольствием и так далее.

– Должен заметить, что это еще не все, – добавил Деверик, по-прежнему сверля губернатора решительным взглядом. – Я также снабжаю их стаканами, тарелками и свечами.

– Свечами, кстати говоря, он обеспечивает весь город, – подхватил Лиллехорн (Мэтью подумалось, что за такие речи его начнут бесплатно поить вином в любых заведениях Нью-Йорка).

– И что немаловажно, – не унимался Деверик, – подсвечниками и фонарями для этих свечей, которые я поставляю городским констеблям по весьма сходной цене.

– Что ж, – протянул лорд Корнбери, осмыслив услышанное, – выходит, вы заправляете всем городом, сэр, не так ли? Ведь вашими трудами в Нью-Йорке царит тишь, благодать и, как вы утверждаете, процветание. – Он примирительно поднял руки и показал собравшимся ладони, делая вид, что сдается. – Быть может, в таком случае мне следует сразу передать вам бразды правления городом? Подпишем бумаги?

Только Лиллехорну не предлагайте, подумал Мэтью. Главный констебль мигом подпишет, причем собственной кровью, если понадобится.

Деверик стоял прямо, как штык. На лице его с грубым боксерским носом и высоким морщинистым лбом застыло выражение сдержанного благородства – не дурно бы и лорду Корнбери научиться делать такое лицо. Конечно, Деверик был богат. Вряд ли в колонии нашелся бы делец богаче его. Мэтью мало что о нем знал – а разве кто-то знал больше? Слишком уж нелюдимый он имел характер. Однако, по словам Григсби, Деверик вышел из лондонской грязи. И теперь стоял в этом зале прямо и гордо, в добротном дорогом сюртуке, сверля расфуфыренного генерала взглядом ледяным, точно озеро посреди зимы.

– Я ведаю другими областями, – слегка приподняв подбородок, ответил Деверик. – Полагаю, мне не следует выходить за их границы, дабы не споткнуться о чужой забор. Однако прежде, чем вы перейдете к следующей теме, позвольте попросить вас встретиться со мной и комиссией трактирщиков, прежде чем приступить к исполнению своих планов.

– А он хорош! – прошептал Пауэрс. – Даже не знал, что в старике Пеннфорде умер адвокат.

Лорд Корнбери вновь помедлил, и Мэтью пришло в голову, что занимающему такую должность человеку следует быть лучше обученным искусству дипломатии. Разумеется, в силу своей женственной натуры губернатор согласится на перемирие – пусть не столько затем, чтобы угодить влиятельному человеку, сколько с целью закончить свое первое обращение к народу без необходимости подавлять бунт.

– Что ж, согласен, – процедил губернатор, не демонстрируя ни намека на интерес к чужому мнению. – Я отложу постановление на одну неделю, сэр. Благодарю вас за замечания.

Пеннфорд Деверик сел на место.

Нестройный ропот, начавший было подниматься в толпе, понемногу утих, однако с улицы еще доносились вопли и свист: простой народ вынес свой вердикт. Мэтью стал гадать, не лучше ли городу иметь мертвого мэра, чем такого губернатора; что ж, время покажет.

Корнбери уже пустился в новые разглагольствования. Он выражал признательность всем господам – и прекрасным дамам, разумеется, – за их поддержку и признание того факта, что растущему городу необходим сильный правитель. Наконец, заездив насмерть лошадь самолюбования, он молвил:

– Прежде чем объявить сие собрание закрытым, хочу спросить: не желает ли кто-нибудь из присутствующих высказаться? Быть может, у вас есть предложения? Хочу, чтобы вы знали: я – человек широких взглядов и готов приложить все усилия для решения ваших проблем, больших и малых, если это поспособствует процветанию и благополучию нашего города. Есть желающие?

Мэтью думал было задать один вопрос, однако поостерегся: в его нынешнем положении неразумно злить Лиллехорна. За минувший месяц Мэтью оставил у его секретаря уже два письма со своими соображениями и ответов не получил, так какой смысл и дальше гнуть свое?

Вдруг встал старик Хупер Гиллеспи с всклокоченными седыми волосами и заговорил сиплым, просоленным морскими ветрами голосом:

– Тута вон чего, сэр. Мучает меня одна напасть. – Не дожидаясь ответа, он поднял паруса и, по своему обыкновению, на полном ходу пошел дальше: – Я паромщик, вожу паром до Брюкелена и обратно. Страсть как замучили меня расхитчики на реке. Они ж, поганцы, нарочно костры жгут на Устричном острове, шоб корабли на скалы загнать, а те и бьются почем зря! Сердце заходится, ей-богу, на это гляючи. Ежели велите, я вам покажу, в какой пещере разбойники засели. Схоронились под перевернутым кораблем и не видать их средь водорослей да палок. Хатка почище бобровой будет! Коли вы эту шушеру не переловите, чую, дело до смертоубийства дойдет. Они там без конца всякие пакости замышляют, я же вижу. Раз в июне они и меня обчистили – всех моих пассанжиров до единого! А ну как в следующий раз нечем откупиться от них будет, не найдется на борту ни монеты, ни бутылки рому – дык они кого-нить порешат, бо у главаря этих сквернавцев, который из себя Уильяма Кидда мнит, есть шпага. Кабы беды не вышло! Кабы лихой ночью клинок энтот окаянный не очутился у моего горла... Шо скажете?

Лорд Корнбери ничего не сказал, только вытаращил глаза (что его ничуть не красило), затем наконец обратился к публике:

– Будьте так любезны, переведите это на английский!

– А, не слушайте вы мистера Гиллеспи, сэр, – сообщил лорду его новый фаворит, главный констебль. – Речь об одном недоразумении на реке, которое я в ближайшее время обязуюсь устранить. Вам совершенно не о чем беспокоиться.

– Чего это он кричит? – спросил Гиллеспи своего соседа.

– Сядь, Хупер! – распорядился Лиллехорн, царственно взмахнув тростью. – У губернатора нет времени на твои пустяки.

Позднее Мэтью не раз возвращался к этому эпизоду, пытаясь понять собственные мотивы. Вероятно, его раззадорило это последнее слово – «пустяки». В представлении Гарднера Лиллехорна все, что не имело прямого отношения к его персоне, было пустяком. Разбойники, уже год как промышляющие грабежом на реке, – пустяк. Убийство Джулиуса Годвина (судя по тому, сколько сил Лиллехорн вкладывал в расследование дела) – пустяк. Что и говорить, преступления Эбена Осли, с которым главный констебль не раз встречался за игорным столом, тоже назовут пустяком (и вот это, по мнению Мэтью, уже верх коварства, попустительства и порочности).

Хорошо же, я им покажу, как из пустяка можно раздуть порядочный скандал, решил он.

Встав, Мэтью секунду-другую собирался с духом, а когда лорд Корнбери обратил на него подведенные сурьмой глаза, заговорил:

– Сэр, прошу уделить вас немного внимания проблеме констеблей. Состоит она в том, что население города значительно увеличилось, в связи с чем, увы, участились и случаи преступного поведения. При этом количество констеблей не растет, да и качество их службы оставляет желать лучшего.

– Пожалуйста, представьтесь, – попросил Корнбери.

– Его зовут Корбетт, сэр. Он секретарь одного городского...

– Мэтью Корбетт, – последовал весьма громкий ответ, ибо Мэтью твердо решил: кривой мушкет главного констебля его не возьмет. – Секретарь мирового су...

– ...судьи Натаниела Пауэрс, – продолжал Лиллехорн, повышая голос и обращаясь напрямую к губернатору. – Поверьте, мне прекрасно известно...

– ...Натаниела Пауэрс, сэр, – не сдавался Мэтью, ведя бой не на шпагах, но на словах.

Внезапно его окружил вихрь воспоминаний о другом «пустяке», имевшем место в городке Фаунт-Ройал колонии Каролина, когда он сражался за жизнь несправедливо обвиненной в колдовстве Рейчел Ховарт. Перед глазами живо предстали скелеты в грязной яме и жестокий убийца, напавший во мраке ночи; омерзительный тюремный дух; обнаженная красавица скидывает плащ и заявляет: «Вот вам ведьма!»; в городе полыхают пожары – дело чьих-то коварных рук; беснующаяся толпа подступает к дверям тюрьмы и требует посадить на кол женщину, которая оказалась жертвой преступного сговора, столь дьявольского, что не снилось даже безумному проповеднику Исходу Иерусалиму; Айзек Вудворд чахнет на глазах, хотя Мэтью, рискуя жизнью, добыл ему «ночную птицу». Все эти и многие другие образы ураганом вертелись у него в голове. Обращаясь к главному констеблю Лиллехорну, Мэтью твердо знал одно: он имеет право высказаться.

– ...Мне прекрасно известно положение дел, не волнуйтесь. В нашем распоряжении множество горожан, готовых доблестно исполнять свой гражданский долг...

– Сэр!

Нет, то был не крик, однако он произвел впечатление пистолетного выстрела, ведь никто прежде не осмеливался перечить Лиллехорну. Воцарилась гробовая тишина, и Мэтью подумал, что первым кинул горсть земли на собственную могилу.

Лиллехорн умолк.

– Мне дали слово, – сказал Мэтью. Щеки его пылали. Он заметил, как Эбен Осли глумливо усмехнулся и тут же прикрыл лицо ладонью. Погоди, с тобой я еще разберусь, подумал Мэтью.

– Что вы сказали?

Лиллехорн медленно двинулся вперед. Вот уж кто действительно умел скользить! Узкие черные глазки на бледном вытянутом лице в приятном предвкушении разглядывали врага.

– Мне дали слово, я имею право высказаться. – Мэтью взглянул на Корнбери. – Не так ли, сэр?

– Хм... да. Конечно, конечно, сынок.

Тьфу, мысленно содрогнулся Мэтью. Сынок?! Он стоял рядом с главным констеблем, не решаясь повернуться к нему спиной. Судья Пауэрс тихонько шепнул: «Ну, с богом!»

– Прошу вас, – сказал лорд Корнбери, видно, ощущая себя благосклонным правителем и входя во вкус. – Высказывайтесь без всякого стеснения.

– Благодарю, сэр. – Еще разок покосившись на Лиллехорна, который временно приостановил свое плавное шествие к трибуне, Мэтью обратил все внимание на господина в дамском платье. – Хочу уведомить вас, что в нашем городе две недели назад произошло убийство...

– Всего одно? – перебил его Корнбери с кривой усмешкой. – Известно ли вам, что я прибыл сюда из города, где за одну ночь убивают дюжину людей? Благодарите звезды!

Публика встретила эти слова жидким смехом, – в частности, фыркнул Лиллехорн и омерзительно, трубно загоготал не кто иной, как Эбен Осли. Мэтью и бровью не повел.

– Поверьте, я благодарю звезды, сэр, однако защиты привык ждать не от звезд, а от констеблей.

Теперь засмеялись Соломон Талли и судья Пауэрс. Сидевший по другую сторону прохода Ефрем Аулз тоже ликующе хохотнул.

– Что ж. – Улыбка губернатора уже не казалась такой омерзительной (или, быть может, Мэтью к ней просто привык). – Продолжайте.

– Мне известно, что в Лондоне высокий уровень смертности. – («Газетт» исправно, во всех леденящих душу подробностях освещала случаи обезглавливания, удушения и отравления лондонцев обоего пола и всех возрастов.) – Также от моего внимания не ушел тот факт, что в Лондоне существует весьма действенная гражданская система охраны порядка.

– Увы, не очень-то действенная, – пожал плечами Корнбери.

– А вы подумайте, сколько убийств случилось бы за ночь без этой системы. И прибавьте сюда другие преступления, совершаемые от заката до рассвета. Я полагаю, сэр, нам, как сообществу, следует перенять лондонские достижения в данной области и пресечь преступность... скажем так, на корню.

– Да нет у нас никакой преступности! – прокричал кто-то с дальних рядов. – Чушь это все собачья!

Мэтью не обернулся: он знал, что кричит, защищая свою многострадальную честь, один из армии так называемых благочестивых граждан. Толпа еще немного побурлила и наконец затихла.

– Я лишь хочу донести мысль, – тихо молвил Мэтью, – что нам необходимо как можно скорее разработать систему. А то после драки, как известно, кулаками не машут.

– Полагаю, у вас есть предложения на сей счет?

– Лорд-губернатор! – Судя по надрыву в голосе, Лиллехорн слушал этот разговор – этот дерзкий выпад в его сторону, покушение на его власть – затаив дыхание. – Секретарь пускай запишет свои предложения и оставит их моему секретарю. То же самое вправе сделать любой человек в этом зале, городе и колонии. Зачем трясти грязным бельем на людях?

Стоит ли прилюдно напомнить Лиллехорну о письмах, которые тот давно получил и либо отверг, либо выбросил? Вряд ли.

– Да, предложения есть, – обратился Мэтью напрямую к Корнбери. – Могу ли я огласить их прямо сейчас – для занесения в протокол? – Он кивнул на писцов за олдерменским столом, занесших перья над пергаментом.

– Оглашайте.

Сзади раздалось змеиное шипенье. Денек у Лиллехорна явно не задался – а ведь еще не вечер.

– Констеблям, – начал Мэтью, – надлежит перед началом обхода устраивать общий сбор. Заносить в специальный журнал свое имя и время заступления на смену, а после – время окончания дежурства. Возвращаться домой можно лишь с разрешения начальства. Кроме того, они обязаны подписать обязательство во время службы не пить. По-хорошему пьяниц необходимо заранее отсеивать и гнать вшаей.

– Неужели? – Корнбери поправил шляпку: павлиньи перья начали свешиваться ему на глаза.

– Разумеется, сэр. Начальство этой... кхм, скажем, управы... должно следить за тем, чтобы констебли были пригодны к службе, а также обеспечивать их фонарями и шумовыми устройствами – допустим, трещотками. Подобными пользуются лондонские констебли, верно? – Так писали в «Газетт», следовательно, подтверждение Корнбери и не требовалось. – Голландцы, кстати, выдавали своим констеблям зеленые фонари, а мы почему-то перестали. По зеленому свету легко опознать стража порядка в темноте. Кроме того, недурно бы констеблей обучать, подготавливать к службе. Они должны уметь...

– Погодите, погодите! – едва ли не проорал Лиллехорн. – Констеблей набирают из простого народа! О каком обучении вы толкуете?..

– Они должны уметь читать и писать, – ответил Мэтью. – И хорошо бы проверять им зрение.

– Вы только послушайте! – Главный констебль взошел на сцену и принялся играть на публику. – Секретаришка держит всех нас за неразумных болванов!

– Довольно и одного неразумного болвана, чтобы случилась беда, – ответил Мэтью. Только эти слова слетели с его губ, как он понял, что отныне его жизнь превратится в поле боя; Лиллехорн хранил зловещее молчание. – Хочу также предложить, лорд Корнбери, чтобы констеблям выплачивалось жалованье из общих средств. Тогда в их ряды будут стремиться и достойные люди.

– Жалованье? – Корнбери умудрился сделать озадаченное и при этом потрясенное лицо. – То есть вы хотите... платить им деньги?!

– Как за любой труд. Для управы следует выделить приличное здание, а не какой-нибудь случайный хлев или склад. Полагаю, здесь многое еще нужно продумать. Скажем, свечи должны быть толще, длиннее и гореть дольше. Их следует выдавать констеблям перед началом смены, а также размещать в фонарях на каждом углу. Полагаю, мистер Деверик нам с этим поможет.

– Да-да, конечно! – живо откликнулся маклер, и все, включая Мэтью, поняли, что он уже считает барыши. – Зеленые фонари я устрою! Нам их сделают по особому заказу...

– Пойдите-ка, я еще ничего не утвердил, сэр! – воскликнул Корнбери. Деверик явно был ему не по душе, да и упускать собственную выгоду он не намеревался. – Обуздайте как-нибудь свое нетерпение! – Тут он обратил пронзительный взор на Мэтью, и тот явственно ощутил на себе силу августейшего авторитета: казалось, вот-вот на него обрушится тяжелый кулак. – Как же вышло, что о ваших предложениях ничего не известно главному констеблю?

Мэтью обдумал его вопрос. Все терпеливо ждали.

– Главный констебль – человек занятой, сэр, – наконец последовал ответ. – Полагаю, рано или поздно он меня выслушал бы.

– А может, и нет. – Корнбери нахмурился. – Боже, какой вызов вы бросили его профессиональной чести! Люди стреляются на дуэлях и по куда менее весомым поводам! Мистер Лиллехорн, я полагаю, интересы города для вас превыше всего, а значит, вы не почтете браваду этого юноши за личное оскорбление?

– Милорд, я лишь с-служу с-своему народу, – с едва заметным шипением ответил Гарднер Лиллехорн.

– Вот и славно. Тогда позже я еще ознакомлюсь с выдержками из протокола, и мы как-нибудь встретимся с вами и, разумеется, олдерменами для дальнейшего обсуждения сего дела. До тех пор, мистер Деверик, чтобы никаких зеленых фонарей в ночи, слышите? Садитесь, мистер Корбетт, и спасибо за ваши вдумчивые предложения. Есть еще желающие выступить?

– Сэр... Позвольте один вопрос!..

Голос был знакомый. Мэтью обернулся и увидел своего приятеля и партнера по шахматам Ефрема Аулза – двадцати лет от роду, но уже с проседью в растрепанной шевелюре, похожей на птичье гнездо. Ранняя седина была у них в роду: его отец, портной, в тридцать пять уже был бел как лунь. На носу высокого и худощавого Ефрема сидели круглые очки, отчего его умные карие глаза словно бы парили отдельно от лица.

– Меня зовут Ефрем Аулз, сэр. Есть у меня один вопрос... только не знаю, насколько уместный.

– Судить о его уместности или неуместности позвольте мне. Спрашивайте.

– Конечно, сэр, спасибо! Э-э... Скажите, пожалуйста, почему на вас женское платье?

Собравшиеся дружно охнули, – пожалуй, и на другом конце света слышен был этот звук. Мэтью понимал, что заданный Ефремом вопрос шел от чистого сердца и ни малейшего злого умысла или жестокости не было в его душе. Впрочем, один грешок (если можно это так назвать) все же за ним водился: чересчур непосредственное любопытство. Тут с ним не смел тягаться даже Мэтью.

– А!.. – Лорд Корнбери воздел униженный кольцами перст. – Ах вот что! Спасибо за вопрос, мистер Аулз. Понимаю, что кому-то из собравшихся – даже, полагаю, многим – мог

прийтись не по вкусу мой наряд. Я не всегда так одеваюсь, однако сегодня, в день первой встречи с жителями Нью-Йорка, мне захотелось выразить уважение и солидарность своей августейшей родственнице, подарившей мне поистине удивительную возможность – представлять интересы Империи вдали от родных берегов.

– Вы про... – начал было Ефрем.

– Да. Я про свою двоюродную сестру...

– ...Королеву! – закончил за него громкоголосый наглец из толпы.

– Совершенно верно. – Губернатор лучезарно улыбнулся горожанам, возомнив себя, видно, солнцем в небе. – Что ж, нам пора прощаться, а мне пора возвращаться к своим делам. То есть – к вашим делам, разумеется. Обещаю служить вашим нуждам и интересам, насколько это в моих силах. Не верьте, если кто вам скажет, будто Эдвард Хайд глух к чаяниям своего народа. Хорошего вам дня, многоуважаемые, и надеюсь, что на следующем собрании мы уже сможем рассказать друг другу о своих достижениях. Всего доброго, джентльмены! – сказал он олдерменам, резко развернулся на каблуках, прошествовал к выходу и скрылся за дверью.

В спину ему летели крики и улюлюканье. Мэтью стал гадать, сколько часов потратил губернатор на отработку уверенной поступи в дамском платье. Глашатай, не отошедший до сих пор от потрясения, прохрипел, что собрание окончено, боже храни королеву Анну и город Нью-Йорк.

– Ну дела... – подвел судья Пауэрс весьма меткий итог происходящему.

Пробираясь сквозь народ (кого-то из горожан обуял истерический смех, а иные от потрясения начисто лишились дара речи), Мэтью заметил в толпе Ефрема и одобрительно кивнул: мол, превосходный вопрос! Тут в нос ударил дерзкий цветочный аромат: мимо прошла Полли Блоссом. Не успела она скрыться из виду, как дальнейшее продвижение Мэтью к выходу остановила больно упершаяся в ключицу серебряная львиная голова.

Вблизи стало ясно, что ростом Лиллехорн невелик, дюйма на три ниже Мэтью. Чересчур просторный сюртук не скрывал его худобы, а болтался, точно выстиранное белье на веревке. На длинном тонком лице красовались скрупулезно подстриженные усики и борода. Парика Лиллехорн не носил, однако его черные волосы, собранные сзади пурпурной лентой, имели не вполне естественный синий отлив: главный констебль, очевидно, не побрезговал недавно завезенной из Индии краской. Нос у него был маленький и заостренный, губы яркие, словно у куклы, а кисти рук мелкие, почти детские. Словом, в облике его не было ни единой грозной или могущественной черты. Мэтью подумал, что по этой причине не бывать Лиллехорну ни мэром, ни губернатором: могучей и грозной Британской империи требуются могучие и грозные властители.

Корнбери хотя бы имел внушительный вид – под платьем (впрочем, юный секретарь предпочел не задумываться о том, что скрывается под губернаторским нарядом). Стоявшего перед ним главного констебля так раздуло – кишки, легкие и все его внутренности настолько наполнились кипящей желчью, – что он, казалось, вдвое увеличился в размерах. Мэтью вспомнил, как однажды, еще до приюта, живя беспризорником у реки, он поймал маленькую серую лягушку и та вдруг стала расти у него в руках, пока не превратилась в большой склизкий ком с пульсирующими бородавками и выпученными черными глазами, каждый – с медяк. Вот и Лиллехорн сейчас напоминал разъяренную жабу, которая незамедлительно брызнула ему в руку мочой и плюхнулась в Ист-Ривер.

– Как же вы добры... – процедил сквозь стиснутые зубы бешеный иглобрюх. – Как это благородно с вашей стороны... судья Пауэрс.

До Мэтью дошло: Лиллехорн, хоть и мечет в него смертоносные взгляды-кинжалы, обращается к стоящему рядом Пауэрсу.

– Надо же было подкинуть мне такую свинью, так подставить меня перед новым губернатором! Разумеется, я знал, что вы хотите меня сместить, Натаниел, но использовать для этих целей секретаришку... подловат приемчик! Негоже джентльмену так поступать.

– Я, как и вы, слышал предложения Мэтью впервые. Он все это придумал сам.

– Ах, ну конечно! Иначе и быть не может! Знаете, что мне нынче утром сказала Принцесса? Она сказала: «Гарднер, надеюсь, новый губернатор замолвит за тебя словечко перед королевой Анной и расскажет ей, какой неблагодарный труд ты на себя взвалил». Представляете ее лицо, когда она это говорила, Натаниел?

– Допустим, – последовал ответ.

Мэтью знал, что на самом деле супругу Лиллехорна – особу весьма падкую на славу и почести – зовут Мод, однако она просила величать ее Принцессой, так как ее отец, хозяин лондонской харчевни на Ист-Чип-стрит, где подавали морских гадов, был известен в столице под прозвищем Устричный Король.

– Конечно, у нас с вами случались профессиональные размолвки, но такого подвоха я от вас не ждал! Да еще прикрываетесь мальчишкой...

– Сэр. – Мэтью решил твердо стоять на своем, хотя львиная голова норовила лишить его равновесия. – Судья не имеет к этому никакого отношения. Я говорил от своего имени и от чистого сердца. Вот так все просто.

Лиллехорн одарил его презрительной полуулыбкой:

– От чистого сердца? Это вряд ли. А вот в вашей простоте я не сомневаюсь. Вы выбрали не лучшее время для обсуждения этих вопросов. Губернатор ко мне прислушивается, существующую систему надо постепенно...

– Ждать больше нельзя, – перебил его Мэтью. – Время и преступный мир грозят сожрать нас живьем – вместе с этой вашей «системой».

– Наглец и дурак! – Лиллехорн больно ткнул ему в грудь тростью, но потом, видно, передумал выставлять конфликт на всеобщее обозрение. – В следующий раз тебе это с рук не сойдет! Думай, прежде чем переходить границы, секретаришка!

– Вы, кажется, запутались, Гарднер, – легко и беззлобно заметил Пауэрс. – Мы все на одной стороне, не так ли?

– И на какой же?

– На стороне закона.

Нечасто Лиллехорн оказывался в положении, когда на ум не шел хлесткий ответ, однако на сей раз ему пришлось смолчать. И тут за его спиной возникла еще более отвратительная физиономия. На плечо констебля легла рука.

– Встречаемся в «Слепце»? – осведомился Осли, демонстративно не замечая ни Мэтью, ни судьи. – Монтгомери клянется удвоить ставки и взять реванш.

– Что ж, захвачу кошель побольше – под его и ваши деньги!

– Вот и славно. Всего хорошего. – Осли коснулся полей треуголки и покосился на Пауэрса. – Вам тоже, сэр.

С этими словами он вразвалку пошел прочь сквозь толпу, оставляя за собою удушающий гвоздичный след.

– Помни свое место! – напоследок предостерег Мэтью констебль.

Чего доброго, подумал Мэтью, еще и мочой окатит. Однако Лиллехорн вдруг расплылся в жуткой улыбке – его подозвал знакомый сахарозаводчик – и покинул судью и его секретаря, дабы уделить внимание человеку, имеющему в обществе куда больший вес.

Наконец они вышли из зала на улицу, где по-прежнему светило солнце, а горожане стояли небольшими компаниями, обсуждая увиденное.

При блеске дня лицо мирового судьи казалось особенно осунувшимся и уставшим. Он заявил, что идет домой – сидеть в мягком кресле, попивать чай с капелькой рома и размышлять

о разнице не только между мужчинами и женщинами, но и между болтунами и деятелями. Тогда Мэтью тоже зашагал вверх по Бродвею в сторону дома, решив, что горшки-то всегда нужны, а гончарный круг и физический труд обладают чудесным свойством – сглаживать самые острые углы мироздания и придавать ему тем самым более приятную форму.

Глава 6

Очнувшись ото сна, в котором он убивал Эбена Осли, Мэтью лежал в темноте у себя в постели и думал, как просто было бы убить Эбена Осли.

Например, так. Подстеречь его на выходе из «Слепца», где директор приюта пьет и играет в карты целую ночь, а затем пойти следом, держась подальше от фонарей. Или – еще лучше – заблаговременно устроить где-нибудь засаду. Как только загремят тяжелые сапоги по мостовой... Нет, сперва надо убедиться, что это он, – потянуть носом воздух. Разит гнилой гвоздикой? Ага, значит, точно он!

Вот он все ближе, ближе. Пусть подойдет, а мы пока придумаем, как с ним лучше обойтись. Необходимо орудие убийства, разумеется. Нож? Нет, слишком рискованно. Напорешься на кость – и он, чего доброго, убежит, голося на всю округу. Да еще кровью все зальет. Ужасно неприятно. Что ж, тогда – удавка? Ну-ну, попробуй затяни удавку на шее у эдакого борова – надо ведь покрепче, чтоб у него глаза из орбит полезли! Нет, он тебя мигом стряхнет, как блоху.

В таком случае – дубина. Да-да, крепкая, тяжелая булава, чтоб черепа раскраивать. В «Газетт» писали, что такими торгуют в разбойничьих притонах на Мэгпай-элли. Дашь звонкую монету темноликому злодею – и выбирай инструмент на свой вкус. А, вот отличная, ее-то нам и надо! С железным выступом вдоль всего наверху, – так удар вернее будет. Вон она, висит под кинжалами на всю пятерню – «обезьяньей лапой» – и мешочком гвоздей размером с кулак.

Мэтью сел, взял с прикроватного столика трутницу, зажег спичку и поднес ее к фитилю свечи в глиняном подсвечнике. Пламя разгоралось, прогоняя безумные, правдоподобные – и весьма жуткие – картины. Наваждение понемногу рассеивалось, однако Мэтью знал, что во сне подстерегал Осли с черной целью и в конечном итоге убил подлеца. Как? Чем? Неизвестно. Запомнилось лишь его мертвое лицо, остекленевшие глаза и глумливая усмешка, которая наконец сошла с его губ, когда он увидел, какие пытки заготовил для него дьявол.

Мэтью вздохнул и потер лоб. Он может всей душой и сердцем мечтать о смерти Осли, но убить его он не в состоянии – равно как и остаться с ним наедине.

«Надо тебе найти другую цель в жизни, получше этой», – говорил Джон Файв.

– А, к черту! – неожиданно сорвалось с его губ.

Джон Файв, безусловно, прав.

Пора положить этому конец. Мэтью давно уже осознал, что его надежда вывести Осли на чистую воду висит на волоске. Ах, если бы удалось заручиться показаниями Галта, Кови или Робертсона... Да хотя бы и одного из них! Даже одного свидетеля хватит, чтобы горшок Осли дал трещину. Но подумать только, что пришлось пережить Натану Спенсеру!.. Несчастный решил повеситься, лишь бы Нью-Йорк не узнал об издевательствах, которым его подвергали в детстве. Разве оно того стоило? Натан был робким, тихим мальчиком, – видно, слишком робким и слишком тихим, раз даже дружеская рука помощи не вызволила его из болота, а подтолкнула к петле.

– К черту! – повторил Мэтью, отказываясь слушать доводы рассудка.

Он не станет думать, будто своим вмешательством, как считает Джон Файв, утвердил Натана Спенсера в желании свести счеты с жизнью. Нет-нет, нельзя вставать на эту дорожку, а то как бы мысли о таких счетах не укоренились в душе.

Надо найти другую цель, получше этой. Мэтью сел на край кровати. Давно он уснул? Час назад, два? Спать больше не хотелось – даже после убийства Эбена Осли. Небо было черное, ни

намека на рассвет. Можно бы спуститься и посмотреть время в лавке, однако внутреннее ощущение времени подсказывало, что еще нет и полуночи. Он встал и, шелестя полами длинной ночной сорочки, зажег вторую свечу – в помощь первой. Затем выглянул в окно, выходившее на Бродвей. Там было тихо и темно, лишь в нескольких окнах тоже горел свет. Погодите-ка, что это? Ветерок доносит едва слышные скрипки и смех. Как сказал лорд Корнбери, последний джентльмен еще не вывалился на улицу.

За ужином супруги Стокли (они тоже побывали на сегодняшнем собрании, но стояли в толпе у выхода) выразили Мэтью свое восхищение: его идеи касательно констеблей им понравились. Управа – штука нужная, сказал Хайрам, давно пора городским властям что-то придумать в этом отношении. Почему Лиллехорн сам не догадался?

Что же до внешнего вида лорда Корнбери, тут Хайрам и Пейшенс были настроены не так благодушно. Пускай он представляет интересы королевы, неужто нельзя для этого одеться по-мужски? Где это видано, сказала Пейшенс, чтобы на платье губернатора Нью-Йорка было больше рюшек и лент, чем на наряде Полли Блоссом?

Тем временем Сесилия продолжала тыкать в Мэтью своим пяточком, давая понять, что ее пророчеству только предстоит сбыться.

Он отвернулся от окна и окинул взглядом свою комнату. Она была не слишком большая, но и не крохотная – скромная мансарда, куда можно попасть только через люк в потолке лавки. Из обстановки – узкая койка, стул, сундук для одежды, прикроватный столик да еще один стол с умывальным тазом. Жарким летом тут можно было свариться живьем, а зимой лишь толстое одеяло спасало от обморожения, но Мэтью не жаловался. Зато чисто, опрятно и порядок во всем. Пусть его комнатку можно измерить шестью шагами, это – самое его любимое место на свете, потому что здесь есть книжный шкаф.

О, книжный шкаф! Вот он, стоит рядышком с сундуком. Три полки лакированного темного дерева с инкрустацией в виде перламутровых ромбиков. На нижней полке выжжено имя и дата: «Rodrigo de Pallares, Octubre 1690». Шкаф прибыл в Нью-Йорк в прошлом мае на каперском судне и прямо на берегу был пущен с молотка вместе с остальными вещами, захваченными на испанских кораблях. Решив сделать себе подарок на день рождения, Мэтью предложил за него неплохую цену, однако Корнелий Рамбоутс, корабельных дел мастер, тут же перебил его ставку, накинув сверху еще половину от этой цены. Каково же было удивление Мэтью, когда судья Пауэрс, тоже присутствовавший на торгах, сообщил ему, что Корни согласился продать «траченную червями деревяху, подобранную в гавани», за первоначальную цену, лишь бы не нюхать больше вонь махорки, которую курил испанский капитан.

Книги, стоявшие на этих трех полках, тоже были куплены на торгах. Одни изрядно пострадали от воды, другие лишились обложек или множества страниц, а третьи с честью перенесли невзгоды морского плавания. И все до единой были в глазах Мэтью великими и чудесными достижениями человеческого ума. В изучении сих трудов ему очень помогло знание латыни и французского (испанский, кстати, тоже был почти освоен). В число излюбленных произведений Мэтью попали «Слово о гражданской власти» Джона Коттона, «Грозный глас Господень в городе Лондоне» Томаса Винсента, «Иной свет, или Государства и империи Луны» Сирано де Бержерака и «Гептамерон», собрание новелл королевы Маргариты Наваррской. Все эти книги вели с Мэтью душевные беседы. Одни говорили тихо и вкрадчиво, другие сердито бранились, третьи путали безумие с праведностью, четвертые возводили препятствия и стены, а пятые рушили их, – словом, каждая книга обладала собственным голосом, а уж слушать его или нет, решал только Мэтью.

Он подумал было отвлечься чтением какого-нибудь увесистого трактата вроде «Кометографии, или Слова о кометах» Инкриза Мэзера, дабы изгнать кровожадных демонов из головы, однако на самом деле его беспокоил вовсе не сон об убийстве Эбена Осли. Мэтью вновь и вновь вспоминал похороны Натана Спенсера. Юношу положили в могилу ясным июньским утром:

при свете дня отовсюду доносилось пение птиц, а ночью – скрипки и смех. Мэтью сидел у себя в комнате, в крошечном мраке, и гадал (совсем как сейчас и как другими ночами, задолго до той встречи с Джоном Файвом), не он ли убил Натана. Быть может, его непримиримое стремление к справедливости – нет, лучше уж сразу называть вещи своими именами: его упорное желание увидеть Эбена Осли на виселице – поспособствовало тому, чтобы Натан накинул петлю на шею. Мэтью полагал, что рано или поздно Натан не выдержит постоянного давления и решится на единственно верный, мужественный поступок: даст показания судье Пауэрсу и главному прокурору Байнсу об ужасах, которым его подвергали в детстве, а позднее повторит рассказ в городском суде.

Ведь человек, жаждущий справедливости, не может поступить иначе?..

Мэтью смотрел в пламя ближайшей свечи.

Натан жаждал одного: чтобы его оставили в покое.

Я в самом деле его погубил.

Закончил дело, начатое мерзавцем Осли.

Мэтью с шумом втянул воздух, затем выдохнул. Пламя задрожало, и по стенам поползли странные тени.

И вот ведь забавно, подумал он. Нет, не забавно... прискорбно: тот же всепоглощающий огонь его души, та же неутомимая тяга к справедливости, что три года назад в Фаунт-Ройале спасла жизнь Рейчел Ховарт, сегодня, по всей видимости... вероятно... почти наверняка?... подвела Натана Спенсера под петлю.

Стены начали давить на Мэтью. Он поджал плечи и ощутил несвойственное ему желание выпить для успокоения ума чего-нибудь крепкого, услышать пение скрипки и очутиться там, где все знают его по имени.

«Галоп» ведь еще открыт. Даже если мистер Садбери уже смахивает крошки со столов, Мэтью, верно, успеет опрокинуть кружечку темного стаута. Но медлить нельзя – надо поскорее одеваться и выходить, если эту ночь он хочет встретить в обществе друзей.

Через пять минут он уже спускался по лестнице в чистой белой сорочке, светло-коричневых бриджах и башмаках, начищенных еще с вечера. В лавке царил такой же порядок, как на чердаке, поскольку поддерживать там чистоту входило в обязанности Мэтью. На полках стояли миски, чашки, тарелки, подсвечники и прочая утварь; одни предметы дожидались покупателей, другие – дальнейшей обработки и украшения перед обжигом. Сам дом был сработан крепко; толстые деревянные столбы подпирали мансарду. На улицу выходила большая витрина, где для завлечения покупателей выставили лучшие творения гончара. Мэтью остановился на минуту, чтобы зажечь спичку и свечу в жестяном фонаре, висевшем на крючке рядом с дверью. Он твердо решил держаться сегодня подальше от «Слепца» и не следовать больше за Осли, однако свет, глядишь, поможет отпугнуть головорезов, которых директор запросто мог к нему подослать.

Шагая по Бродвею, Мэтью смотрел на серебристые блики лунного света на черной воде. «Галоп» находился на Краун-стрит, примерно в шести минутах быстрой ходьбы от гончарной лавки, – и, к счастью, на приличном расстоянии от сомнительных заведений вроде «Тернового куста», «Слепца» и «Петушиного хвоста». Нынче Мэтью было не до интриг и опасностей: голова еще гудела после недавней уличной стычки. Выпить кружку стаута, перекинуться с кем-нибудь парой слов – о лорде Корнбери, вестимо, не даст же народ пропасть такому поводу для сплетен! – а потом сразу домой, спать.

Он повернул на Краун-стрит рядом с ателье Аулзов. Вновь откуда-то донеслись скрипки и смех. Музыка и шум веселья звучали из-за освещенной фонарем двери трактира «Красная бочка» через дорогу. Оттуда, нестройно распевая во все горло (слов песни Мэтью не разобрал, однако ясно было, что она не из воскресного репертуара), вывалились двое. Следом выскочила худая черноволосая женщина с густо накрашенными глазами и окатила их бог знает чем из

ведра, а потом хрипло выругалась, когда облитые ею безобразники зашлись в пьяном смехе. Один упал на колени в грязь, второй принялся отплясывать вокруг него джигу, а женщина стала громко звать констебля.

Мэтью опустил голову и быстро прошел мимо. Чего только не встретишь на улицах Нью-Йорка – и ночью и днем! Однако с наступлением темноты город, казалось, норовил переплюнуть Лондон в самых низменных своих проявлениях.

Да и как иначе? В конце концов, Лондон у местных в крови. Пускай кое-где уж толкуют о ньюйоркцах – тех, кто здесь родился и вырос, – большинство местных обитателей еще не смыли лондонскую грязь с сапог и не вывели лондонскую сажу из легких. Их родина по-прежнему там, за океаном, откуда без конца прибывают, с намерением производить на свет ньюйоркцев, все новые лондонцы. Мэтью полагал, что когда-нибудь Нью-Йорк все же приобретет собственный характер (если выживет и удосужится стать подлинным городом), а покамест он – лишь очередное предприятие Британской империи, созданное лондонцами для нужд Лондона. Как же ему не перенять у образца все самое главное: темпы роста, дела и – увы – пороки? Именно поэтому Мэтью так беспокоила неорганизованность в рядах констеблей. Из газет он знал, что метрополия погрязла в преступности, и «старые чарли» не справляются с ежедневным потоком убийств, ограблений и прочих проявлений темной стороны человеческой души.

По мере того как в Нью-Йорке будет расти число доходных предприятий, из Старого Света на кораблях начнут прибывать опытные коммерсанты – волки, точащие зуб на новое стадо овец. Мэтью всей душой надеялся, что главный констебль Лиллехорн – или тот, кто займет его место, – будет наготове.

До «Галопа» оставался всего один квартал, только перейти Смит-стрит. Из подворотни выскочил черный кот с белыми лапами и понесся за добычей, – кажется, то была крупная крыса. Сердце Мэтью от испуга заколотилось где-то в горле.

И вдруг справа, на Смит-стрит, раздался сдавленный крик:

– Убили!

А потом закричали опять, уже громче и отчаянней:

– На помощь! Его убили!

Мэтью замер и поднял фонарь – сердце по-прежнему неистово билось в горле. К нему кто-то бежал, вернее, плелся и спотыкался, изо всех сил пытаясь двигаться по прямой. Мэтью стоило огромного труда сдержать два одновременно обуревающих его порыва: обмочить бриджи и швырнуть в бегущего фонарь.

– Убили! Убили! – кричал юноша.

Наконец он заметил Мэтью и умоляюще простер перед собой руки, едва не грянувшись при этом наземь. Лицо у него было белое как простыня, а темно-рыжие волосы торчали во все стороны.

– Кто это?

– А вы кто?..

Тут свет фонарей – уличного и того, что Мэтью держал в руке, – осветил лицо юноши. Оказалось, это Филип Кови, тоже из приютских.

– Филип, это я, Мэтью Корбетт! Что стряслось?

– Мэтью! Мэтью! Там... человека убили! По-порезали всего!

Кови так в него вцепился, что они оба чуть не шлепнулись в грязь, а Мэтью потом едва не свалился от запаха перегара. Глаза у Кови были налиты кровью, под ними лежали темные круги; судя по всему, от увиденного у бедняги хлынуло из носа: по губам и подбородку тянулись поблескивающие на свету нити слюны.

– Там труп, Мэтью! По-помилуй боже, весь изрезанный!

Кови, некрупный юноша на три года младше Мэтью, был так пьян, что еле стоял на ногах – пришлось схватить его за талию. Однако он все равно трясся и шатался, а потом начал рыдать, и колени у него подогнулись.

– Господи! Господи, я ж чуть на него не наступил!

– На кого? Кто там, Филип?

Кови смотрел на него невидящими глазами, слезы струились по щекам, рот кривился.

– Не-не знаю... – заплетающимся языком ответил он. – Порезали его всего! Вон там лежит!

– Там? Это где?

– Вон там. – Кови махнул в конец Смит-стрит, и тут Мэтью увидел свежую кровь на обеих его руках, а заодно красные пятна и отвратительные черные сгустки на собственной белой сорочке.

– Господи! – вскричал Мэтью, отшатываясь.

Ноги у Кови подогнулись, и он упал на мостовую, давясь и что-то бормоча. Почти сразу его начало выворачивать наизнанку.

– Что такое? Что за шум?

Со стороны «Рыси да галопа» к ним приближались два фонаря. Через несколько секунд Мэтью различил силуэты четырех человек.

– Сюда! – заорал Мэтью и тут же сообразил, как глупо и бессмысленно это прозвучало, люди ведь и так сюда шли. Для ясности он решил добавить: – Я здесь! – что было уж совсем ни к чему, ибо в тот же миг свет фонарей упал на него, последовали охи, ахи и полная сумятица: от вида окровавленной рубашки Мэтью прибывшие начали врезаться друг в друга, точно быки, которых охаживали палками.

– Мэтью? Да ты весь в крови! – Феликс Садбери посветил фонарем на Кови. – Это его рук дело?..

– Нет-нет, сэр, он...

– Констебль! Констебль! – заголосил стоявший за спиной Садбери человек. Его пронзительным голосом впору было вышибать двери и оконные ставни.

Мэтью отвернулся и, торопясь скрыться от этого надсадного вопля, поспешил мимо Филипа Кови по Смит-стрит. Он поднял фонарь повыше и ждал, что вот-вот наткнется на израненного бедолагу, однако на земле никого не было. В окнах начали зажигаться свечи, из домов выходили люди. Исступленно лаяли собаки. Где-то слева заревел осел – вероятно, в ответ на крик джентльмена с луженой глоткой, который приставил ладони ко рту и заорал: «Консте-е-ебль!» – крик сей, несомненно, переполошил даже огненнокрылых обитателей Марса.

Мэтью упорно шел на юг. Феликс Садбери все звал его по имени, но ответа не получал. Через некоторое время Мэтью увидел человека в черном, стоявшего на коленях под полосатым навесом давно закрытой на ночь аптеки. Тот обратил к нему мрачное лицо:

– Поднесите-ка сюда свет.

Мэтью повиновался, хотя и не горел желанием этого делать. Наконец его взору предстала картина целиком: двое стояли на коленях над трупом, растянувшимся на спине. На утопанной английской земле поблескивала черная лужа крови. Человек, просивший поднести свет, – не кто иной, как преподобный Уильям Уэйд, – взял у Мэтью фонарь, чтобы посветить своему спутнику.

Спутник его – престарелый доктор Артемис Вандерброкен – тоже держал лампу, которую Мэтью сразу не увидел, поскольку священник загораживал собой ее свет. На земле рядом с врачом стоял раскрытый саквояж, а сам Вандерброкен склонился над убитым и разглядывал его горло.

– Вот это его порезали! – услышал Мэтью его слова. – Еще чуть-чуть – и пришлось бы хоронить голову отдельно от тела.

– Кто это? – спросил Мэтью, против собственной воли наклоняясь поближе. В нос ударил медный, тошнотворный запах крови.

– Сложно сказать, – ответил преподобный Уэйд. – Артемис, вы его узнаете?

– Нет, лицо слишком отекло. Давайте заглянем в карманы сюртука.

Тут к месту преступления подоспели Садбери и остальные, а с ними еще несколько человек. Вперед пробрался какой-то пьяница с изрытым оспинами и багровым от эля лицом. Алкогольные испарения висели вокруг него зловонным туманом.

– Да энто ж мой брат! – внезапно завопил он. – Иисусе, брат мой, Дейви Мантанк!

– Это Дейви Мантанк! – проорал господин с луженой глоткой, вставши позади Мэтью (у последнего при этом едва не отвалились уши). – Дейви Мантанка убили!

Тут еще чья-то багровая физиономия пробилась сквозь толпу – причем где-то на уровне коленей.

– Это кто ж меня убил, мать вашу?..

– Попрошу не сквернословить! – осадил его Уэйд. – Так, все расступитесь. Мэтью, вы ведь порядочный человек?

– Да, сэр.

– Тогда подержите. – Священник протянул ему темно-синий бархатный кошелек, обмотанный кожаным шнуром и туго набитый монетами, а после – золотые карманные часы. – На них кровь, осторожнее. – Тут он впервые обратил внимание на окровавленную рубашку Мэтью. – Что с вами случилось?

– Да я...

– Вот! Уильям, глянь-ка! – Вандерброкен поднял фонарь и показал священнику что-то, чего Мэтью не видел. – Узор, – отметил врач. – Убийца вооружен не только острым клинком, но и извращенным остроумием.

– Нам придется его оставить, – донеслись слова Уэйда. – Он точно мертв?

– Увы, да, пределы нашего мира он покинул.

– Так кто это? – не унимался Мэтью.

Его толкали и пихали со всех сторон: вокруг тела уже образовалась изрядная толпа. Если я хоть сколько-нибудь смыслю в повадках толпы, подумал Мэтью, еще чуть-чуть – и булочник подтащит сюда свою тележку, сбегутся торгаши-разносчики, уличные девки начнут обольщать клиентов, а карманники – обчищать зевак.

Преподобный Уэйд и врач встали. Тут Мэтью заметил под серым плащом доктора Вандерброкена краешек светло-голубой ночной сорочки.

– Вот. – Уэйд вернул Мэтью фонарь. – Посмотрите сами и скажите.

Священник отошел в сторонку. Мэтью сделал шаг вперед и поднес свет к лицу убитого.

То было даже не лицо, а красная, распухшая маска ужаса. Кровь обильно текла изо рта и ноздрей, но самая страшная рана зияла на горле, под отвисшим подбородком. Темная, поблескивающая на свету плоть и желтые жилы виднелись в этой дыре, похожей на странную и жуткую улыбку. Белый льняной галстук совершенно почернел от крови. Жирные зеленые мухи уже облепили рану и ползали по губам и ноздрям убитого, не обращая внимания на людские крики и волнения. Как ни взбудоражен был Мэтью представшим ему безобразным зрелищем, он сознавал, что от его внимания не уходят всевозможные мелкие подробности: окоченевшая правая рука покоилась на животе, пальцы растопырены в стороны – жест потрясения и даже в каком-то роде смирения; густые волосы стального цвета всклокочены; дорогие, ладно сшитые, в черную тонкую полоску сюртук и жилет; лакированные черные туфли с серебряными пряжками; черная треуголка валялась чуть поодаль – и по ней уже топтались, проталкиваясь вперед взволнованно, почти остервенело, зеваки.

Лицо жертвы действительно отекло до неузнаваемости и было искажено предсмертными судорогами, от которых нижняя челюсть будто сошла с места и выдвинулась вперед, обна-

жив поблескивающие в тусклом свете нижние зубы. Глаза казались тонкими щелками на плоти, испещренной темными пятнами. Мэтью подался вперед, насколько осмелился – слишком много вокруг было крови и мух, – и разглядел отчетливые порезы над бровями и под глазами.

– Господи, какой ужас! – воскликнул Феликс Садбери, вставая рядом с Мэтью. – Вы его узнали? Кто это может быть? Вернее – мог?..

– Расступись! Дорогу констеблю! – раздался хриплый крик, прежде чем Мэтью успел ответить. Кто-то пытался пройти сквозь толпу, которая и не думала расступаться.

– Убили! Ох, боже мой, убили! – кричала женщина. – Моего мальчика, моего Дейви убили!

Не успел констебль продраться сквозь этот бедлам, как к убитому, расталкивая зевак точно кегли, подлетела грозная туша мамыши Мантанк весом в двести сорок фунтов. Сия матрона (жена морского капитана, державшая трактир «Синяя пчела» рядом с Ганновер-Сквер) являла собой грозное зрелище даже в добром расположении духа, а нынче вечером вид ее был так ужасен – лохматая грива седых волос, огромный нос, своими размерами и формой подобный тесаку мясника, и глаза черные, как лондонские тайны, – что даже пьяные братья Мантанк заблеяли по-овечьи.

– Ма-а! Ма-а! Дейви жив, ма-а! – крикнул Дарвин, но шум вокруг стоял такой, что пальни под ухом мамыши Мантанк пушка, она и то не слышала бы.

– Я жив, ма! – вопил Дейви, все еще стоя на коленях.

– Ах ты, поганец, да я с тебя шкуру спущу! – Грозная матрона наклонилась, схватила Дейви одной громадной, покрытой струпьями рукой и рывком поставила его на ноги. – Буду пороть, покудова ты у меня ртом не запердишь, а задом не запросишь пощады! – Она взяла его за волосы и под крики боли поволокла из огня да в полымя.

– Да пустите же констебля, черт подери!

Констебль наконец продрался сквозь толпу, и Мэтью узнал в нем невысокого коренастого грубияна – Диппена Нэка. Он держал перед собой фонарь и помахивал черной дубинкой. Бросив один-единственный взгляд на труп, он выпятил грудь-бочку, вытаращил свиньиные глазки, побагровел испитой рожей и зайцем припустил прочь.

Мэтью понял: если сейчас же не найти управу на толпу, она сровняет место преступления с землей. Одни зевачи – как видно, те, кого оторвали от последней кружки эля в трактире, – набравшись храбрости, подходили поближе и ненароком наступали прямо на тело, когда их толкали напирющие сзади любопытные. Откуда ни возьмись за спиной Мэтью возник Ефрем Аулз в длинной белой ночной сорочке, с огромными выпученными глазами за стеклами очков.

– Все прочь! – предостерег он толпу. – Живо, все назад!

Уже собираясь отойти вместе с остальными, Мэтью увидел, как от толпы отделилась нога какого-то шатающегося гуляки и наступила прямо на голову убитого, а следом и сам гуляка рухнул прямо на труп.

– А ну прочь! – заорал Мэтью. Щеки его горели от ярости. – Все назад! Быстро! Цирк тут устроили!

Зазвонил колокольчик – решительный и ровный металлический звон насквозь пронзил хаос. Мэтью увидел, что кто-то движется сквозь толпу, раздвигая людские волны. От звона колокольчика люди немного приходили в себя и расступались. Наконец возник главный констебль Лиллехорн с небольшим медным колокольчиком в одной руке и фонарем в другой. Он упорно звонил, покуда оглушительный гвалт не превратился в тихое бормотание.

– Отойдите! – скомандовал он. – Все назад, не то будете ночевать за решеткой!

– Да мы просто хотели глянуть, кого убили! – возмутилась какая-то женщина из толпы, и остальные ее поддержали.

– В таком случае предлагаю самым любопытным отнести труп в покойницкую. Что, желающих нет?

Тут уж, конечно, все накрепко закрыли рты. Покойницкая помещалась в подвале городской ратуши; то были владения Эштона Маккаггерса, куда простые смертные старались без нужды не соваться (когда нужда все-таки возникала, им было уже все равно).

– Расходимся, расходимся! Займитесь своими делами! – вещал Лиллехорн. – Хватит валять дурака! – Он взглянул на труп, а потом – прямо на Мэтью. Увидев его окровавленную рубашку, он вытаращил глаза. – Ты что же натворил, Корбетт?!

– Ничего! Филип Кови нашел тело, побежал, наткнулся на меня и... вот, перепачкал мне сорочку кровью.

– Может, труп тоже он ограбил – или все-таки ты сам потрудился?

Мэтью осознал, что до сих пор держит в руках часы и кошелек.

– Нет, сэр. Эти вещи мне вручил преподобный Уэйд.

– Преподобный Уэйд? Где же он?

– Да вот... – Мэтью принялся взглядом искать в толпе священника и врача, но они как сквозь землю провалились. – Только что был здесь. И еще доктор...

– Хватит болтать. Кто это?.. – Лиллехорн посветил фонарем на убитого. Надо отдать ему должное – выражение лица у него при этом осталось совершенно невозмутимым.

– Не знаю, сэр, но...

Мэтью большим пальцем приоткрыл часы, однако вопреки его ожиданиям монограммы внутри не оказалось. Стрелки замерли на семнадцати минутах одиннадцатого – в это время у них либо закончился завод либо механизм повредился от удара тела о землю. В любом случае часы были дорогие и говорили о состоятельности хозяина. Мэтью повернулся к Ефрему:

– Твой отец здесь?

– Да, вон он. Отец! – кликнул Ефрем, и старший Аулз, тоже в круглых очках и совершенно седой, каковым вскоре мог стать и его сын, вышел из толпы.

– Что это вы раскомандовались, Корбетт? – возмутился Лиллехорн. – Для вас у меня тоже найдется местечко за решеткой, не сомневайтесь.

Мэтью предпочел оставить его слова без внимания.

– Сэр, – обратился он к Бенджамину Аулзу. – Будьте так любезны, осмотрите сюртук жертвы и скажите, кто его пошил?

– Сюртук-то? – Аулз с отвращением покосился на труп, а затем, набравшись храбрости, кивнул. – Что ж, я осмотрю. А вот узнаю ли портного...

По тому, как сюртук скроен и сшит, можно определить его создателя, рассудил Мэтью. В Нью-Йорке всего три профессиональных портных и несколько любителей, занимающихся пошивом одежды; Аулзу наверняка не составит труда установить личность мастера – если только сюртук не приехал прямым из Англии.

Аулз нагнулся, осмотрел подкладку и тут же заявил:

– Ну да, все понятно! Знаю эту легкую материю, ее в начале лета завезли. Я сам этот сюртук и сшил. Этот и еще один точно такой.

– Для кого вы их сшили?

– Для Пеннфорда и Роберта Девериков, вестимо. У этого сюртука есть карман для часов. – Он встал. – Стало быть, это сюртук мистера Деверика.

– Убили Пенна Деверика! – крикнул кто-то в темноту.

И вот уже весть о жестоком убийстве полетела по улице быстрее, чем ее разнесла бы даже «Газетт»:

– Пенн Деверик помер!

– Пенна Деверика убили!

– Старый Деверик там лежит, упокой Господь его душу!

– Господь-то упокоит, а заберет – дьявол! – прокричал какой-то бессердечный. Впрочем, с ним согласились бы многие.

Мэтью молчал. Пусть главный констебль сам обнаружит то, что он уже заметил, – порезы вокруг глаз Деверика.

Такие раны упоминал Мармадюк Григсби в статье про убийство доктора Джулиуса Годвина.

У доктора Годвина также обнаружили вокруг глаз порезы, имевшие, по профессиональному мнению мистера Эштона Маккаггерса, форму маски.

Лиллехорн, стараясь не испачкать сапоги кровью, склонился над телом. Мэтью наблюдал. Констебль помахал рукой, отгоняя мух. Еще мгновение – и он, конечно, сообразит...

Наконец голова Лиллехорна дернулась – будто ему ударили кулаком в грудь.

Он вслед за Мэтью догадался, что на счет Масочника пора записывать еще одно убийство.

Глава 7

Ночь вторника сменилась утром среды. Мэтью спустился на тринадцать ступеней под землю и попал в угрюмые владения Эштона Маккаггерса.

Покойническая, дверь в которую притаилась под главной лестницей ратуши, имела стены, выложенные серым камнем, и коричневый глиняный пол. Мистер Маккаггерс рассудил, что в подвале, где по первоначальному замыслу должно было храниться продовольствие на черный день, температура воздуха вполне низкая, чтобы даже жарким летом замедлить порчу трупов. Однако никто покамест не подсчитал, сколько тело пролежит на деревянном столе, прежде чем обратится в перевозданную грязь.

Стол, помещавшийся среди зала шириной в двадцать два фута, был подготовлен к приему трупа Пеннфорда Деверика: его покрыли рогожей, а сверху насыпали слой молотой каштановой скорлупы, смешанной с семенами льна и проса, – для впитывания жидкостей. Мэтью и остальные присутствующие, которым Лиллехорн приказал явиться в покойническую (Ефрем и Бенджамин Аулзы, все еще хмельной Филип Кови, Феликс Садбери, а также констебль, первым явившийся на место преступления, – угрюмый Диппен Нэк), стояли под люстрой на восемь свечей и наблюдали, как тело спускают по железному желобу в дальнем конце помещения. Затем по тринадцати ступеням сошел и раб Маккаггерса, грозный, совершенно лысый и немой негр по прозвищу Зед. Именно он сперва прикатил сюда труп по Смит-стрит, затем перенес его на другую каталку, а оттуда уже водрузил на ложе из семян и скорлупы (Деверик по-прежнему был в полном облачении, дабы судебный медик мог осмотреть его в том виде, в каком его нашли). Зед работал усердно и на публику не глядел. Физическая его сила поражала воображение, а молчание было абсолютным ввиду отсутствия языка.

Нынешний облик Пеннфорда Деверика, мягко говоря, приводил собравшихся в трепет. Тело окоченело, и в желтом свете свечей он казался уже не человеком, но восковой фигурой, лицо которой сперва растопили, а затем выточили заново при помощи долота и киянки.

– Меня сейчас опять вывернет, Мэтью, – прохрипел Кови. – Клянусь, вывернет!

– Нет! – Мэтью схватил приятеля за руку. – Ты на него не гляди. Смотри лучше на пол.

Уши у Зеда были на месте, однако посетителей он как будто и не слышал. Все внимание его было направлено на труп. Он зажег четыре свечи с оловянными отражателями и расставил их по бокам от тела, у головы и у ног. Затем открыл крышку бочки, набрал оттуда два ведра обычной воды и поместил их на стол-каталку, туда же отправилось и третье ведро – пустое. Из шкафа Зед достал несколько отрезков белого льна и положил их рядом с ведрами, после чего пододвинул к секционному столу мольберт, стопку белых листов и глиняный горшок с черным и красным восковыми карандашами. Сделав все это, раб как будто погрузился в сон: минуту-другую он стоял неподвижно, вытянув руки по бокам и наполовину прикрыв веки. В

свете свечей причудливые ритуальные шрамы на его эбеновом лице казались багровыми – в этих-то отметинах Маккагтерс и разглядел стилизованные буквы «З», «Е» и «Д», из которых затем составил имя.

Ждать собравшимся оставалось недолго. Лиллехорн уже спускался по ступеням, а с ним – бледный молодой человек среднего роста с залысинами на высоком лбу, светло-каштановыми волосами и в неприметном сюртуке почти такого же цвета. Маккагтерс, который был старше Мэтью всего на три года, держал в руке коричневый кожаный саквояж с черепаховыми застежками. Темные его глаза были глубоко посажены и прятались за очками; щеки и подбородок явно нуждались в бритве. Он спускался в покойницкую с самым деловым и собранным видом, однако Мэтью прекрасно знал (как, впрочем, и остальные), что случится, когда он одолеет последнюю ступеньку.

– Просто кошмар, – сказал Лиллехорн, имея в виду, конечно, труп, а не Маккагтерса, хотя эти слова вполне можно было отнести и к медику. – Ему едва не отрезали голову!

Маккагтерс не ответил, однако к тому времени он уже окончил спуск, нашел взглядом труп, покрылся испариной... и в считанные мгновения пропотел насквозь, будто на него вылили ведро воды. Все его тело задрожало и затряслось. С трудом опустив саквояж на пол, он начал возиться с застежками – хорошо, что на помощь тут же подоспел Зед. Одним ловким, отточенным движением негр расстегнул саквояж: внутри блестели и мерцали щипцы, штангенциркули, пилы, ножи различных форм и размеров, пинцеты, щупы и какой-то инструмент, похожий на вилку со множеством зубцов. Однако первым делом Маккагтерс извлек оттуда серебряную бутылочку, открутил крышку, хлебнул оттуда какой-то жидкости и помахал горлышком у себя под носом.

Затем он покосился на труп и тут же отвел взгляд.

– Мы совершенно уверены, что покойный... – На этом слове его голос дрогнул, пришлось повторить: – Что покойный – мистер Пеннфорд Деверик? Кто-нибудь может это подтвердить?

– Я подтверждаю, – сказал главный констебль.

– А кто-нибудь из свидетелей?

– Подтверждаю, – откликнулся Мэтью.

– В таком случае я констатирую его смерть. – Он откашлялся. – Мистер Пеннфорд Деверик мертв. Вы подтверждаете?

– Да, подтверждаю, – сказал Лиллехорн.

– Свидетели?

– Да уж, мертв, как треска на сковородке, – ответил Феликс Садбери. – Погодите-ка, а разве не нужно сперва дожидаться его жену и сына? Ну, прежде чем... делать все остальное?

– За ними уже послали, – сказал Лиллехорн. – Да и вряд ли кто-то захочет смотреть на мистера Деверика в его нынешнем виде, согласны? Я бы не захотел.

– А она, может, хочет.

– Пусть это решение примет Роберт, после того как... – Лиллехорн на секунду умолк, так как в этот миг Маккагтерс стошнило в пустое ведро, а затем продолжил: – Осмотрит тело.

– Кажется, я сейчас грохнусь в обморок, – вымолвил Кови. Колени его дрожали.

– Крепись! – Мэтью все еще держал его под руку.

Зед опустил льняную тряпку в ведро с водой и промокнул ею бледное, изнуренное лицо хозяина. Маккагтерс еще раз нюхнул бутылочку с неким стимулирующим средством.

Городу невероятно повезло – и в прямом, и в переносном смысле – иметь на службе человека с такой феноменальной памятью и такими обширными познаниями в анатомии и искусстве, как Эштон Маккагтерс. Вы могли побеседовать с ним в понедельник, а в субботу он без труда воспроизвел бы ваши слова – и вдобавок назвал бы точное время одного разговора. Юноша подавал большие надежды равно в искусстве и медицине, но лишь до того момента,

когда приходилось иметь дело с кровью или мертвой плотью. Тогда он моментально развалился на куски.

Впрочем, обширные его познания и прочие достоинства перевешивали означенные недостатки, по крайней мере на той службе, которую поручил ему город. И хотя врачом он не был (и никогда им не стал бы, покуда кровь не обратилась бы в ром, а плоть – в свежий коричный кекс), работу он выполнял исправно, сколько бы пустых ведер ему для этого ни требовалось.

Сегодня, прикинул Мэтью, потребуется ведра четыре.

Зед невозмутимо смотрел на хозяина в ожидании сигнала. Маккаггерс кивнул, и Зед принялся за дело: взял другую белую тряпку, окунул ее во второе ведро и начал стирать запекшуюся кровь с лица убитого. Мэтью наконец понял назначение ведерного трио: одно – для омовения покойника, второе для ободрения Маккаггерса, а третье... для иных нужд.

– Как я понимаю, причина смерти всем ясна? – спросил Маккаггерс главного констебля, вновь покрываясь испариной.

– Ему перерезали горло. Согласны? – Лиллехорн вопросительно посмотрел на свидетелей.

– Да, перерезали горло, – прохрипел Диппен Нэк, а остальные либо кивнули, либо выразили согласие вслух.

– Принято к сведению, – молвил Маккаггерс. Увидев, как тряпка Зеда темнеет от крови, он вздрогнул и вновь склонился над ведром для иных нужд.

– А вот этот хотел обчистить его карманы, сэр! – Нэк ткнул Мэтью дубинкой в шею. – Мы его застали прямо на месте преступления!

– Я же сказал, личные вещи убитого мне передал священник. Они с доктором Вандерброкемом осматривали тело, когда я подросел.

– И где же в таком случае преподобный Уэйд и врач? – Лиллехорн поднял густые черные брови. – Кто-нибудь их видел?

– Я и впрямь кого-то видел возле тела, – заметил Садбери. – Вернее, двоих.

– Это были священник и врач?

– Я в темноте не разглядел. А потом сразу такая толпа набежала, что уже ничего было не разобрать.

– Корбетт! – Лиллехорн пробуравил Мэтью взглядом. – Почему они не остались на месте преступления? Вам не кажется это странным? Зачем столь почтенным господам... ну, скажем, растворяться в толпе?

– Это вы у них спросите. Возможно, они торопились по какому-то неотложному делу.

– Что может быть неотложнее, чем убитый Пеннфорд Деверик? Хотел бы я знать! – Лиллехорн взял из рук Мэтью кошелек и золотые часы.

– Позвольте заметить, что это было не ограбление? – спросил Мэтью.

– Позволяю. Вполне вероятно, что это было прерванное ограбление. Кови!

Филип Кови едва не выскочил из башмаков:

– Да, сэр?

– Вы говорите, что были пьяны и едва не споткнулись о тело, верно?

– Верно, сэр.

– Из какого трактира вы шли?

– Из... э-э... как бишь... простите, сэр, нервы разыгрались. Я шел из... э-э... «Золотого компаса», да! Нет, постойте... из «Улыбчивого кота». Да, сэр, из «Кота».

– «Улыбчивый кот» находится на Бридж-стрит. Вы живете на Милл-стрит, не так ли? Почему же вы прошли мимо Милл-стрит и двигались по Смит-стрит в противоположном от дома направлении?

– Не знаю, сэр. Может, решил заскочить в другой трактир...

– Между Бридж-стрит и тем местом, где вы якобы наткнулись на тело, множество трактиров. Почему вы не зашли в один из них?

– А!.. ну...

– Как лежало тело? – вдруг спросил Маккаггерс.

– Как лежало, сэр? Ну... на спине, сэр. Я едва на него не наступил.

– Почему у вас руки перепачканы кровью?

– Я пытался его разбудить, сэр. – Дальше Кови забормотал торопливо, как в горячке: – Я ж решил, что это... ну, просто пьяный валяется... упал да заснул! Вот я и решил разбудить... подсобить человеку-то! Схватил его за рубашку... а потом увидел, что к чему.

Маккаггерс на минутку отвлекся от разговора: сунул руку в ведро с чистой водой и охладил лоб.

– Вы обыскали этого человека, Гарднер? Ножа при нем не было?

– Обыскал, ножа нет. Но он мог его и выбросить.

– Что-нибудь еще нашли?

– Пару мелких монет... – Лиллехорн нахмурился. – А что, собственно, я должен был найти?

Маккаггерс, видно, ощутил очередной позыв, спешно наклонился над ведром и содрогнулся всем телом, однако отведать свой ужин во второй раз ему больше не пришлось.

– К примеру, перчатки, которые помогали ему орудовать скользким от крови ножом, – наконец выдавил Маккаггерс. – Ножны. Какой-нибудь предмет, принадлежавший жертве. Мотив. Словом, этот юноша мистера Деверика не убивал. Равно как не убивал он и доктора Годвина.

– Доктора Годвина? При чем тут...

– Полно, к чему эти экивоки. Совершенно ясно, что Годвина убил тот же самый человек.

Последовало долгое молчание. Лиллехорн наблюдал за работой Зеда: тот отирал кровь, споласкивал тряпку в ведре, отжимал ее и вновь прикладывал к ранам. Таким образом он почти полностью очистил лицо мистера Деверика.

Наконец Лиллехорн глухо произнес:

– Все по домам.

Диппен Нэк первым рванул к лестнице, следом за ним – Кови. Мэтью двинулся было за мистером Садбери, Ефремом и мистером Аулзом, но Лиллехорн бросил им вслед:

– Все, кроме секретаришки.

Мэтью замер. Не к добру это...

– Простите? Простите, можно я спущусь?

Все сразу узнали голос. Главный констебль поморщился. В дверях на вершине лестницы появился Мармадюк Григсби с деловито закатанными рукавами.

– Вас здесь не ждали, мистер Григсби. Ступайте домой.

– Прошу прощения, сэр, но на улице такие толпы бродят – я лишь вызвался проводить сюда миссис Деверик и Роберта! Им можно войти?

– Только юноше... Велите ему спускаться, а миссис Деверик пусть...

– Главный констебль желает сперва говорить с вашим сыном, мадам, – донесся голос Григсби.

Юный Роберт – бледный и ошарашенный, с заспанным лицом и растрепанными каштановыми кудрями – ужасающе медленно пошел вниз по лестнице. Григсби, как верный пес, держался рядом.

– Закройте дверь! – рявкнул на него Лиллехорн. – С той стороны!

– Да-да, сэр, простите, виноват! – Григсби громко хлопнул дверью – впрочем, сам при этом остался в покойницкой и с чрезвычайно решительным видом пошел вниз по лестнице.

Зед к тому времени взялся уже за рану на горле. Маккагтерс, которого до сих пор то и дело одолевала трясучка, сумел взять себя в руки и черным мелком набрасывал на бумаге очертания тела, лежащего на секционном столе.

Роберт Деверик в темно-синем плаще с золотыми пуговицами поверх голубой ночной сорочки остановился у подножия лестницы. Глаза его бегали между Лиллехорном и столом, губы двигались, однако с них не слетало ни звука.

– Вашего отца этой ночью убили на Смит-стрит, – тихо, но властно проговорил Лиллехорн. – Случилось это... – он открыл часы, так как пришел к тому же заключению, что и Мэтью, – где-то между десятью и половиной одиннадцатого. Известно ли вам, где он сегодня был?

– Отец... – Голос Роберта дрогнул. Глаза его блеснули, но от слез или нет – сказать было трудно. – Отец... кто мог убить моего отца?!

– Прошу вас, ответьте, где он был?

Молодой человек молча глазел на труп, не в силах, видимо, осознать, что такое изуверство вообще может быть совершено над человеческой плотью. Мэтью подивился переменам, постигшим Пенна Деверика в считанные часы: еще днем он был полон жизни, надменен и горделив, а теперь лежал на секционном столе, бесчувственный и холодный, что глина под ногами. Роберт из последних сил пытался совладать с собой: на горле у него вздувались вены, дергался желвак на подбородке, глаза сузились и наполнились слезами. Мэтью знал, что в Лондоне у него старший брат и две сестры. Деверик-старший и там имел маклерскую контору, дела которой перешли теперь в руки Робертова брата.

– Ходил по трактирам, – наконец выдавил юноша; Григсби проскользнул мимо, не обращая внимания на полный неприкрытого презрения взгляд Лиллехорна, и подобрался к трупу. – Он ушел еще до восьми... Хотел обойти трактиры.

– С какой целью?

– Слова лорда Корнбери... про то, что трактиры следует закрывать пораньше... вывели его из себя... он решил бороться с губернатором. Составить петицию, и чтобы все трактирщики ее подписали...

Роберт умолк: горло его отца – одна сплошная, ужасная рана – было теперь ярко освещено, и Маккагтерс, потный и трясущийся, поднес к порезу штангенциркуль. Мэтью заметил в его глазах безумный отсвет ужаса, каковой не должен испытывать ни один человек.

– Продолжайте, пожалуйста, – сказал Лиллехорн.

– Да, простите... Я... – Роберт поднес руку ко лбу, пытаясь, видимо, таким образом устоять на ногах. Он закрыл глаза. – Он пошел по трактирам, дабы найти сторонников... для борьбы с указом лорда Корнбери, когда тот будет издан.

– Было бы очень полезно узнать, – не подумав, вставил Мэтью, – какой трактир он посетил в последнюю очередь, в каком часу и с кем он...

– Естественно, мы это узнаем, – перебил его Лиллехорн. – Роберт, позвольте-ка спросить: нет ли у вас предположений – или догадок – касательно того, кто мог желать вашему отцу зла?

Молодой человек завороченно наблюдал за работой Маккагтерса. Тот изучил вскрытые ткани посредством щупа, затем внутри у него что-то булькнуло, и он согнулся над ведром – опять безрезультатно. С серым, как простыни потаскухи, лицом Маккагтерс вернулся к работе. Глаза его за стеклами очков напоминали два черных уголька.

– У моего отца... – сказал Роберт, – было своего рода кредо. Он говорил, что удел любого предпринимателя – война. И свято в это верил. Стало быть... да, враги у него, конечно, были. Но в Лондоне, не здесь.

– Почему вы так уверены?

– Здесь у него просто не было конкурентов.

– А если вы заблуждаетесь? Наверняка кто-то хотел занять его место, и...

– Это все домыслы, – сказал Маккаггерс, и Зед отер ему лоб чистой влажной тряпицей. – В таком случае, полагаю, кто-то хотел занять и место доктора Годвина? Говорю вам, эти преступления совершил один человек.

– В самом деле? – Пускай у Григсби не было под рукой блокнота, ему явно не терпелось все зафиксировать. – Вы в этом уверены?

– Ни слова, Маккаггерс! – предостерег Лиллехорн и тут же обрушился на печатника: – Я ведь велел вам убираться! Вон отсюда – иначе неделю проведете в кутузке!

– А вы не имеете права, – живо ответил Григсби. – Я никаких законов не нарушал. Верно, Мэтью?

Тут внимание всех присутствующих привлекло яростное чирканье по закрепленной на мольберте бумаге. Когда Маккаггерс отошел, все увидели на шее нарисованного им человека красную черту – так была изображена смертельная рана на горле.

– Вот вам мой ответ, – сказал Маккаггерс и стремительно нарисовал обрамляющие глаза красные треугольники. Затем он с такой силой соединил их чертой через переносицу, что мелок разломился на две части.

– Масочник, – молвил Григсби.

– Зовите его как хотите. – В желтом свете лицо Маккаггерса сочилось потом; он и сам напоминал труп. – Но это дело рук того же человека. – Он опять взял черный мелок и принялся строчить что-то рядом с изображением жертвы, однако Мэтью не удалось разобрать ни слова.

– Хотите сказать... его убил тот же человек, что и мистера Годвина? – спросил Роберт, пытаясь справиться с очередным потрясением.

– Судить пока рано, – отрезал Лиллехорн, предостерегающе косясь на Маккаггерса. – Нам предстоит еще много работы.

– Тело останется здесь до утра, – сказал Маккаггерс, обращаясь одновременно ко всем сразу. – А затем отправится к мистеру Парадайну.

Джонатан Парадайн был хозяином похоронного бюро, стоявшего на Уолл-стрит рядом с церковью Троицы. Завтра утром тело, обернутое в парусину, из покойницкой отнесут в заведение Парадайна, а уж там облекут в саван и уложат в выбранный Девериками гроб.

Мэтью отметил: Зед, хоть и обладал недюжинной силой, по лестнице тело не поднимал. Для этого над желобом имелась система лебедок, придуманная городским инженером для подъема трупов туда, откуда они поступили. Разумеется, сюда приносили далеко не всех покойников; большинство прямоком со смертного одра отправлялись к Парадайну. В данном помещении осматривали исключительно жертв преступлений, а таковых за время службы Мэтью у мирового судьи Пауэрс набралось четверо: женщина, насмерть забитая мужем – уличным торговцем, зарезанный проституткой капитан, доктор Годвин и теперь вот мистер Деверик.

– Заключение будет готово сегодня днем, – обратился Маккаггерс к констеблю.

Он снял очки и по-прежнему трясущимися руками потер глаза. Мэтью подумал, что бедняге никогда не преодолеть страха крови и смерти, пускай ему приносят хоть по сорок трупов в год.

– Позвольте и мне взглянуть на заключение? – спросил Григсби.

– Не позволю, сэр. – Лиллехорн вновь направил внимание на юного Деверика: вручил ему кошелек и золотые часы. – Теперь, полагаю, это принадлежит вам. Если хотите, я вместе с вами поднимусь к вашей матушке и побеседую с ней.

– Да, я вам буду очень признателен. Даже не представляю, что ей сказать.

– Джентльмены? – Лиллехорн жестом указал Мэтью и Григсби на дверь.

Продолжая строчить заметки на мольберте, Маккаггерс проронил:

– Я хочу поговорить с мистером Корбеттом.

Лиллехорн замер: спина его окаменела, а губы сжались так крепко, что между ними не проскочило бы ни слова.

– Простите, но я считаю неразумным...

– Я хочу поговорить с мистером Корбеттом, – последовал ответ – одновременно приказ и недвусмысленная просьба покинуть помещение. Очевидно, в этом подземном царстве Маккаггерс был король, а главный констебль – в лучшем случае придворный шут.

Впрочем, его гордыни это не умаляло.

– Я вынужден буду обсудить сие вопиющее нарушение служебных порядков с прокурором Байнсом.

– Не знаю, как это понимать, но ради бога. Доброй ночи. Вернее... доброго утра.

Лиллехорн, решив умерить свое возмущение и лишь злобно фыркнув напоследок, повел Григсби и юного Деверика наверх. Выйдя за дверь, печатник твердо закрыл ее с обратной стороны.

Мэтью стоял и наблюдал за работой Маккаггерса: тот что-то писал, смотрел на тело, снова писал, проводил измерения штангенциркулем, писал опять... Безмолвный и бесстрастный Зед то и дело отирал ему лицо влажной салфеткой. Работали они так слаженно и бойко, что казалось, Маккаггерс, Зед и покойник образуют трио.

– Я сегодня тоже был на собрании, – наконец молвил Маккаггерс, когда Мэтью уж было решил, что в пылу работы о его существовании начисто забыли. – Что вы думаете о лорде Корнбери?

Мэтью пожал плечами, – Впрочем, Маккаггерс этого не видел.

– В шляпках он, пожалуй, знает толк.

– Мне о нем кое-что известно. Он шут и выскочка, всюду сует свой нос, – такая у него репутация. Сомневаюсь, что он здесь надолго. – Маккаггерс умолк, вновь отхлебнул зелья храбрости из бутылочки и подставил Зеду взмокший лоб. – Ваши предложения показались мне весьма дельными. И своевременными. Надеюсь, их претворят в жизнь.

– Я тоже. Особенно теперь.

– Да. Особенно теперь. – Маккаггерс наклонился к самому лицу покойника, невольно вздрогнул и вернулся к своим заметкам. – Скажите, мистер Корбетт. То, что про вас говорят, – правда?

– А что про меня говорят?

– Рассказывают, будто вы успели наделать шуму в Каролине. Вопреки воле мирового судьи пытались отменить смертный приговор, вынесенный ведьме.

– Это правда.

– И?

Мэтью помолчал.

– Не понял, сэр?

Маккаггерс повернулся к нему. На его влажных щеках и стеклах очков плясали отсветы пламени.

– Была она ведьмой?

– Нет, не была.

– А вы – обыкновенный секретарь? Почему же вы были так убеждены в ее невиновности?

– Никогда не любил оставлять вопросы без ответов, – ответил Мэтью. – Это у меня от рождения, полагаю.

– А-а, врожденная блажь, стало быть. Люди ведь, в большинстве своем, готовы принять самый простой ответ на сложный вопрос. Так оно... спокойнее, не находите?

– Нет, сэр, не для меня.

Маккаггерс хмыкнул. Затем:

– Насколько я понял, мистеру Григсби неймется написать еще одну статью? Про этого Масочника? Весьма выразительное прозвище он ему придумал.

– Да, думаю, вы правы.

– Что ж, в прошлый раз он упустил примерно половину мною сказанного. – Маккаггерс отложил мелок и обратил на Мэтью раздосадованный взор. – Разве можно писать статьи, когда ты глух как тетерев и не видишь дальше собственного носа?

– Не знаю, сэр.

Мэтью был несколько обеспокоен: с чего это Маккаггерс так оживился?.. Или, быть может, Мэтью встревожил неподвижный взор бездонных черных глаз Зеда. Рассказывали, что негр прибыл сюда уже без языка; Мэтью порадовался, что не знает его истории, – она наверняка снилась бы ему в ночных кошмарах.

– Я говорил Григсби, что убийца орудовал ножом с изогнутым лезвием. Резанул наотмашь, слева направо. – Движение это Маккаггерс изобразил на бумаге красным мелком. – Такие ножи делают для того, чтобы закалывать скот. Убийца действовал без промедления и бил со всей силы. Я бы на вашем месте поискал того, кто давно работает на скотобойне.

– Понял, – кивнул Мэтью.

– Прошу прощения. – Маккаггерс, побледнев от собственных речей о насилии, умолк и прижал к губам мокрую тряпку.

– Порезы вокруг глаз... – робко выдавил Мэтью. – У вас есть какие-нибудь предположения?..

Маккаггерс мотнул головой и поднял открытую ладонь, прося его помолчать.

Мэтью замер в муторном ожидании под немигающим взглядом Зеда: тот был похож на ожившего африканского истукана, массивного и украшенного затейливой резьбой.

– Это послание, разумеется, – молвил Маккаггерс, отняв от лица тряпку и переводя дух. – И точно такое же послание получил Джулиус Годвин. В итальянской традиции карнавальные маски вокруг глаз иногда украшают ромбами либо треугольниками. Например, маски венецианских арлекинов. – Он помолчал, затем понял, что Мэтью ждет от него продолжения. – Больше про маски я вам ничего не расскажу. Но подойдите поближе, взгляните.

Мэтью приблизился к трупу и неподвижному Зеду. Маккаггерс остался на месте, возле мольберта.

– Обратите внимание на левый висок. Вот на это место. – Он взял из горшка еще один красный мелок и поставил на голове зарисованного трупа точку.

Мэтью пригляделся к указанному месту и заметил на отекающей плоти черный кровоподтек около трех дюймов в длину.

– Вот с этого удара по голове все и началось, – пояснил Маккаггерс. – Оглушенный Деверик не мог кричать, однако был еще жив. Полагаю, убийца уложил его на землю, спрятал дубинку – небольшую и неприметную, – затем схватил Деверика за волосы, чтобы обездвигнуть голову, и сделал свое дело. Можно предположить, что порезы вокруг глаз он оставил напоследок. А затем сбежал, бросив жертву посреди улицы. Позднее на него наткнулся ваш друг, вымазался кровью, а потом и вашу злополучную сорочку запачкал. Я прав?

– Насчет сорочки – абсолютно!

– Вероятно, на все про все ушло несколько секунд. Как я уже говорил, чувствуется рука опытного забойщика. И – памятью о докторе Годвине – опытного убийцы.

Мэтью внимательно разглядывал след от дубинки: лицо покойника больше не вызывало в нем отвращения или страха, а превратилось в объект холодного интереса – вопрос, на который предстояло найти ответ.

– Так вы говорите, что горло ему перерезали спереди? Ударом наотмашь?

– Да, об этом говорит глубина раны. В начале она глубже, чем в конце. Поврежденные сухожилия и ткани смещены вправо. Минуточку...

Маккаггерс пошатнулся, задрожал и устался в пол, переживая очередной приступ страха. Зед потянулся было к нему с тряпкой, но тот мотнул головой.

– Разве картина была бы иной, если бы горло перерезали сзади? – спросил Мэтью.

– В таком случае убийца должен быть левшой. А я думаю, что он был... и есть – правша. Если бы он подкрался сзади, то удар дубинкой пришелся бы ровно по затылку. Кроме того, взгляните на правую руку мистера Деверика.

Мэтью взглянул. Окоченевшая рука с растопыренными пальцами покоилась на животе. Жест смирения, в некотором роде, – так Мэтью подумал тогда, на месте преступления, а сейчас его в один миг озарило:

– Он хотел пожать убийце руку!

– И когда последовал удар, от потрясения растопырил пальцы. Стало быть, мы ищем джентльмена? Человека, которого Деверик знал и уважал?..

Тут Мэтью пришло на ум еще кое-что, леденящая душу мысль: здесь, должно быть, замешано подлинное зло.

– Тот, кто это сделал, хотел, чтобы Деверик видел его лицо! Чтобы тот понял: его ждет смерть! Да?

– Возможно, но здесь легко ошибиться – с такими выводами надо быть аккуратнее, – сказал Маккаггерс. – Убийце, возможно, хотелось видеть лицо Деверика, потому что у него не было при себе фонаря. Полагаю, это не случайное деяние безумца – равно как не было таковым и убийство доктора Годвина. Ведь Годвин получил похожий удар в левый висок, у него остался синяк на том же самом месте.

Мэтью не смог ответить, ибо разум его был занят мыслями о приготовлениях, какие должен совершить убийца, дабы все прошло тихо, быстро и наилучшим образом. Одеться в темное, не брать с собой фонаря, приготовить дубинку (вероятно, спрятать ее за пояс под черным как ночь плащом), а под рукой держать зачехленный нож. Поскольку жертва лежала на земле, кровь не могла бить очень высоко, и убийца – несомненно, готовый к тому, что из горла брызнет фонтан, – сумел не перепачкаться. На случай, если рукоять ножа станет скользкой, он надел перчатки. А затем, быстро выполнив надрезы вокруг глаз, исчез в темноте.

– Что могло связывать доктора Годвина и мистера Деверика? – спросил Мэтью, в первую очередь для того, чтобы самому лучше осознать сей вопрос.

– Попробуйте выяснить, – сказал Маккаггерс и, давая понять, что разговор окончен, вернулся к мольберту и своим записям.

Мэтью на всякий случай выждал немного, однако быстро понял, что в его присутствии более нет нужды. Маккаггерс дал знак Зеду, и тот принялся умелыми, отточенными движениями бритвы рассекать на трупе одежду. Тут уж всякий смекнул бы, что пора поднять с пола фонарь и вернуться в мир живых.

Впрочем, когда Мэтью поднимался по лестнице, его ненадолго остановили.

– Порой, – сказал Маккаггерс, не оборачиваясь (Мэтью понял это по эху его голоса), – не следует сразу открывать недреманному оку все подробности дела. Посему оставляю на ваше усмотрение, что говорить Григсби, а о чем лучше умолчать.

– Хорошо, сэр, – ответил Мэтью и с этими словами покинул покойницкую.

Глава 8

– Ну? Рассказывайте!

Мэтью едва успел выйти из ратуши на улицу, как к нему подлетел Мармадьюк Григсби. Он семенил рядом, с трудом поспевая за уверенным и широким шагом юноши.

– Какие у Маккаггерса предположения? Про орудие убийства что-нибудь известно?

– Полагаю, не следует обсуждать это прилюдно, – попытался вразумить его Мэтью.

Хотя уже было далеко за полночь, на улицах еще встречались люди, сбежавшие, несомненно, из трактиров, дабы спокойно подышать свежим воздухом и обсудить бесчеловечность и проворство черного жнеца. На всех парах Мэтью свернул на Бродвей (печатник

не отставал ни на шаг) и невольно подумал, что идти далековато – учитывая, что на счету Масочника теперь два кровавых убийства, фонари на углах почти все догорели, а Луну затянули облака, принесенные с моря влажным ветром. Он сбавил ход. Пускай у него при себе фонарь с еще теплящейся свечкой и по временам из темноты возникают светильники других горожан, ведущих ночной образ жизни, в такой час все же лучше не оставаться одному.

– Медлить нельзя, – сказал Григсби. – Надо обменяться полученными сведениями и сейчас же набросать статью для «Уховертки». У меня, конечно, припасены и другие любопытные темы для нового номера, но эта пока на первом месте!

– Завтра у меня весь день занят. Точнее, уже сегодня. Могу побеседовать с вами в четверг.

– Тогда я пока запишу все, что знаю сам, а вы потом пробежитесь по статье и добавите свои факты и предположения. После займемся набором. Я ведь могу рассчитывать на вашу помощь?

Дело, надо сказать, было весьма трудоемкое; Мэтью от него едва не слепнул, так как литеры приходилось набирать задом наперед, и на это уходил весь день и добрая часть ночи (что бы он там ни рассказывал судье Пауэрсу про «небольшую подработку»). Однако для печатанья в самом деле требовалось два человека: один – покрывал набор краской, а второй – тянул рычаг пресса, дабы получить оттиск.

– Хорошо, я помогу, – согласился Мэтью.

Мистер Григсби ему нравился, боевой его дух внушал искреннее восхищение. К тому же Мэтью грела душу мысль о собственном вкладе в создание городской газеты и возможность первым прочесть свежие новости о пьяных драках в трактирах и семейных склоках, о взбесившемся быке или коне, которого горожане гоняли по улицам, о том, кого вчера видели в харчевне и с кем. Все представляло для Мэтью интерес, даже самые приземленные заметки о прибывающих в порт кораблях и грузах.

– Я знал, что могу на вас рассчитывать! Для начала переговорить с Филипом Кови, разумеется, – он первым обнаружил жертву, как я понял. А вы подросли вторым, вот ведь повезло! То есть не вам повезло, конечно, а газете. Далее попробуем раздобыть официальное заявление Лиллехорна. Маловероятно, но все-таки осуществимо. Быть может, и лорд Корнбери нам что-нибудь скажет, дело все же громкое...

Примерно на словах «первым обнаружил жертву» Мэтью перестал его слушать. Пока Григсби вещал о своих грандиозных планах, он думал о том, кто же в действительности подоспел вторым и третьим. Вспомнились слова преподобного Уэйда: «Нам придется его оставить».

Оставить и пойти... куда?

Мэтью счел это примером как раз того, о чем не стоит рассказывать Григсби – хотя бы до тех пор, пока Лиллехорн не выяснит, чем занимались двое уважаемых господ той ночью и какое дело они почли более важным, нежели дожидаться констебля на месте убийства. Возможно, им и есть что поведать. Если так, то очень странно, что эдакие столпы общества так нехорошо себя повели – в самый ответственный миг просто взяли и исчезли.

– Как миссис Деверик приняла весть? – спросил Мэтью, когда они уже подходили к церкви Троицы.

– Стоически, – ответил Григсби. – Впрочем, должен заметить, что излишней чувствительности за Эстер Деверик никогда не водилось. Вдова прикрыла глаза платком, но пролила ли она хоть слезинку – большой вопрос.

– Хочу еще раз переговорить с Робертом. Наверняка ему известно, кто желал его отцу зла. Или же он догадывается, но не успел еще осознать этого в полной мере.

– Вы предполагаете, что Масочник... – Тут Григсби понял, что голос его свободно разносится по всей длине безмолвного Бродвея, и заговорил значительно тише: – Что Масочник действует по плану и с определенной целью? А чем вам не угодила мысль, что на улицах города попросту орудует безумец?

– Вполне может быть, что убийца – безумец или хотя бы наполовину безумец. Тогда меня гораздо больше пугает другая его половина. И Лиллехорна должна пугать именно она, ведь если уже двое человек убиты одной рукой, то та же участь может постигнуть и третьего, и четвертого, и бог знает скольких еще. Однако, сдается, все это неслучайно.

– С чего вы взяли? Маккаггерс что-то рассказал?

Мэтью прямо почувствовал, что Григсби напряжен, как молниеотвод. Видно, типографская краска имеет такое действие: попав единожды человеку в кровь, она затем управляет всеми его помыслами и чаяньями.

– Заключение Маккаггерса я смогу раздобыть через судью Пауэрса, – сказал Мэтью, не желая покамест выдавать печатнику свое предположение, что Деверик тянул руку знакомому джентльмену (а то и коллеге, крупному дельцу, не дай бог!), когда его ударили по голове; Масочник и вправду мог носить маску – вернее, личину добропорядочного гражданина или промышленника, а это его «полубезумие», возможно, отравляет его разум уже долгие месяцы, если не годы. – Думаю, нам следует сперва получить его мнение, прежде чем...

Тут и Мэтью, и Григсби испуганно замерли: из-за угла Кинг-стрит вышел щеголеватый джентльмен в бежевом сюртуке и треуголке. Не сказав ни слова, он стремительно прошагал мимо них и исчез в темноте. Мэтью едва успел его разглядеть, однако вроде бы признал в незнакомце того самого человека, что жестоко метал гнилые яблоки в лицо Эбенезеру Грудеру.

Впрочем, куда больше его заинтересовало другое обстоятельство: за джентльменом будто бы стелился едва уловимый аромат гвоздики...

С другой стороны, ничего удивительного. Владения Осли находились всего в квартале к востоку отсюда, на углу Кинг- и Смит-стрит: за чугунными воротами и забором высилось здание со стенами цвета проказы. Стоило Мэтью приблизиться к этому месту, как по коже его шел мороз, а ноздри раздувались; быть может, гвоздичная вонь Осли исходила от тех желтых кирпичей или от самого воздуха, что двигался мимо закрытых приютских ставен и темных дверей?..

– Э-э... Мэтью, – протянул Григсби, поглядывая на дрожащее пламя сальной свечи на углу. – Умоляю, простите старику такую трусость... но не могли бы вы пройти со мной еще немного? – Здесь чутье его не подвело: Мэтью в самом деле не горел желанием отклониться от пути. – У меня есть к вам одна важная просьба.

Вряд ли ради этого стоит умирать, подумал Мэтью. Нью-Йорк этим ранним утром казался уже совсем не тем городом, каким был вчера... Впрочем, убийство мистера Деверика могло подействовать на Масочника подобно стаканчику горячего грога на сон грядущий, и в таком случае убийца давно уже спит.

– Ну хорошо.

Вскоре они уже шли мимо сиротского дома. Григсби молчал – быть может, из уважения к Мэтью, который провел в этих стенах детские годы (хотя печатник не мог ничего знать о воспитательных методах Эбена Осли). Сам же Мэтью стремительно шел вперед, не глядя по сторонам. В его детстве приют состоял из одного здания, а сейчас включал целых три, но все вместе их по-старому называли «приютом». В старом корпусе так и жили мальчики – сироты и беспризорники из разбитых семей, пострадавших от насилия индейцев и колонистов. Часто эти мальчики не помнили даже собственных имен, не имели ни воспоминаний о прошлом, ни надежд на счастливое будущее. Во втором корпусе помещались девочки, за которыми присматривала мадам Паттерсон и ее подчиненные (их выписала сюда из Англии церковь Троицы). Третье здание – построенное совсем недавно, но оттого не менее безобразное, чем остальные, из серого кирпича и под крышей из черного сланца – находилось в ведении главного прокурора; жили здесь должники и прочие обнищавшие грешники, чьи деяния не вполне можно было назвать преступными, однако им предстояло очистить свое имя неустанным физическим трудом на благо города. Приземистый этот дом с решетками на окнах прозвали «работным

домом», и страх перед ним продирает каждого, кто получает за свою работу скромное жалованье и понимает, что монет на уплату всех долгов может не хватить.

Проходя мимо приюта для мальчиков, Мэтью все же украдкой на него покосился. Дом стоял черной незыблемой глыбой, скрывавшей за угрюмыми кирпичными стенами неизвестно какие страшные тайны. Однако... уж не тусклое ли пламя свечи мелькнуло за закрытой ставней? Быть может, там бродит по комнатам Осли, слушая дыхание юных и беззащитных своих подопечных, замирая у иных коек и проливая грязный свет на спящие лица? А его «помощники» из ребят постарше, что поддерживают железную дисциплину среди младших, не знающих ничего, кроме насилия, жестокости и страданий, молча отворачиваются от этого света и вновь погружаются в сон?..

Нет, бессмысленно об этом думать. Нет свидетелей – ничего нет. Однако, может статься, из этих стен когда-нибудь выйдет тот, кто захочет поведать о своих муках стражникам закона, и в этот славный день, глядишь, Мэтью еще увидит, как Осли увозят из города на телеге.

Они с Григсби шли мимо жилых домов и контор, однако воздух в этой части города – между приютом и гаванью, что начиналась в двух кварталах отсюда, – и в самый солнечный день был подернут какой-то серостью, а уж ночью здесь стояла и вовсе кромешная тьма. Чуть поодаль и вправо начиналось кладбище рабов, а слева тянулась скудельня, общие могилы для убогих, имена которых в лучшем случае были намалеваны белой краской на маленьких деревянных крестах. Фермер-голландец по фамилии Дирксена по-прежнему обрабатывал два акра земли, прилегающих с востока к скудельне, и крепкий его кирпичный домик, казалось, простоял бы здесь еще несколько веков.

– Скоро моя внучка приезжает, – сказал Григсби.

– Простите, сэр? – Мэтью даже подумал, что ослышался.

– Берил. Моя внучка. Она приедет... уж и не знаю когда. Три недели как должна была быть здесь. Преподобный Уэйд по моей просьбе за нее молится. Всем известно, как ненадежны корабли...

– Да, конечно.

– Может, они попали в штиль. С парусами что-нибудь стряслось, или руль поломался. Морские путешествия – дело непростое.

– Да-да, вы правы, – кивнул Мэтью.

– Словом, жду ее со дня на день. Об этом я и хотел вас попросить.

– Не понял, сэр?

– Вернее, с этим связана моя просьба. Берил – девица своевольная, вся в отца. Полна сил и жизни, и... словом, старику вроде меня с нею так просто не сладить.

– Не знал, что у вас есть внучка.

– О да! А от второго сына еще двое внуков. Они меня провожали на корабль, когда я решил попытать счастья в колониях. Ребятки превосходно устроились, а вот Берил... ее нужно направлять, Мэтью. Ей необходим... как бы это лучше выразиться... присмотр!

– Присмотр?

– Да... ею порой овладевает жажда... приключений, скажем так.

Мэтью молчал. Они уже подходили к дому Григсби, расположенному среди жилых домов и портовых складов.

– Ей только что исполнилось девятнадцать. Трудный возраст, согласны? – продолжал печатник, не дождавшись от Мэтью никакого ответа. – Между прочим, она уже успела и поработать. Восемь недель преподавала в школе Мэрилебона, пока та не сгорела.

– Простите?

– Никто не пострадал, слава богу. Однако Берил осталась без работы – и на мели. Не в буквальном смысле, разумеется. Она меня заверила, что корабль, который она выбрала, уже шесть раз пересекал океан. Значит, можно считать, что капитан свое дело знает. Правда ведь?

– Правда, – согласился Мэтью.

– Меня куда больше волнует ее характер. Она хочет найти здесь работу, и я замолвил за нее словечко директору Брауну – а также написал весьма лестную статью о пекарне миссис Браун, – и он согласился устроить ее в школу. Но сперва она должна продемонстрировать свои способности и преданность делу. Итак, что скажете? Согласны?

Мэтью так и опешил. Он совершенно не понимал, чего от него хочет мистер Григсби. В воздухе запахло яблоками – на холме поблизости расположился яблоневый сад и дом, где пожилая чета голландцев готовила самый чудесный сидр в городе.

– Согласен на что?

– Присматривать за Берил. Ну, понимаете – сопровождать ее, следить, чтобы она не ввязалась в какую-нибудь неприятную историю, пока директор не принял окончательное решение на ее счет.

– Я?! Нет, простите, я для этого не гожусь.

Григсби замер как вкопанный и обратил на Мэтью столь недоуменный взгляд, что и тому пришлось остановиться.

– Не годитесь? Позвольте, а кто же тогда годится?!. Лучше вас этого никто не сделает! Вы серьезный, обстоятельный и трезвомыслящий молодой человек. Благонадежный и достойный доверия. Вы не пьете и не бегаете за юбками.

Мэтью слегка сдвинул брови:

– Вот уж не думал, что я так скучен.

– Да нет же, я говорю от чистого сердца. Вы окажете благотворное влияние на Берил. Она куда охотнее станет брать пример со своего сверстника. Понимаете?

– Брать пример чего? Непроходимого занудства? Бросьте, мне пора домой. – Он вновь двинулся в сторону дома Григсби, и печатник быстро его нагнал. Точнее, нагнал кружок света от его фонаря.

– А вы все ж подумайте об этом, ладно? Вам просто нужно ее сопровождать, знакомить с достойными людьми, помогать обживаться на новом месте...

– Странно, я думал, это – обязанности любящего деда.

– Да-да! Разумеется! Только ведь дед, при всех его благих намерениях, – просто старый дурак.

– Вот и ваш дом, – сказал Мэтью.

Жилище Григсби, втиснутое между мастерскими якорщика и канатоплета, располагалось сразу за яблоневым садом и окнами выходило на Ист-Ривер. Дом из простого белого кирпича Григсби украсил ярко-зеленой дверью и ставнями, а над входом повесил резную табличку: «М. Григсби, печатник». Рядом стояла невысокая кирпичная постройка – голландцам она служила молочным погребом, а теперь там хранилась бумага, типографская краска и запасные части для печатного пресса.

– Вы хотя бы подумаете? – спросил Григсби, поднимаясь на крыльцо. – Мне действительно необходима ваша помощь!

– Я подумаю, но ничего не обещаю.

– Прекрасно! О большем я и не прошу. Что ж, спасибо за компанию и за фонарь. – Он выудил из кармана ключ и, взявшись за дверную ручку, помедлил. – Послушайте... будьте осторожны, когда пойдете домой. Очень осторожны. Хорошо?

– Да, спасибо.

– Ну вот и славно. Приходите в четверг, если сможете, будем печатать свежий номер!

Мэтью пожелал ему спокойной ночи и зашагал домой – на север по Куин-стрит, вдоль реки. В голове вертелось множество мыслей, однако снова и снова он возвращался к истории про внуку Григсби. Конечно, он надеялся, что корабль не потонул в шторме. Опаздывает на три недели? Да, ветер и течения бывают коварны, но чтобы настолько...

И ведь совершенно ясно, почему он не хочет таскаться всюду за этой Берил Григсби, – причина, безусловно, не делает Мэтью чести, но вполне понятна. Как бы высоко он ни ставил Мармадюка, неказистая его внешность и странные повадки – к примеру, обыкновение поливать собеседника слюной сквозь щели в зубах и оглушительно выпускать ветры – невольно наводили на мысль, что внучка могла унаследовать оные черты. Мэтью передергивало, когда он представлял себе эту дурнушку – недаром ведь она отважилась пересечь бурную Атлантику и поселиться в неотесанном колониальном городишке. Вряд ли этому поспособствовал пожар в мэрилебонской школе.

Да и потом, он слишком занят для эдакого праздношатания. Слишком занят.

Сейчас ему больше всего на свете хотелось содрать с себя окровавленную рубашку, умыться и лечь спать. В десять часов им с Пауэрсом предстоит брать показания у вдовы Маклейрой (ох и непростая задача!), а уже в час дня – таинственная встреча, загадка, которую Мэтью не терпелось разгадать: кто такая эта миссис Кэтрин Герральд и что у нее на уме.

Хотя фонарь его погас задолго до дома и воображение живо рисовало образ незнакомца, что крался за ним в темноте, ярдах, положим, в двадцати, и гадал, напасть сейчас или приберечь добычу на другую ночь, – все же Мэтью без происшествий добрался до гончарной мастерской, поднялся по лестнице, открыл люк и очутился в безопасности своего скромного королевства.

Глава 9

Дьявол как раз взялся бить свою жену, когда Мэтью вошел в двери со вставками из матового стекла и ступил на красный ковер гостиницы «Док-хаус». То было элегантное трехэтажное здание красного и черного кирпича, построенное в 1688 году на месте прежнего сгоревшего постоянного двора ван Поувельсона. Стены внутри были обшиты темным дубом, а крепкая мебель отвечала вкусам тех, кто знал разницу между необходимостью и удобством. В сводчатой нише стоял спинет, расписанный сценами из «Сна в летнюю ночь», – местные музыканты нередко давали концерты на этом инструменте, которые пользовались большой любовью публики. Все убранство гостиницы – от дорогих восточных ковров до писанных маслом портретов видных нью-йоркских коммерсантов – говорило о достатке и влиятельности. С трудом верилось, что в каких-то ста ярдах от входа трутся бортами о причал корабли и крысы разбегаются из-под сапог потных грузчиков.

На встречу с миссис Герральд Мэтью надел свое лучшее платье: темно-синий сюртук, белый галстук, белую сорочку и жилет с серебряными пуговицами. На улице светило солнце и лил дождь – по голландскому народному поверью, слезы поколачиваемой дьяволом жены, – который застигнул Мэтью буквально в двух шагах от гостиницы, на углу с Бродвеем. С волос теперь текло, плечи сюртука тоже промокли. Такая погода стояла сегодня с самого утра: тучи набегали, плевались на город дождем и уносились прочь, солнце пекло мокрые улицы, поднимался пар, и вновь собирались тучи, и вновь плакала дьяволова жена, а потом все по новой.

У Мэтью не было времени и сил приводить себя в порядок – хорошо, что вообще удалось добраться до гостиницы. Сломавшаяся посреди дороги телега с бревнами остановила движение всякого транспорта и пешеходов по улице, вынудив Мэтью опоздать на встречу минуты на три. Четырежды по пути сюда от «Золотого компаса», где они с судьей Пауэрсом сегодня обещали, Мэтью останавливали знакомые, желавшие знать подробности его ночных походов. Разумеется, в городе только и судачили, что об убийстве мистера Деверика. Непонятно, зачем в таком случае вообще нужна газета: молва разносит вести куда быстрее. Даже вдова Маклейрой, приходившая в десять утра, упорно расспрашивала об убийстве, совершенно позабыв об украденном постельном белье. Да что уж там, и судью Пауэрса настолько взволновал рассказ

Мэтью – а также обстоятельство, что на счету Масочника теперь две жертвы, – что он с трудом мог сосредоточиться на показаниях вдовы.

Пауэрс пожелал Мэтью удачи, однако никаких дополнительных сведений о предстоящей встрече не предоставил. И вот Мэтью пригладил мокрые волосы, потер пальцем зубы, чтобы снять с них остатки пирога с треской, съеденного на обед, и подошел к стоявшему за конторкой мистеру Винсенту в высоком, затейливо уложенном парике. Позади него были часы с маятником и знаками зодиака на циферблате, по которым Мэтью понял, что действительно опоздал на три минуты.

– Мэтью Корбетт, прибыл на встречу с миссис Кэтрин Герральд, – доложил он.

– Миссис Герральд ждет вас в гостиной, – последовал весьма сухой ответ от весьма сухого хозяина гостиницы. – Пожалуйста туда. – Он шевельнул пальцем в нужном направлении.

– Благодарю.

– Хм... Одну минутку, молодой человек. Простите, правильно ли я слышал, что вы были в числе первых, кто подоспел минувшей ночью на место трагедии?

– Да, сэр, но прошу меня простить – я опаздываю! – ответил Мэтью уже на пути в противоположный конец вестибюля, где две ступеньки вели к закрытым двойным дверям гостиной.

– Подойдите ко мне на минутку, когда закончите, будьте так любезны! – Слова эти из уст царственного Гиллиама Винсента прозвучали скорее как приказ. – Мистер Деверик был добрым другом «Док-хауса»!

Мэтью поднялся по ступенькам и хотел распахнуть двери, но вовремя опомнился и постучал.

– Входите, – сказал женский голос.

Что ж, была не была, подумал Мэтью, сделал глубокий вдох и вошел.

Если вестибюль был обставлен с тонким вкусом, то гостиная поражала роскошью и богатством: красно-коричневые текстильные обои, каменный камин с небольшими часами на полке, кожаные кресла... Ломберный столик с мраморной шахматной доской стоял у большого окна в частом переплете, выходившего на мачты кораблей и портовую суету. В этой комнате дельцы, представляющие торговые интересы Лондона, Амстердама, Барбадоса, Кубы, Южной Америки и великой Европы, встречались, чтобы взвешивать мешки с деньгами и подписывать соглашения. На письменном столе лежали в ряд гусиные перья в кожаных чехлах, а возле этого стола, на темно-красном стуле, развернутом к двери, располагалась женщина.

Она встала навстречу Мэтью, чем немало его удивила: обычно знатные дамы сидели, протянув ручку визитеру, или же в знак приветствия взмахивали расписным веером. Мэтью остановился и отвесил вежливый поклон хозяйке, оказавшейся почти с него ростом.

– Вы опоздали, – тихо и без малейшего упрека в голосе заметила женщина.

– Да, мадам, – ответил Мэтью. Секунду-другую он раздумывал, стоит ли оправдываться, но потом решил, что обстоятельства говорят сами за себя. – Приношу свои извинения.

– Впрочем, вам выпала любопытная ночь, не так ли? Полагаю, это могло несколько вас задержать.

– Так вы уже слышали?

– Мистер Винсент мне сообщил. Как я понимаю, мистер Деверик пользовался в городе большим уважением.

– Да.

– Но, увы... – произнесла миссис Герральд и добавила после короткой паузы: – Не любовью. – Рукой в лавандовой перчатке она указала на стоявшее слева от нее кресло. – Присядете?

Сама она тоже села, и у Мэтью появилось несколько секунд, чтобы окончательно составить о ней первое впечатление (а составлять его он начал сразу, как только вошел в комнату).

На ней было платье лавандового цвета с маленькими белыми оборками у самого горла и темно-фиолетовый жакет с золотыми пуговицами. На голове – шляпка-амазонка в цвет пла-

тня, без перьев и каких-либо украшений. Подтянутая, лет пятидесяти, миссис Герральд имела точеные черты лица и ясные голубые глаза, коими она решительно и без всякого стеснения тоже оглядывала Мэтью. Вокруг глаз и на лбу у нее были морщины, однако более никаких примет возраста он в ее внешности не заметил: держалась она прямо, элегантно и очень уверенно. Темные волосы с яркими седыми прядями у висков и на выраженном «вдовьем мыске» она уложила по моде, однако не стала убирать их в высокую прическу с помощью золотых шпилек, как это обыкновенно делали состоятельные дамы ее возраста. А дама она была, вне всяких сомнений, состоятельная, раз поселилась в «Док-хаусе». Кроме того, что-то в облике миссис Герральд – подъем квадратного подбородка, прохладный оценивающий взгляд умных глаз, уверенные манеры – указывало на то, что она привыкла пользоваться благами и привилегиями этого мира. При себе она держала небольшой черный портфель, в каких богатые люди носили важные бумаги и рекомендательные письма.

– Ну, что вы обо мне думаете?

Вопрос застал Мэтью врасплох, однако он сумел сохранить самообладание.

– Полагаю, это я должен спросить, что вы думаете обо мне.

– Тоже верно. – Она сцепила пальцы и взглянула на Мэтью не без некоторого озорства. – Я думаю, что вы умный юноша. Воспитывались в здешнем приюте, где знали лишь грубое обращение, а теперь желаете продвинуться в жизни, однако в настоящий момент не ведаете, каким будет ваш следующий шаг. Вы начитанны, благоразумны и благонадежны, однако не вполне еще научились распоряжаться своим временем – хотя лично я считаю, что лучше прийти поздно, чем никогда. И думается мне, вы старше своих лет. Можно даже сказать, что у вас вовсе не было юности, я права?

Мэтью не ответил. Он, конечно, понимал, что все необходимые сведения ей предоставил судья Пауэрс, однако ему было любопытно, к чему приведет этот разговор.

Миссис Герральд умолкла в ожидании ответа, затем кивнула и заговорила вновь:

– Мне кажется, вы всегда чувствовали ответственность. За что или за кого – не знаю. Но вы считаете себя в той или иной мере ответственным перед другими. Вот почему у вас не было юности, мистер Корбетт, ибо ответственность старит. Она, увы, отдаляет молодого человека от сверстников. Отчуждает его, загоняет внутрь самого себя даже сильнее, чем все прежние жизненные невзгоды. И вот, не имея истинных друзей и своего места в мире, юноша обращается к еще более серьезным и остепеняющим влияниям. Положим, к ненасытному чтению. К развивающим остроту ума шахматам или иным отвлеченным задачам, требующим решения. Однако, не имея высшей цели, подобные задачи берут подчас верх над человеческим разумом, он оказывается ими занят день и ночь... и все без толку. Тогда юноша рискует встать на путь, который приведет его к весьма унылому и безрадостному будущему. Вы согласны?

Мэтью не понимал, как ответить, и знал лишь одно: мокро ему теперь не только от дождя. Сорочка и сюртук под мышками пропитались потом, и он ерзал в кресле, как рыба на крючке. Неужто эта дама обошла весь Нью-Йорк, наводя о нем справки? И как относиться к подобному вниманию с ее стороны? Эти сокрушительные догадки о его личности призваны возвысить его в собственных глазах или, напротив, унижить? Нет, она положительно справлялась о его привычках в городе, иначе и быть не может! Черт подери, надо сделать оскорбленное лицо, встать и убраться отсюда!

Однако вместо этого он хранил внешнюю невозмутимость и оставался сидеть в кресле.

– Ну, а вы какое мнение составили обо мне? – льстиво спросила миссис Герральд.

– Полагаю... вам доставляют удовольствие изыскания и открытия, – ответил Мэтью и не добавил к этому больше ни слова.

– Как вы верно подметили, – последовал ответ.

Минуту-другую они сидели, безмолвно глядя друг на друга, а в комнате сгушалась темнота. Внезапно по окну забарабанил дождь, задвигались тени, и вновь в окна хлынул солнечный свет.

– У меня свое дело, – сказала миссис Герральд. – Натаниел... то есть судья Пауэрс вам наверняка об этом сообщил?

– Да, сообщил. Но не уточнил какое и почему вы вообще заинтересовались моей персоной.

– Меня привлекла ваша ответственность, вот почему. Ваши юные годы... и то, что на самом деле вы отнюдь не юнец. Ваш ум. Ваши устремления. Даже история с судьей Вудвордом.

Мэтью невольно вздрогнул. Эта чудовищная женщина решительно переходит всякие границы!..

– Судья Пауэрс и об этом вам рассказал? В подробностях? – Тут он вспомнил про манеры. – Позвольте узнать?..

– Разумеется. Да, он поведал мне всю историю. А почему нет? Я его спросила, он ответил. Тяжелое было для вас время, не так ли? Однако вы сохранили убеждения, хотя они причинили столько горя вам и вашему... наставнику, если позволите так его называть. Вы наверняка были очень преданы ему, ведь он помог вам выбраться из приюта. Вы считали свои деяния предательством?

– Нет, я считал свои деяния борьбой за справедливость, – спокойно ответил Мэтью, хотя ему хотелось скрежетать зубами.

– И вы полагали, что в данном случае знаете больше, нежели многоопытный и мудрый судья Вудворд?

Мэтью опустил глаза на свои руки и размял пальцы. Он чувствовал, что миссис Герральд пристально за ним наблюдает – быть может, ищет слабинку в его показном спокойствии. Он сосредоточился на своем дыхании: постарался дышать ровно и тихо, не показывая ни намека на охватившее его чувство. Наконец он взял себя в руки, поднял голову и уверенно посмотрел миссис Герральд в глаза.

– Я был уверен в своих действиях, поскольку в пользу моей правоты говорили не только существующие улики, но и отсутствие улик. Опыт – весьма скромный и ограниченный, как вы справедливо подметили, – подсказывал мне, что если на вопрос существует простой ответ, то это не всегда правильный вопрос. Иногда он лишь заводит человека во тьму. Посему в поисках света я задаю вопросы, каковые никому другому даже не приходят на ум. Станные вопросы. Невежливые и неприятные. Я занудствую, толкую одно и то же, донимая окружающих, и порой моя стратегия сводит в могилу тех, кто не желает мне отвечать. В самом деле, друзей у меня не много, и да, я чересчур ушел в самое себя, но...

Мэтью умолк, сообразив, что попался в хитрую западню самообличения, которую расставила для него миссис Герральд. Она меня разозлила, подумал он. Разрушила мое самообладание, разбила скорлупу – и теперь я как на ладони.

– Продолжайте, – по-прежнему тихим голосом молвила она, – вы говорили о неприятных вопросах.

– Да, верно. – Мэтью несколько мгновений собирался с мыслями, затем продолжил: – В Фаунт-Ройале, с судьей Вудвордом... все происходило слишком быстро. Дело шло к сожжению на костре. Мне... мне казалось, что так нельзя... что сперва необходимо ответить на некоторые вопросы. Да, он был мне наставником, разумеется. И другом. Однако... оставить вопросы без ответов я не мог. Не мог, поймите! Отдать ее на растерзание местным...

– Ее?

– Рейчел Ховарт, так ее звали. Женщину, которую обвинили в колдовстве.

Миссис Герральд кивнула и какое-то время молча смотрела в окно – на лес махт. Затем спросила:

– Что вы делали сегодня утром?

– Хм... позавтракал с четой Стокли. Я живу над гончарной...

– А потом? – нетерпеливо оборвала его миссис Герральд.

Он озадаченно нахмурился:

– Потом... пошел на работу.

– Неужели? А может, сперва вы сделали кое-что еще?

Мэтью наконец понял, куда она клонит.

– Я сбегал на Смит-стрит взглянуть на то место, где нашли тело мистера Деверика.

– Зачем?

– Хотел осмотреть все еще разок при свете дня. Не валяется ли что-нибудь в грязи...

Может, пуговица с сюртука убийцы. Да мало ли.

– И что вы обнаружили?

– Ничего. Там уже все подмели, кровь засыпали песком. Полагаю, по приказу главного констебля – чтобы жизнь города вновь пошла своим чередом.

– Своим чередом, как же! Два убийства за... сколько недель? Кого, по-вашему, следует искать главному констеблю?

Мэтью, не успев опомниться, выпалил то, что крутилось у него на уме с самого утра:

– Палача из господ!

– Хм, – только и протянула она. Затем кашлянула, склонила голову набок и посмотрела на него так, будто впервые увидела по-настоящему. – Вы, верно, ничего не слышали о бюро «Герральд»?

– Нет, мэм, не знаю.

– Его основал мой супруг. Покойный. В Лондоне, в тысяча шестьсот восемьдесят пятом году. Он по молодости был весьма видным адвокатом и впоследствии помогал тем, кто в этом нуждался. Помогал решать правовые вопросы, да, однако прежде всего деятельность бюро «Герральд» связана с... изысканиями и открытиями, как вы метко выразились.

– О... – многозначительно протянул Мэтью, хотя понятия не имел, о чем речь.

– У нас теперь две конторы в Лондоне, одна в Эдинбурге, одна скоро откроется в Амстердаме, и мы хотим – я хочу – открыть еще одну контору в Нью-Йорке. У нас около дюжины агентов с различными специализациями в решении проблем. Большинство раньше занимались охраной правопорядка, но двоих мы наняли из противоположного лагеря. По мере роста городов растет и наше дело. Нечего и говорить, что я верю в Нью-Йорк. Подобно Бостону и Филадельфии, он вскорости станет одним из крупнейших городов страны. Поэтому для конторы мне бы хотелось найти подходящее место, где-нибудь в центре...

– Покорнейше прошу меня извинить, – сказал Мэтью, с озадаченным видом подаваясь вперед. – Не обессудьте, что перебиваю, но что значит «решение проблем»?

– Позвольте приведу пример. В апреле юный сын одного очень влиятельного банкира, не спросив разрешения у матери, подарил ее бриллиантовый браслет своей невесте, голландской актриске с сомнительной репутацией. Мать пожелала бриллианты вернуть, да вот беда: после премьеры актриски след простыл. Хуже того – она оказалась подругой одного преступного барона, чье имя превращало лондонских орлов закона в дрожащих голубков. Нам поручили найти и вернуть браслет, а заодно не позволить барону – ни сном ни духом не ведавшему о любовных похождениях подружки – зарубить ее топором (как он поступил с двумя своими предыдущими пассиями), поскольку юный сын по-прежнему хотел взять ее в жены. Проблему мы решили, но, увы, жених и невеста рассорились, выбирая столовый сервиз для нового дома; к тому же в Нидерландах как раз начинался новый театральный сезон.

– Стало быть, под проблемами вы понимаете... различные затруднения частного характера?

– Пропавшие документы, подделанные письма, кража денег и имущества, вопросы честности и верности как в браке, так и в делах, поиск исчезнувших людей, восстановление событий на месте преступления или несчастного случая, сопровождение важных персон и ценных предметов, ответы на любые вопросы об истинности или ложности различных явлений и фактов... и многое другое. – Миссис Герральд умолкла, давая Мэтью время осознать услышанное. – Кроме того, – продолжала она, – за нашей помощью нередко обращаются стражи порядка, когда желают пролить свет на опасные подробности жизни криминальных элементов и организаций, которым теперь несть числа и которые – учитывая людскую развращенность, жажду денег и власти – будут расти, как грибы после дождя. Хотелось бы также отметить, что мы занимаемся расследованием убийств и добились замечательных успехов в этой области. Есть ли у вас вопросы?

Мэтью потерял дар речи. Он и не догадывался о существовании таких бюро. Мысли о поступлении в университет на юридический вылетели у него из головы, точно старые неповоротливые гуси.

– Я... э-э... чего же вы хотите от меня?

– Полно, оставьте эти глупости! – добродушно выбрала его миссис Герральд. – И ложную скромность тоже оставьте. Вы на хорошем счету у Натаниела Пауэрса, иначе вас тут не было бы.

– Но... что же, вы меня собеседуете на должность? Я должен пройти испытание?

– Вы должны лишь сказать, интересно вам это или нет.

– Да! – почти сразу выпалил Мэтью. – Конечно интересно! Однако... что будет входить в мои обязанности?

– Изыскания и открытия, – ответила миссис Герральд. – Решение проблем. Вы должны быстро соображать и не мешкать в случае опасности. Порою рисковать жизнью или верить ее другим людям. Быть честным. Рассматривать любой вопрос или загадку, словно это... скажем, шахматная фигура – определять ее место в игре. Если вам интересно стать первым сотрудником бюро «Герральд» в Америке и получать за это очень неплохое жалованье, тогда вы в ближайшее время сделаете то, о чем я вас попрошу.

Мэтью слушал, однако сам ничего не говорил.

Миссис Герральд открыла черный портфель и достала оттуда белый конверт:

– Знаете ли вы имение Деконти?

– Знаю.

Имение находилось милях в восьми от города, на острове Манхэттен. Мэтью бывал там с Натаниелом Пауэрсом чуть меньше года назад, на приеме, который Август Деконти – владелец каменоломни и одной из крупнейших лесопилок колонии – устроил для городских служителей закона.

– Известно ли вам, что мистер Деконти в прошлом марте скончался? И что его вдова с дочкой переехали в Бостон?

– Известно.

– Также вы наверняка слышали, что новый владелец имения, недавно там поселившийся, – некий мистер Хадсон Грейтхаус, консультант по коммерческим вопросам?

– Нет, о нем я не слышал.

– Он не любит бывать в обществе. Сегодня вы с ним встретитесь и передадите ему это письмо. – Она вручила конверт Мэтью; первым же делом он перевернул его и увидел красную сургучную печать с оттиснутой на ней буквой «Г». – Открывать конверт вам нельзя. Если печать будет сорвана, это станет большим ударом по моему кошельку и репутации, а вы вернетесь на прежнюю работу к Натаниелу Пауэрсу.

– Могу я узнать, что внутри?

– Поправки к договору, требующие подписи. Возникли кое-какие трудности с учетом землевладений Деконти, и мы пытаемся внести ясность. Когда доставите бумаги мистеру Грейтхаусу, он должен подписать их в вашем присутствии. Затем верните их мне к семи часам вечера. Ах да... – Она сунула руку в портфель и без малейших колебаний дала ему еще один предмет. – Заведите их прямо сейчас. Часы на каминной полке показывают час сорок восемь.

На ладони Мэтью лежали сверкающие серебряные часы. Он открыл крышку и потрясенно уставился на изысканный белый циферблат, черные цифры и стрелки. Если каминные часы не ошибались – а дотошный мистер Винсент наверняка заводит их каждый час, – то и эти тоже шли правильно. И все же Мэтью очень бережно и медленно повернул заводную головку несколько раз, пока не ощутил сопротивление пружины.

– Можете вы сейчас раздобыть лошадь? – спросила миссис Герральд.

Он кивнул, не в силах отвести глаз от часов. Разве могло быть на свете другое такое серебро, что сияло бы столь же ярко, и столь же белый циферблат, и столь же тонкие римские цифры, будто высеченные пером самого императора?..

– Я еще здесь, – напомнила о себе миссис Герральд. – Посмотрите на меня!

Он посмотрел.

– Вам нужна лошадь. Вы умеете ездить верхом?

– Умею, да, мадам. – Если бы он к этому времени не выучился еще держаться в седле – после стольких разъездов по колонии с судьей Пауэрсом, – то пришлось бы ему довольствоваться самым жалким ослом из конюшни Тобиаса Вайнкупа.

– Все расходы записывайте на мой счет в этой гостинице. А теперь слушайте внимательно, Мэтью. Я даю вам шанс показать себя, проявить свою благонадежность. Содержимое данного конверта имеет финансовую ценность, однако вы лично никак не сможете им воспользоваться. Впрочем, некоторые люди могут – имея нужные ресурсы в разных неудобных местах. Подобные бумаги связаны с определенным риском. Вы это понимаете? – Она дождалась от Мэтью кивка и продолжала: – Имейте в виду, что работа посыльного – дело ответственное. Не медлите, не сходите с дороги, не пытайтесь помочь дамам, попавшим в беду, – подобными трюками издавна пользуются разбойники.

– Разбойники?.. – Сердце заколотилось у Мэтью в груди, желудок скрутило. Ему как-то не приходило в голову, что бумаги могут привлечь разбойников с большой дороги – или разбойниц, тут уж как повезет.

– У вас есть при себе пистолет? Или шпага?

– Нет, – слегка опешил Мэтью. – Я не умею пользоваться ни тем ни другим.

– Это мы исправим, если сегодня все пройдет гладко. Что ж, может, оно и к лучшему. Раз вы не умеете управляться с оружием, то и носить его при себе не стоит: захотите воспользоваться им, чего доброго, сами убьетесь. Просто будьте осторожны и, как я уже сказала, не останавливайтесь.

По тому, как смягчился тон миссис Герральд, Мэтью сообразил, что лицо его выражает неопишуемый ужас.

– Вы поймите, я просто такой подозрительный человек, мне в каждой затее мерещится злой умысел и за каждым углом – преступник. Если вас все-таки ограбят, знайте: в конверте не оригинал, а копия, однако на ней стоит чрезвычайно ценная подпись и печать Королевского ведомства земельных отношений. Безусловно, в случае чего можно будет сделать новую копию, а затем заверить ее подписью и печатью, однако на это уйдут месяцы. И все же рисковать жизнью из-за моих дел не нужно, оно того не стоит. Вы готовы отправиться в путь?

Он не ответил: язык не вполне его слушался.

Миссис Герральд сказала:

– Если вас тревожат недобрые предчувствия, можете вернуть мне конверт прямо сейчас. Я угощу вас ужином и бокалом вина в вашей любимой харчевне, и на этом мы разойдемся. Будем считать нашу встречу упражнением в словоблудии. Как вам такой расклад?

– Часы я должен буду вернуть? – только и сумел выдавить Мэтью.

– Да, и отполировать хорошенько.

Он встал, держа в одной руке часы, а в другой – опасный конверт.

– Я поеду.

Миссис Герральд не поднималась.

– Жду вас в семь, – твердо произнесла она.

Мэтью стал гадать, что будет, если его тело не найдут и до восьми. Однако он нашел в себе силы выпрямиться, сделать несколько шагов и покинуть гостиную.

– Погодите! Корбетт! Стойте! – прокричал ему вслед мистер Винсент, выбегая из-за конторки, но Мэтью решительно вышел за дверь.

Ведь теперь у него есть часы, и время не ждет.

Глава 10

Мэтью выдвинулся в путь на небольшой пегой кобылке по кличке Сьюви, которую он уже не раз брал в конюшне мистера Вайнкупа. Резвостью она не отличалась, зато нрав имела миролюбивый и ни разу еще за всю жизнь не сбросила с себя наездника (по крайней мере, так утверждал Вайнкуп, большой добряк и любитель выкурить трубочку). Итак, припрятав конверт с сургучной печатью во внутренний карман и застегнув его на пуговицу, Мэтью забрался в седло, сунул ноги в стремяна, взял поводья и поскакал по Бродвею на север, стараясь не наезжать на пешеходов, повозки, попрошайек, разносчиков с тележками, собак, гоняющих кошек, и кошек, гоняющих кур, и увертываясь заодно от летящего из окна содержимого ночных горшков и помойных ведер.

Он пожалел, что не захватил головной убор: в очередной раз с неба полил дождь, сменившийся тотчас ярким солнцем. Однако в гончарную мастерскую он решил не возвращаться, дабы поспеть к миссис Герральд вовремя.

Из конюшни Мэтью выехал около половины третьего. У него было важное дело в ратуше, да и у судьи Пауэrsa все же следовало отпроситься, пускай тот и освободил его от работы до конца дня. Впрочем, судьи на месте не оказалось, поэтому Мэтью оставил ему записку, закончил дело и поспешил вниз по лестнице, где наткнулся на поднимавшихся Лиллехорна и прокурора Байнса.

– А, здравствуй, Мэтью! – воскликнул Байнс, добродушный толстяк с румяным цветущим лицом и аккуратно подстриженной седой бородой. – Куда спешишь?

– Здравствуйте, сэр. Простите, я в самом деле опаздываю на важную встречу.

– Тогда я ненадолго. – Байнс положил ему на плечо свою мясистую ладонь; Лиллехорн хотел протиснуться мимо них, но не сумел. – Думал обсудить две вещи. Во-первых, все никак не поговорю с тобой насчет предложений, которые ты сделал на собрании. А предложения весьма дельные, и главный констебль наверняка их рассмотрит. Верно, Гарднер?

– Верно, сэр. – Лиллехорн неожиданно просиял. – Еще как рассмотрю! Самым внимательным образом.

– Прекрасно! – В обиходе главного прокурора то было единственное слово, которым он мог выразить наивысшую похвалу. Затем он помрачнел, и голос его, способный вызывать гром, молнии и прочие катаклизмы в зале суда, зазвучал едва ли не по-отечески: – Насчет минувшей ночи. Ты побывал на месте трагедии... Гарднер мне в красках описал все случившееся, да я и сам взглянул на тело. Эти порезы вокруг глаз... ужасно, правда?

– Да, сэр.

– Я так понимаю, наш чудака-печатник, незаконно проникнув в покойницкую, вновь употребил это слово?..

– Слово, сэр?

Мэтью, разумеется, отлично понял, что имел в виду прокурор, однако повторять оное слово не захотел. И потом, так ли уж «незаконно» Григсби проник в покойницкую? Не переписали ж они городской кодекс посреди ночи!

– Вы меня поняли. – Байнс слегка усилил хватку. – Мэтью, мы все на одной стороне. Братья по ремеслу, так сказать. Профессионалы. Ты не думай, мы этого убийцу поймем и накажем. Увы, ничего хорошего не будет, если Мармадюк Григсби примется трезвонить об этом... ну, ты понял... в своей газетенке. Придуманное им слово сеет тревогу, та в свою очередь порождает страх, а страх – панику. Глазом моргнуть не успеешь, как запуганные горожане уже не верят, что власти способны их защитить. Это нехорошо, да?

– Да. То есть нет... наверное.

– Не имею ничего против Григсби и его газеты. Пускай себе пишет про корабли и грузы, про дух и энергию Нью-Йорка, светскую жизнь и... что ж, даже про уличные потасовки, без каковых не обходится жизнь ни одного уважающего себя города. Ради бога. – Байнс умолк, из его светло-голубых глаз только что не летели молнии (в придачу к громоподобным раскатам, исторгавшимся горлом). – Однако мы не можем позволить – и не позволим – мистеру Григсби выдумывать всякие ужасы про душегуба, когда на самом деле мы столкнулись с обыкновенным безумцем, к тому же наверняка уже покинувшим город.

– Простите, сэр, – сказал Мэтью, – но эту версию выдвигали после убийства доктора Годвина, а теперь всем ясно, что город он не покинул.

– С чего вы взяли? Может, его уж след простыл! Я не утверждаю, что Григсби надо запретить вообще что-либо писать про убийство: я ведь не дурак и понимаю, что город и без того взволнован. Однако мы должны следить за общественным мнением, Мэтью. Ради блага горожан. Если Григсби сейчас поднимет шум, разве это поможет делу? Нисколько, верно?

Мэтью понятия не имел, надлежит ему согласиться или возразить.

– Я знаю, что точно поможет делу и горожанам, сэр. Решительное и тщательное расследование. Надо найти убийцу, прежде чем...

– Ш-ш-ш. – Байнс поднес к губам толстый палец. – Расследование ведется, не сомневайтесь. Мы найдем этого умалишенного, если ему не хватило ума бежать из Нью-Йорка.

Что-то в прокурорской песенке резало слух, но Мэтью решил не заострять на этом внимание. Он обратился к главному констеблю:

– У меня к вам вопрос, сэр. Удалось ли вам побеседовать с преподобным Уэйдом и доктором Вандерброкенем?

– Удалось, раз уж вам так надо знать.

– Можно узнать, чем они объяснили свое стремительное исчезновение с места событий?

Лиллехорн покосился на Байнса, словно бы говоря: «Видите, с какими дураками приходится иметь дело!» – и не без яда в голосе ответил:

– Достопочтенный священник торопился по церковным делам. А многоуважаемый доктор спешил к больному. Они, очевидно, шли по южной стороне улицы, когда услышали крик Филипа Кови – равно как вы услышали его с северной. Оба принесли глубочайшие извинения за то, что вынуждены были уйти, однако их ждали важные дела. Причем каждого – свое.

– Каждого – свое? – повторил Мэтью.

– Я же сказал! Вы туговаты на ухо? Слуховой рожок не дать?

– Прошу прощения, но вы уточнили, что были за церковные дела у преподобного Уэйда и кто именно ждал врача?

– Нет, я уважаю вышеупомянутых господ. Мне хватило и краткого объяснения, а учинять им допрос было бы невежливо, и даже грешно с моей стороны – в случае с преподобным Уэй-

дом. Довольно, Корбетт! – Лиллехорн вновь попробовал протиснуться мимо Байнса. – Идемте, сэр?

Байнс отпустил Мэтью. Страхнул незримую соринку с его плеча:

– Вы уж побеседуйте со своим приятелем, хорошо? Будьте другом и ему, и мне, договорились? – Он широко улыбнулся. – Прекрасно!

Двигаясь верхом на Сьюви по Бродвею – мимо гончарной мастерской к зеленому лесу за пределами города, – Мэтью все вертел в голове слова главного констебля. Преподобного Уэйда и доктора Вандерброкена якобы ждали дела, причем каждого – свое. Очень странно. Ведь он явственно слышал, как священник сказал: «Нам придется его оставить».

Неужто он ослышался или неверно истолковал эти слова? Или врач и священник торопились все же по некоему общему делу?

Докторский саквояж стоял на земле. Под плащом у Вандерброкена была ночная сорочка, что также говорило в пользу неотложности дела. Если двое шли куда-то вместе, почему они утаили это от Лиллехорна?

Безусловно, Лиллехорн мог и заговариваться. Вполне вероятно, что он неправильно их понял или как-нибудь невразумительно задал вопрос. И все же странно.

Серьезное ли это прегрешение для слуги Господа – солгать?

Мэтью пришлось вытряхнуть эти мысли из головы. Ведь какая, в сущности, разница? Ясно, что ни преподобный, ни врач не имеют никакого отношения к убийствам. Как сказал Лиллехорн, они шли по южной стороне улицы и услышали крик Кови, только и всего.

«Нам придется его оставить».

Что-то не складывается, подумал Мэтью. И это скверно, потому что теперь – для внесения ясности – придется идти самому разговаривать с преподобным Уэйдом и доктором Вандерброком.

Последние дома на окраине Нью-Йорка остались позади. По обе стороны дороги теперь тянулись фермерские поля и сады, каменные стены и пасущиеся стада. Мэтью миновал большую старую мельницу на вершине Коммон-Хилла, после чего выехал на Бостонский почтовый тракт, огибающий громадное и глубокое озеро Коллект-Понд. Справа спускался к самой реке густой лес.

Ливни, к счастью, немного прибили пыль на почтовом тракте, да и сама дорога была поприличней той, что вела из Чарльз-Тауна в Фаунт-Ройал. Однако и сей путь мог довести толкового инженера-строителя до трясушки. Мэтью подумалось, что хуже всего в колонии приходится возчикам, что катаются между Нью-Йорком и Бостоном, – эти ямы да колдобины из кого хочешь душу выбьют. Впрочем, дорога была довольно-таки укатанная, по ней ездили местные фермеры, жители крупных имений к северу от города и, разумеется, те, кто держал путь в Бостон, а также в Ист-Честер и Нью-Рошелл.

Кругом было множество холмов, а между возделанными полями тянулись длинные отрезки дикого леса. Здесь, как и в Каролинской колонии, над дорогой нависали кривые сучковатые ветви деревьев, которые были древними еще во времена Генри Гудзона. Нет-нет да и шуршали в кустах, завидев Сьюви и Мэтью, испуганные олени. Над болотами роились темные облака насекомых, журчали по гладким булыжникам прозрачные ручьи. Как и тогда, в Каролине, Мэтью не покидало ощущение, что за ним пристально наблюдают индейцы – хотя увидеть затаившегося в чаще индейца белому человеку не под силу. Набухли тучи, полил дождь, потом тучи разошлись, и яркое солнце хлынуло на дорогу сквозь тысячи зеленых листьев над его головой.

Мэтью пустил Сьюви шагом, намереваясь перейти на рысь чуть позднее. Оставалось еще около получаса до развилки и поворота на более узкую дорогу, отмеченную грудой белых камней и уходящую налево от Бостонского почтового тракта – к нескольким имениям, прежними или нынешними владельцами которых были голландцы. Вот тогда можно пустить Сьюви рысью

и минут за сорок одолеть последние четыре мили пути. Мэтью всегда дивился людям, которые по собственной воле уехали жить в такую глушь. Впрочем, некоторые предприятия, такие как каменоломня и лесопилка мистера Деконти, требовали много места и ресурсов. Где-то в этих краях, кажется, недавно появилось виноградарское хозяйство и винодельня, однако Мэтью их пока не видел. Безусловно, лишь бесстрашные и отважные люди могли жить здесь спокойно, не боясь, что на чай заглянут индейцы, но ведь и сам Нью-Йорк появился на свет трудами бесстрашных первопроходцев.

Солнце уже спускалось к горизонту: его лучи пробивались сквозь кроны деревьев не сверху, а чуть ниже. Дорога уходила вправо, огибая чащу. Птицы галдели громко и обнадеживающе, однако далеко на западе едва слышно рокотал гром. Время от времени Мэтью замечал среди деревьев зеленые утесы, взмывающие в сизую дымку. Мимолетные ливни мало его тревожили, а вот попасть в настоящую грозу не хотелось. Впрочем, даже промокни он насквозь, драгоценный конверт надежно спрятан и защищен.

Дорога теперь повернула налево и пошла в гору, а оттуда, шалунья эдакая, – вниз и снова направо. Одолев поворот, Мэтью увидел, что кроны дубов смыкаются над дорогой впереди, образуя зеленый свод наподобие храмового.

Теперь дорога шла строго вперед. Вот сейчас можно и рысью, решил Мэтью, однако не успел и опомниться, как справа из лесной чащи стрелой вылетели три перепелки, а следом за ними, ломая кусты, выскочил крупный гнедой конь с белой звездой во лбу.

Верхом на мускулистом животном скакал человек в черной треуголке с вороньим пером, заткнутым за алую ленту, в белой сорочке с оборками, темно-синем сюртуке и белых бриджах. Увы, то был не обыкновенный путник, выехавший на увеселительную верховую прогулку, ибо нижняя часть лица его была закрыта темно-синим платком, а в руке он держал пистолет с огромным дулом длиной почти в локоть. Дульное отверстие смотрело прямо на Мэтью, чье первое желание – вонзить пятки в бока Сьюви и ошпаренным чертом помчаться прочь – вылетело у него из головы быстрее вспугнутой перепелки.

– Придержи лошадь, – скомандовал разбойник, когда Сьюви вздрогнула и начала отступать в сторону.

Мэтью послушался и стиснул колени, одновременно слегка натягивая поводья. Сьюви тихонько заржала и зафыркала, но подчинилась наезднику. Разбойник приблизился, положив пистолет себе на колени. Сердце так колотилось у Мэтью в груди, что, казалось, дрожали даже уши.

– Спешивайся, не отпускай поводья, – последовал новый приказ.

Мэтью выполнил его не сразу – слишком был ошарашен внезапным нападением, – и тогда разбойник ткнул дулом ему в колено.

– Убивать я тебя не стану, молокосос, – низким и сирым голосом проговорил он, но не без учтивости, – а вот колено мигом отстрелю, если не будешь меня слушаться. Дорога эта оживленная, часа через три-четыре непременно какая-нибудь повозка мимо проедет.

Мэтью спешился, придерживая поводья.

Разбойник последовал его примеру и оказался широкоплечим верзилой ростом около шести футов трех дюймов. Из-под треуголки выглядывали седые волосы и часть морщинистого лица, переносица грозного носа и глубоко посаженные черные смоляные ямы глаз. Левую бровь цвета серого угля рассекал жуткого вида шрам.

– Что у тебя есть? – спросил он, прикладывая дуло к левому уху Мэтью.

– Ничего! – только и сумел выдавить тот, хотя понимал, что должен держаться смелее.

– И почему все так говорят? Впрочем, нет, не все. Иные, когда прострелишь им ухо, прямо умоляют взять их деньги. Ну, попробуешь ответить на мой вопрос еще раз?

– У меня есть немного денег.

– Ох-хо! Было ничего, а стало немного! Уже лучше. Глядишь, скоро ты у нас станешь богаче Мидаса. Ну и где твои жалкие гроши?

– В седельной сумке, – ответил Мэтью с большой неохотой, поскольку знал, что еще там лежит. В дуле пистолета, приставленном к его уху, казалось, шумело море.

– Открывай.

Разбойник взял Сьюви за поводья и отшагнул назад.

Мэтью сделал вид, что долго возится с кожаными ремнями, однако грабителю это не понравилось.

– Я так и так тебя обчищу – хорош канителиться!

Когда Мэтью наконец расстегнул сумку, разбойник велел ему сойти с дороги, залез рукой в сумку и вытащил оттуда кошелек, а с ним и... вот позор!.. подаренные два часа назад серебряные часы.

– Блестят! – заметил разбойник. – Очень славные, большое спасибо.

Отточенным и ловким движением он спрятал часы за пазуху, после чего развязал кошель, и на сей раз верхняя половина его лица грозно скривилась.

– Ты кем работаешь? Никак попрошайничаешь? Почему у тебя дорогие серебряные часы, а в кошельке ветер свистит?

– Так уж сложилось, – ответил Мэтью. – Часы не мои.

Разбойник смерил его равнодушным взглядом, заглянул напоследок в седельную сумку и с размаху шлепнул Сьюви по крупу, отчего та взвизгнула, как дитя, и диким галопом кинулась вперед, выпучив глаза и прижав уши к голове, – в сторону имения Деконти. Гнедой разбойничий конь при этом прыснул, и Мэтью явственно услышал в этом звуке злорадный смешок.

Мэтью медленно выпустил воздух, давно застрявший в легких. Он прекрасно понимал, что вновь очутился по самые уши в той же субстанции, куда его сунули лицом двое суток назад.

– Расстегивай сюртук, – прозвучала очередная команда.

Пальцы Мэтью инстинктивно взлетели к тому карману, где у него лежал конверт. Он поморщился и уронил руку – словно ее ожгло неземным пламенем.

– Расстегивай, я сказал.

Разбойник подошел к нему почти вплотную. Смоляные ямы глаз блеснули, и дуло пистолета легло на плечо.

– У меня больше ничего нет...

В следующий миг одна ручища схватила его за грудки, вторая – рванула сюртук в стороны, и тут же изнутри отлетела пуговица, а конверт был извлечен наружу быстрее, чем пуговица упала в траву. Разбойник поискал на одежде Мэтью еще карманы, но маленький кармашек жилета оказался пуст, равно как и карман бриджей. Тогда головорез сделал два шага назад, взглянул на конверт и повернул его сургучной печатью вверх.

– Послушайте, – едва ли не срывающимся голосом зататорил Мэтью, – вас это не касается! Это официальный документ, поправки к договору, вам от них никакого толку. Прошу вас, верните конверт и отпустите меня с ми...

Коварно ухмыляясь и глядя ему в глаза, разбойник сломал печать – кусочки красного сургуча брызнули в траву – и сделал еще шесть шагов назад. Дуло его пистолета по-прежнему смотрело на Мэтью. Разбойник извлек из конверта документ, развернул и какое-то время изучал. С обратной стороны пергамента ничего не было, а вот спереди, по всей видимости, обнаружилось нечто интересное, – Мэтью это понял по волчьей ухмылке бандита, различимой даже под платком.

– Надо же, какие тут подписи любопытные стоят! Знать, они придутся по вкусу моим бостонским друзьям-каллиграфам!

Мэтью прикрыл глаза ладонью. Затем ладонь медленно сползла на губы, а взгляд походил.

Разбойник смял конверт и бросил его на дорогу, а сам документ сложил и спрятал за пазуху:

– Благодарю вас, молодой человек. Вы изрядно скрасили хмурый день сему скромному путнику.

Он сунул пистолет в кобуру и, взявшись за поводья, легким и отточенным движением запрыгнул на пегого коня. На западе вновь зарокотал гром, и бандит наострил уши.

– Я бы на твоём месте долго тут не торчал, – посоветовал он. – Небезопасно это.

Он выехал на почтовый тракт и галопом поскакал в направлении Бостона. Мэтью бросил взгляд в ту сторону и подумал: надо же, два конских зада, один на другом.

Он прислушался к птичьему пению. Воздух был напоен теплом и ароматами прекраснейшего летнего дня.

Ну и денек, черт подери!

Спустя несколько мгновений он отер пот галстухом и уставился на смятый конверт. Поглядел на юго-запад, в сторону Нью-Йорка, и снова на конверт.

Хм, любопытно.

Конверт он подбирать не стал – что толку? Смятая бумажка теперь казалась ему трупом.

Мэтью повернул на северо-восток и пустился в путь – поначалу неспешно, затем все быстрее. Идти, конечно, далеко, и выматываться раньше времени не стоит, но и медлить нельзя. Быть может, он даже нагонит Сьюви, если та остановилась попастьись на какой-нибудь полянке.

Шагая по дороге, он не только смотрел вперед, но и назад тоже поглядывал – чтобы при необходимости в любой миг нырнуть в кусты.

Да, он шел один, однако собственное стремление к цели составило ему отличную компанию.

Глава 11

Предвечерние тени легли на Манхэттен, расписав лесистые холмы темно-зеленым и золотым.

Уставший, но по-прежнему не растерявший решимости, Мэтью одолел последнюю четверть мили по извилистой лесной дороге и наконец разглядел за деревьями невысокий каменный забор имения Деконти. Кованые ворота преграждали путь к дому, которого было не видно за густой листвой. Мэтью повел Сьюви с дороги в лес. Какое счастье, что она пробежала каких-то полмили и остановилась поесть яблок в саду! И что после столь грубого обращения – шлепка по крупу – все же милостиво согласилась принять наездника.

Что ж, пора кое с кем по квитаться.

Мэтью тихо сказал: «Тпру, девочка!» – и натянул поводья. Затем спешился и повел лошадь вглубь леса, где ее никто не заметит с дороги. Там он накрепко привязал ее к дереву, угостил яблочком из седельной сумки и двинулся дальше.

Ворота лучше обойти стороной, решил он. Все равно они наверняка заперты; надо поискать другой способ пробраться в имение. Мэтью пошел вдоль стены, памятуя, что дом стоит вдали от дороги и окружен садом с тюльпанами – детищем и гордостью миссис Деконти.

Спустя несколько минут он перелез через стену, помяв свой лучший сюртук, и спрыгнул в тщательно подстриженные кусты. Присев на корточки, Мэтью подумал, что если владения мистера Хадсона Грейтхауса охраняет какой-нибудь мастиф или волкодав, то измятым сюртуком не отделаешься... Впрочем, никакого звериного рыка или лая не последовало, никто не примчался отгрызать ему голову, поэтому Мэтью встал и – тихонько, крадучись – пошел по зеленому раю, где бабочки порхали среди цветочных морей и гравийная дорожка вела к каменному колодцу. Поразительно ухоженное имение, подумал Мэтью, а потом заметил на холме четырех пасущихся овец. Ах вот почему трава такая невысокая!

Поднявшись мимо овец еще выше, Мэтью увидел, что отходящая от основной дороги тропинка ведет к дому, стоявшему в окружении громадных дубов. Дальняя сторона дома, насколько он помнил, выходила на реку. Сам двухэтажный особняк – судя по стенам из темно-коричневого и бежевого камня и кровле из серого сланца – явно был построен зажиточным хозяином каменоломни. Крышу венчал коричневый купол с медным флюгером в виде петуха. Входная дверь представляла собой глыбу из толстой цельной доски чайного цвета, а дверной молоток был размером с кулак того верзилы-разбойника.

Мэтью вспомнил, что за домом есть амбар и каретный двор, а вдоль реки имеется еще один сад, где в минувшем году проходил торжественный прием. На ту сторону выходили также высокие стеклянные двери кабинета мистера Деконти, где он пространно рассказывал всем желающим о различных сортах древесины. Оный зал просвещения и стал теперь предметом интереса Мэтью. Обходя дом, он услышал отдаленный металлический лязг: кто-то открыл ворота.

Так, надо торопиться. Мэтью быстро миновал коновязь в тени заросшего зеленым мхом дуба и сделал себе мысленную заметку: если впредь ему предстоят подобные вылазки, надо обзавестись обувью покрепче. Каблуки и подошвы его нынешних ботинок стерлись почти до дыр.

Внизу, у подножия довольно высокого холма, мерцала речная гладь, за которой расстился бескрайний лес. Мэтью обнаружил те самые двойные двери кабинета. Они были закрыты, да. Но не заперты на замок. Медные ручки легко поддались. Вход оказался задернут тяжелыми бордовыми портьерами, сквозь которые ничего было не разглядеть. Мэтью оставалось лишь надеяться, что в кабинете никого нет. Он раздвинул портьеры, вошел в пустую комнату и тихонько затворил за собой двери.

Внутри, вдоль обшитых темным деревом стен, стояли книжные шкафы, письменный стол с перьями и чернильницей, подле – стул и еще два стула в сторонке. На спинке одного из них висела в кожаных ножнах шпага с белой костяной рукоятью, металлической гардой и навершием без намека на резьбу или иные украшения. Оружие для дела, а не для пустых угроз, подумал Мэтью. На крючке в дальнем конце комнаты, рядом с закрытой дверью, висел мужской плащ.

Тут из-за двери раздались голоса, и Мэтью счел разумным спрятаться за шторы и стоять там настолько тихо, насколько позволят рассудок и нервы.

– ...Даже досадно, право, – сказал приглушенный мужской голос. – Он так легко с ним расстался! – Тут дверь открыли, и голос зазвучал отчетливо: – Практически сам указал, куда его спрятал.

– Это как же? – спросила женщина, вошедшая в кабинет следом за мужчиной.

Мэтью не сумел сдержать легкой улыбки. Похоже, миссис Герральд и сама не поспеет в гостиницу к семи часам.

– Дотронулся до кармана сюртука, – ответил разбойник, чей голос теперь звучал совсем не по-разбойничьи. Скорее, так мог говорить английский аристократ. – Снаружи, вот так. – Он изобразил упомянутое движение. – А стоило мне взять конверт в руки, как он тут же выдал, что именно лежит внутри. Начисто лишился самообладания.

У Мэтью едва не вырвалось: «Это лучше, чем лишиться коленной чашечки», однако в последний миг сделал выбор в пользу более эффектного выхода. Он распахнул шторы, шагнул вперед, и... тут почти одновременно случилось две вещи.

Миссис Герральд, снявшая к тому времени шляпку-амазонку, испуганно вскрикнула. А предполагаемый бандит – такой же высоченный, даром что без разбойничьего костюма, – с нечеловеческой скоростью метнулся к шпаге. Зашипели ножны, выплевывая стальной клинок, дугой мелькнуло по стенам отраженное от металла солнце, и почти сразу Мэтью почувствовал

у себя на горле – в том самом месте, где ощущалось биение жизни, – острое тридцатидюймовой шпаги.

Он окаменел. Человек со шпагой тоже превратился в статую, равно как и миссис Герральд, однако острое клинка не дрогнуло ни на волосок.

– Сдаюсь! – выдавил Мэтью, медленно поднимая руки.

– Господи! – прогремел хозяин дома так, что задрожали стекла в дверях. – Вы с ума сошли? Я едва не проткнул вам шею!

– Сердечно благодарю вас за промедление. – Мэтью хотел сглотнуть слюну, но понял, что это не сулит ничего хорошего его кадыку. – У меня письмо для мистера Хадсона Грейтхауса.

– Письмо? Да вы...

– Мистер Грейтхаус, – тихо произнесла миссис Герральд. – Пожалуйста, уберите клинок от горла нашего посыльного.

Она была еще бледна, однако в глаза уже вернулся озорной огонек: что бы там ни рассказывал ей Грейтхаус, она раскусила трюк Мэтью.

Хозяин дома опустил шпагу, однако не спешил прятать ее в ножны. Мэтью принял это за комплимент. На суровом и морщинистом лице Грейтхауса с крючковатым носом застыло недоуменное и растерянное выражение, каковое порой искажает лица пассажиров, сходящих с борта корабля на твердую землю после полугодового путешествия по морю.

– Позвольте вручить вам конверт? – спросил Мэтью.

– Да я уже его взял! – прорычал Грейтхаус.

– Да, сэр, но... нет, сэр. То была подделка. – Мэтью скинул сюртук, сунул руку за спину под жилет и вытащил из-за пояса бриджей требуемый конверт. – Прошу меня извинить, он слегка влажный от пота.

Грейтхаус повертел конверт в руках и увидел нетронутую сургучную печать с оттиснутой буквой «Г».

– Не может быть! Я своими руками взломал печать, когда выудил конверт у него из кармана!

– Верно, сэр, печать вы взломали. Оттенок красного у этого сургуча на пару тонов светлее, чем у того, которым пользуются в конторе мирового судьи Пауэрса, куда я заглянул, прежде чем отправиться в путь. Но я рассудил, что это не имеет большого значения. Полагаю, миссис Герральд, что вы покупаете конверты там же, где ратуша, – то есть в канцелярской лавке мистера Эллери на Куин-стрит. А даже если нет, конверты практически одного размера. – Он перевел взгляд с миссис Герральд на Хадсона Грейтхауса и обратно. – Разумеется, подделать оригинальную печать я не мог, – сказал Мэтью, смакуя их молчание. – Поэтому мне пришлось слегка отвлечь мистера Грейтхауса, когда он изучал конверт, – не позволить ему рассмотреть печать как следует. Впрочем, даже если бы он увидел, что там нет буквы «Г», и выразил бы свое недовольство, этим бы он сразу выдал ваш замысел – еще прежде, чем якобы разглядел подписи важных лиц на совершенно чистом листе.

– Неужели? – Глаза миссис Герральд вспыхнули: она явно получала большое удовольствие от происходящего.

– Да, мадам. Пусть он и сделал шесть шагов назад, дабы я не увидел чистого листа, я уже и без того знал, что он чист.

Когда «разбойник» увидел «подписи» и похвастался «друзьями-каллиграфами из Бостона», Мэтью стало так смешно, что ему пришлось прикрыть ладонью ехидную улыбку. Это ж каким каллиграфом надо быть, чтобы подделать несуществующую подпись!

– А как вы поняли, что я не настоящий разбойник? – спросил Грейтхаус. – Откуда вы знали, что я не пробью вам башку, обнаружив в конверте чистый лист?

Мэтью пожал плечами:

– Я этого не знал. Но вы уже отобрали у меня кошелек и часы – с чего бы вам яриться из-за каких-то документов?

Миссис Герральд кивнула:

– Стало быть, вы подготовились заранее – нашли конверт и запечатали его сургучом. Умно! Затем направили вора по ложному следу, дотронувшись до кармана. Тоже умно! А мистеру Грейтхаусу, конечно, следовало разгадать ваш приемчик, он ведь стар как мир. Скажете нам еще что-нибудь?

– Да, мадам. Я сразу понял, что вы скоро прибудете в имение. Мистер Грейтхаус бросил смятый конверт на дорогу – то был сигнал для вас на тот случай, если я забреду слишком далеко в поисках лошади и разминусь с вами.

– Верно. Все верно. Но у нас осталось одно важное дело, молодой человек. Мистер Грейтхаус, будьте так добры, откройте доставленный вам конверт.

Он взломал печать и открыл конверт. В уголках его рта заиграла улыбка.

– А! Смотрю, дополнения к договору подоспели.

Он поднял официальный документ, написанный широким размашистым почерком и заверенный полудюжиной жирных подписей.

– Да, они пришли за два часа до нашей встречи с мистером Корбеттом, – сказала миссис Герральд, по-прежнему обращаясь к Грейтхаусу. – Я, к сожалению, не успела сообщить вам, что нашему посыльному будет поручено доставить в целости и сохранности настоящий – и весьма ценный – документ.

Мэтью опустил взгляд на дубовые половицы, вдруг ощутив во рту кисловатый привкус пирога с треской из «Золотого компаса».

– Что ж, подпишу его прямо сейчас.

Миссис Герральд взяла пергамент, села за стол, макнула перо в чернильницу и поставила внизу страницы свою величавую подпись.

– Так дом ваш?.. – спросил Мэтью.

– Да. Осталось несколько вопросов о земельных владениях, но все они будут улажены, как только этот документ доберется до Лондона. – Она улыбнулась. – На почту я его отнесу сама.

– Ну, ты меня раздела, юнец! – взревел Грейтхаус и отвесил Мэтью такой могучий шлепок по спине, что тот едва не вылетел кувырком в сад. Он широко улыбался, – казалось, его квадратные белоснежные зубы были вытесаны на этой самой каменоломне. – Молодчина!

Через некоторое время Мэтью наконец отдышался и обрел дар речи:

– Простите, миссис Герральд, но... ваш план заключался в том, чтобы меня подстергли на дороге и отобрали конверт. Позвольте узнать, с какой целью?

Пару мгновений она молчала, складывая пергамент, а затем подняла глаза, в которых Мэтью увидел одобрение совсем иного рода... Прямо-таки уважение.

– Ваше прошлое мне известно – Натаниел Пауэрс все мне рассказал. Я также знаю, что двигало вами в Фаунт-Ройале, и ваше стремление к успеху для меня не секрет. Однако я не знала, как вы справляетесь с неудачами. – Она встала напротив и посмотрела ему в глаза. – Как сотрудник бюро «Герральд», вы, разумеется, будете всеми силами стремиться к победе. Однако порой вам придется терпеть поражение – ничего не поделаешь, такова природа вещей и правда жизни. Что же вы станете делать, когда найдете лошадь, – поворотите назад или двинетесь вперед? Вот что мне важно было узнать. Добро пожаловать в бюро! – Миссис Герральд протянула ему руку.

Мэтью осознал, что стоит на важном распутье и должен как следует обдумать свои дальнейшие действия. Одно дело, если бы ему и дальше пришлось иметь дело с рязеными разбойниками. Но ведь совершенно ясно, что давешнее происшествие на дороге – пустяк и служба ему предстоит крайне опасная. Впрочем, это шанс найти применение своему уму и чутью,

продвинуться в том, ради чего судья Вудворд вызволил его из приюта, добиться успеха в этом беспутном и мятежном мире... Разве не стоит хотя бы попытаться?

Стоит, решил он, хотя на самом деле знал это уже тогда, когда выезжал на почтовый тракт. Конечно стоит.

Он пожал руку миссис Герральд и тут же получил очередной хлопок по спине от Хадсона Грейтхауса. Еще одно такое поздравление, подумал Мэтью, и поздравлять станет некого.

– Вы остаетесь на ужин, – объявила миссис Герральд. – Мистер Грейтхаус приготовит свое знаменитое ирландское рагу с говядиной, тушенной в эле. Сдается, ваша лошадь привязана где-то неподалеку, так что предлагаю вам привести ее сюда, поставить в стойло и задать ей корм. Ключи от ворот висят на крючке рядом с входной дверью. – Она махнула рукой. – Ну, ступайте!

Грозовые тучи все росли и толстели по мере того, как сгущались сумерки, и наконец озорные летние ливни сменились настоящим затяжным дождем. В столовой дома миссис Герральд горели свечи, а дождь все хлестал в окна. Мэтью сидел за лакированным столом орехового дерева. До него понемногу доходило, что рагу Грейтхауса знаменито не столько говядиной, сколько элем, который наливали в котел целыми кувшинами. Мэтью не стал налегать на еду, миссис Герральд съела и того меньше, зато мистер Грейтхаус запил свой тушеный эль еще кружечкой эля и при этом ничуть не опьянел – разве что говорил теперь громче, вознамерившись, как видно, заполнить своим голосом весь дом.

Никто не сказал ему этого прямо, однако Мэтью, прислушиваясь к беседе миссис Герральд и Грейтхауса – о состоянии города, новом губернаторе, главном констебле и прочих подобных вещах, – пришел к выводу, что их связывают не только профессиональные отношения. Она – не просто его начальница. Не то чтобы тут имеет место личная связь, скорее... Какое бы слово выбрать? Духовные устремления? Общая цель? Безусловно, они друг друга уважают, это совершенно ясно по их ответам и используемым оборотам речи, но есть еще что-то сверх уважения. Мэтью подумалось, что Грейтхаус – правая рука миссис Герральд, а может, и второй человек во всем бюро. В любом случае она очень внимательно его слушала, он отвечал ей тем же, и профессиональная любезность тут была ни при чем, скорее – глубокое единение родственных душ.

Пока Грейтхаус хлебал эль и рассказывал о том, как они с миссис Герральд пытаются выбрать помещение для будущей конторы – подходящие места нашлись на Стоун-стрит и Нью-стрит, – Мэтью внимательно разглядывал его и гадал, чем он живет, какова его история. Закатанные до локтей рукава белой сорочки, густые седые волосы, заплетенные в косичку и перевязанные черной лентой... Грейтхаус вполне мог сойти за директора школы, излагающего законы геометрии. Однако слышалось в его голосе что-то военное; уверенность и безотлагательность, необходимые для командования войсками. Габариты его и поразительная ловкость также свидетельствовали об активном образе жизни, как и рваный шрам на левой брови и прекрасное владение шпагой. И еще одна примета говорила в пользу того, что Грейтхаус привык орудовать клинком: правое его предплечье было толще и мускулистее левого.

Он производил впечатление человека, который хочет казаться грубее и неотесаннее, чем есть, решил Мэтью. Порой Грейтхаус уже тянулся за салфеткой, но вовремя себя одергивал, а в пылу разговора, забывшись, все же отирал рот. Человек с прекрасным воспитанием и манерами зачем-то играл роль простака. Мэтью пришло в голову, что он вырос в богатой аристократической семье, но по какой-то причине чувствовал себя уютнее при свечах попроще. Он, кажется, был немного моложе миссис Герральд – Мэтью дал бы ему лет сорок пять или чуть более.

Уж что-что, а вести беседу он умел.

– Вы знали, – сказал он, – что мы находимся недалеко от того самого места, где остров получил свое название? Первые поселенцы привезли индейцам несколько бочек бренди, и те устроили ритуальный пир, превратившийся в попойку. Когда поселенцы спросили аборигенов,

как называется сей остров, те с ходу придумали название: Манахактантенк. На их наречии это означало «остров, где все напились». – Грейтхаус поднял в воздух кружку. – За Манахактантенк! – возгласил он и залпом допил эль.

Ближе к концу ужина, когда на улице стояла полная темнота, а дождь по-прежнему барабанил в окна, миссис Герральд сказала:

– Мэтью, я хочу узнать ваше мнение по одному вопросу. Я на минутку отлучусь.

Она встала – оба джентльмена тоже, разумеется, поднялись – и ненадолго вышла из комнаты. А вернулась, к вящему удивлению Мэтью, с предметом до боли ему знакомым.

Она вновь села и положила перед собой номер – один из первых экземпляров, скверно напечатанный и смазанный, но все же читаемый, – газеты «Клоп».

– Меня очень заинтересовало это издание. Хотела спросить, не знаете ли вы имя печатника.

– Знаю. Его зовут Мармадюк Григсби. К слову, я помогал ему с набором и печатью.

– Да вы, я смотрю, прямо мастер на все руки, – сказал Грейтхаус, принимаясь за очередную порцию знаменитого рагу.

– Нет, я просто решил помочь другу. А в чем дело?

– Мне надо знать, сколько экземпляров он может напечатать и когда выйдет следующий номер. Вы в курсе?

– Кажется, у этого номера тираж был триста экземпляров. – О да, многострадальные мышцы его плеча запомнили каждую из шестисот страниц, ведь для печати каждой стороны ему приходилось давить на рычаг изо всех сил и удерживать пресс в таком состоянии целых пятнадцать секунд. – Мистер Григсби собирался напечатать следующий номер в течение нескольких дней, если получится.

– Хотя мы еще находимся в поисках помещения, я думаю попросить вашего друга напечатать заметку о нас. Ничего эдакого. Просто упомянуть, что скоро состоится открытие бюро «Герральд» и что наша специализация – поиск... – она помедлила, – того, что пропало. И поиск ответов на щекотливые вопросы.

– Хотел бы я увидеть реакцию людей на такую заметку! – воскликнул Грейтхаус, громадной ручищей прижимая к уголкам губ салфетку. – Фермер Джонс желает узнать, почему его дочь Лови приходит к ужину с сеном в волосах.

– Надо же с чего-то начинать, – пожав плечами, ответила миссис Герральд. – Верно? – Этот вопрос был адресован Мэтью.

– Верно, – кивнул он, – но я в самом деле удивлен, что вы выбрали для открытия конторы это место и это время. Понимаю, через Нью-Йорк проходит немало ценных грузов и здесь останавливаются пассажиры с ценным багажом. Однако Нью-Йорк – далеко не Лондон. Могу вас заверить, что здешней судебной системе пока удастся держать преступный мир в узде. – Он поймал себя на том, что вторит главному констеблю Лиллехорну. – Почему Нью-Йорк?

Миссис Герральд посмотрела ему прямо в глаза. Мэтью стало немного не по себе: в ровном свете десятка свечей она излучала почти сверхъестественные для женщины безмятежность и целеустремленность. Интересно, окружение королевы Анны ощущает на себе такие же волны хладнокровной решимости, какие исходят сейчас от Кэтрин Герральд? Мэтью даже пришлось немного отпрянуть, словно его ткнули кулаком в грудь.

– Ну, вы сами напросились. – Грейтхаус встал. – Хотите вина?

– Нет, спасибо.

– А я себе плесну, пожалуй. Вы разговаривайте, не ждите меня.

Он потопал в чулан, находившийся в дальней части дома.

Не сводя глаз с Мэтью, миссис Герральд произнесла:

– Мэтью, Нью-Йорк – наш город.

– Да, мадам, мы в нем живем.

– Нет, я не в том смысле. Это город, который нам нужен. Я слежу за всеми колониями. Городов здесь немало – в Массачусетсе, Пенсильвании, в Виргинии и Каролине. Я ознакомилась со множеством донесений, приходящих из Нового Света в Старый. Данные переписей. Портовые журналы. Документы о кредитах и платежах, над которыми так трясутся все королевские счетоводы. У меня есть друзья как в верхах, так и в низах, Мэтью, и все они говорят то, что ясно и так: Нью-Йорк – наш город.

– Простите, мадам, но я не вполне слежу за ходом вашей мысли.

– Будущее здесь, – терпеливо ответила миссис Герральд. – В Нью-Йорке. Прошу понять меня правильно, Бостон, несомненно, тоже станет великим городом, равно как и Филадельфия. Даже, вероятно, Нью-Рошелл и Оринджберг. Но я смотрю на Нью-Йорк и вижу город, которому не будет равных на всем побережье. Бостон растет не по дням, а по часам, это правда, однако климат там более суровый и всем до сих пор заправляют пуритане. Филадельфия вполне может стать международным портом, но тамошнее Свободное торговое общество уже двадцать лет как обанкротилось и никакой ясности до сих пор нет. Голландцы создали в Нью-Йорке организованную систему международной торговли, и мы, англичане, ее переняли. Мне кажется, голландцы были даже рады избавиться от колонии. Они по-прежнему могут вести здесь дела и зарабатывать деньги, а не тратить их на содержание колонии.

– Понимаю, – сказал Мэтью, хотя сам все еще ждал пояснений.

И миссис Герральд их предоставила:

– Нью-Йорк станет деловым центром всех английских колоний. Да, сейчас тут смотреть особо не на что, хотя город, несомненно, обладает своим... шармом. Но я убеждена, что через десять, двадцать или тридцать лет... рано или поздно – этот город сможет тягаться с самим Лондоном.

– Тягаться с Лондоном! – Мэтью едва не прыснул со смеху, но все же сумел удержаться. – Согласен, потенциал у нас есть, но Нью-Йорку еще очень далеко до Лондона. Половину улиц до сих пор не замостили!

– Я не утверждаю, что это произойдет в ближайшее время. Лондон был основан на заре времен, если верить балладам, что распевают на Голден-лейн. Однако час Нью-Йорка когда-нибудь настанет, помяните мое слово. Люди будут сколачивать и терять здесь целые состояния, даром что под ногами грязь.

Мэтью задумчиво кивнул.

– Мне отраднее слышать, что вы так верите в будущее города. Значит, потому вы и решили открыть здесь контору?

– Не только поэтому. Если мне путем нехитрых изысканий удалось прийти к такому выводу, значит найдутся и другие.

– Другие?

Миссис Герральд на мгновение замолчала. Она взяла вилку и медленно помешала варево в своей миске, как бы нащупывая метрштоком дно болота.

– Уверю тебя, Мэтью, преступный мир не только Англии, но и всей Европы уже давно поглядывает в эту сторону и чует: здесь есть чем поживиться. Похитители, фальшивомонетчики, грабители, наемные убийцы – все любители легкой и противозаконной наживы рано или поздно потянутся сюда, я даже могу тебе назвать их поименно. Но меня беспокоят не сами эти мелкие злоумышленники, а главари процветающего подполья. Те, кто всем верховодит. Очень могущественные и очень опасные люди, которые в этот самый момент сидят за столом, точно как мы, только ножи они занесли над картой Нового Света и аппетит у них зверский.

Она перестала мешать рагу и вновь посмотрела Мэтью в глаза:

– Вот ты говоришь, что преступный мир пока удастся держать в узде. Но то день сегодняшней. А сколько впереди дней завтрашних? Если мы не успеем подготовиться к будущему заранее, Мэтью, его у нас отнимут те, кто успел. – Она приподняла брови. – От тебя наверняка

не ушел тот факт, что в Нью-Йорке присутствует определенный элемент... положим, зла? Этот «Масочник», как его назвал мистер Григсби. В Бостоне и Филадельфии тоже есть несколько нераскрытых убийств, и вряд ли они когда-нибудь будут раскрыты. О да, Мэтью, зло уже проникло в Новый Свет. И оно будет процветать, если его не сдержит мощная и хорошо организованная система охраны порядка. А такой системы здесь пока нет.

Грейтхаус вернулся за стол с полным до краев бокалом вина:

– Неужто я пропустил всю проповедь?

– Успел как раз на «аминь», – ответила миссис Герральд. – Надеюсь, я не слишком напугала нашего юного сотрудника.

– Да, бывали и такие, кто после твоих речей давал деру. – Грейтхаус уселся за стол. – Ну, что скажешь, Мэтью? Ты в игре?

Пришло время задать бестактный вопрос, обойтись без которого было никак нельзя.

– Сколько мне будут платить?

– А! – усмехнулся Грейтхаус и поднял свой бокал. – Вот это я понимаю! Правильный настрой.

– Мы это еще обсудим, – ответила миссис Герральд. – В любом случае столько вы еще нигде и никогда не получали. Заработок ваш будет расти по мере того, как вы будете получать новый опыт и обучаться.

– Обучаться? Чему?

– А вот и подвох, – вставил Грейтхаус.

– Сейчас вы младший сотрудник бюро, но когда-нибудь, со временем, станете полноправным, – последовал ответ. – Не волнуйтесь, никаких непосильных задач перед вами ставить не будут, обещаю.

Мэтью слегка насторожился – что еще за обучение? – но решил, что речь, вероятно, об освоении новых языков и развитии логики и дедукции путем чтения соответствующей литературы. Грейтхаус, впрочем, увидел его замешательство и сказал:

– Знаешь, как говорят лондонские портовые грузчики? «Из-за мелких грузов не гоношись. А грузы все мелкие, какой ни возьми».

– Полагаю, грузы бывают разные, одни поменьше, другие побольше, но в общем и целом мне близка эта философия, – с легкой улыбкой сказала миссис Герральд. – Вы нам нужны, Мэтью. И оплата труда, и сам труд будут достойные, не сомневайтесь. Вероятно, вам также придется много путешествовать и не понаслышке узнать о превратностях жизни и изворотливости криминального ума. Я вас напугала?

– Нет, мадам, – решительно и быстро ответил Мэтью. – Ни в коей мере.

– Это я и хотела услышать. – Она выглянула в окно и увидела сверкнувшую над городом молнию. – Не следует вам в столь поздний час и в такую погоду пускаться в путь. Если согласитесь остаться, вам приготовят спальню на первом этаже. Встанете на рассвете и поедете.

Мэтью рассудил, что так будет разумнее всего, и поблагодарил миссис Герральд за гостеприимство. Вечер на этом не закончился: Грейтхаус принес шахматы, расставил их на доске и предложил Мэтью поиграть, потягивая при этом уже второй бокал вина. Впрочем, несмотря на количество выпитого спиртного, он оказался отнюдь не беззащитной жертвой и успел доставить Мэтью немало неприятностей своими конями, прежде чем тот разгромил его армию ферзем и слоном.

После второй партии – в которой Мэтью с самого начала принялся хладнокровно рубить его фигуры направо и налево, пока не загнал несчастного короля в угол, точно крысу, – Грейтхаус зевнул и потянулся, хрустя косточками. Затем он пожелал всем спокойной ночи и отправился спать к себе – в каретный двор.

Миссис Герральд ушла отдыхать еще в начале второй партии, поэтому Мэтью спустился в небольшую, но удобную спальню на первом этаже, разоблачился и накинул приготовленную

для него ночную сорочку. Затем умылся над тазом, почистил зубы щеткой и мятным зубным порошком, задул свечу и лег в постель. Над Манхэттеном по-прежнему гремел гром и полыхали молнии.

Ему предстояло многое обдумать. Спокойно и обстоятельно. Минуты три Мэтью размышлял о застольной «проповеди» миссис Герральд, однако вскоре усталость его сморила, и мысли исчезли так же быстро и окончательно, как пламя погасшей свечи.

Посему очнулся он с некоторой растерянностью и разбитостью. Кто-то тянул его за рукав и светил ему фонарем в лицо. Дождь все еще барабанил в окна. Мэтью сел, щурясь на яркий свет, – казалось, будто в глаза светило полуденное солнце.

– Вставай и одевайся, – скомандовал стоявший у кровати Хадсон Грейтхаус деловитым и по-воскресному трезвым голосом. – Обучение начинается прямо сейчас.

Глава 12

Хадсон Грейтхаус повел Мэтью сквозь моросящий дождь к каретному двору из коричневого камня, в окнах которого горел свет. Судя по жуткой усталости и тяжести в руках и ногах, поспать ему дали не больше двух часов. Грейтхаус освещал путь фонарем. Наконец они вошли в открытую дверь и оказались в помещении с земляным полом, на котором по кругу было расставлено еще восемь фонарей.

Грейтхаус закрыл дверь и, к некоторому беспокойству Мэтью, задвинул засов. Карет во дворе никаких не было, зато была лестница наверх, где, по всей видимости, и обитал Грейтхаус. Он повесил свой фонарь на крюк в стене, и в этот миг Мэтью заметил отблески желтого света на рукоятках и гардах четырех шпаг в ножнах, уложенных горизонтально на крючки. Шпагами арсенал Грейтхауса не ограничивался: Мэтью увидел два пистолета, три кинжала и – подумать только! – здоровенную прашу.

– Миссис Герральд мне сообщила, что ты ничего не понимаешь в шпагах и пистолетах. Это верно?

– Да, сэр. То есть... верно. – Мэтью неудержимо хотелось зевать, пока он не увидел оружие. Теперь же сон сняло как рукой.

– Стало быть, ты шпаги и в руках не держал?

– Нет. То есть... – Однажды ему довелось взять в руки шпагу в тюремной камере Фаунт-Ройала, но, скорее, чтобы избавиться от нее, нежели чтобы ею воспользоваться. Вряд ли это стоит даже упоминать. – Мальчишкой... то есть в детстве... я состоял в портовой шайке обворованцев. То была, конечно, не настоящая шайка, а так... горстка сирот. Я и сам сирота.

– Ты это сейчас к чему рассказал?

– К тому, что мы дрались на палках. Будто на шпагах. Ну, понарошку.

– И что, ты кого-нибудь убил такой палкой?

Грейтхаус подошел вплотную и навис над ним, точно великан. Причем с каждой секундой он и его тень на стене будто увеличивались в размерах – по крайней мере, в глазах Мэтью.

– Нет, сэр.

– А вообще, убивать приходилось?

– Нет, сэр.

– Драться умеешь? Врукопашную?

– Я... с мальчишками-то мы, конечно, дрались. Но то было очень давно, я теперь другой человек. Полностью изменился.

– Этот навык следовало сберечь.

Грейтхаус осмотрел Мэтью с ног до головы – словно впервые видел. Лицо его в свете фонаря казалось надменным и презрительным. Он либо обладал сверхъестественной способ-

ностью моментально выводить алкоголь из организма, либо просто мог осушить бочку эля и глазом не моргнуть.

– Больно ты малахольный, – сказал Грейтхаус, обходя Мэтью по кругу. – Прозрачный, как вода, и бледный, как лунный свет. На солнце и свежем воздухе не работаешь?

– Моя работа предполагает... умственный труд, сэр.

– Вот в этом беда современной молодежи. Сидите целыми днями на пятой точке и называете это трудом. Значит, умником себя считаешь? В шахматы играть ты и впрямь мастак... Так вот я тебе скажу, что это все тлен. Ты гниешь изнутри. Уже больше на привидение похож, чем на человека. Откуда у тебя этот шрам? Об шахматную доску головушкой приложился?

– Нет, сэр, – ответил Мэтью. – Я... с медведем схватился.

Грейтхаус замер на месте.

– Позвольте узнать, – выдавил Мэтью, – откуда ваш шрам?

– А это мне третья по счету жена разбитую чашку в голову метнула.

– О...

– Вопросы тут задаешь не ты! – рявкнул Грейтхаус. – Вопросы задаю я, понял?

– Да, сэр.

Какое-то время он продолжал нарезать круги возле Мэтью, затем остановился прямо напротив.

– Я тебе лучше другой шрам покажу, глянь-ка. – Он расстегнул сорочку с рюшами и продемонстрировал Мэтью поистине безобразный коричневый шрам от левой ключицы до центра груди. – Это меня кинжалом ткнули пятого марта тысяча шестьсот семьдесят седьмого года. Убийца в монашеской рясе прямо в сердце метил, но я успел поймать его за руку. А вот еще. – Он стянул сорочку с правого плеча и показал багровый кратер. – Мушкетная пуля, двадцать второго июня восемьдесят четвертого. Выбила мне плечевой сустав. Повезло, конечно: кости остались целы. Пуля прошла сквозь женщину, что стояла в тот момент передо мной. И сюда глянь. – Он выгнулся, демонстрируя третий жуткий шрам на ребрах с правой стороны. – Девятого октября восемьдесят шестого. Вот на что способна шпага, даже не острием. Этот гад не выпад сделал, а ударил меня наотмашь. Два ребра сломал! Я потом месяц в кровати провалялся и наверняка сошел бы с ума, если б не дражайшая графиня. – Он ласково, почти благоговейно притронулся к шраму. – Дождь за три дня предсказываю.

Грейтхаус надел и застегнул сорочку. Лицо у него теперь было скорее довольное, чем обиженное.

– Мне следует подготовиться к той же участи? – спросил Мэтью.

Грейтхаус с такой силой ткнул Мэтью пальцем в грудь, что тот испугался, не получил ли свое первое боевое ранение.

– Нет, если будешь умен. И удачлив. И если дашь мне кой-чему тебя обучить.

Мэтью промолчал, но Грейтхаус, кажется, прочел его мысли.

– Я тебе скажу, что в тот день на меня одного набросилось аж четыре человека и только один шпагой дотянулся, так что в моем профессионализме можешь не сомневаться. У парня не было чувства ритма, он только и знал, что паниковать да дергаться. Просто удача ему улыбнулась, а от меня – отвернулась. Но потом я отдышался и размазал его кишки по мостовой. Второму проткнул лицо: шпага вошла в одну щеку и вышла из другой. Тогда-то они опомнились и дали деру.

– Вы их пощадили?

Грейтхаус осмотрел свои помятые кулаки, и Мэтью заметил, что они тоже испещрены мелкими шрамами.

– Я пошел по кровавому следу и одного нагнал. Пырнул его в горло – и дело с концом. Ночь была темная, это спасло остальных. Да и мне ведь тоже досталось: кровь хлестала, ребра сломаны, – прыть мою это поубавило.

Внезапно он подошел к стене с крюками и выбрал две шпаги. Вытащил обе из ножен и дал одну Мэтью:

– Ну-ка, попробуй меня кольнуть.

– Сэр?

– Бери шпагу и коли меня.

Мэтью принял оружие. Шпага была чертовски тяжелая и, кажется, плохо сбалансированная. Какой противоестественный способ умереть – размахивая эдаким неуклюжим куском стали в воздухе. Мэтью немного поводил острием шпаги из стороны в сторону, наблюдая за игрой света на клинке. Пока что острие двигалось чересчур медленно, чтобы вовремя попасть в какую-либо цель.

– Ты ее держишь, как младенец – погремушку, – сказал Грейтхаус. – Ты по-мужски ее схвати и палец большой прижми. Вот так, а теперь – коли меня.

– Как нужно стоять?

– О стойке пока не думай. Делай, как я сказал.

– Эта шпага не самая удобная, у вас не найдется полегче? – Мышцы предплечья уже вовсю возмущались. Да уж, он явно не прирожденный фехтовальщик...

– Да эта и так самая легкая, лунный ты мой лучик. Ладно, просто вытяни ее вперед. Немного согни руку в локте. Вот так. Ухватись покрепче. Еще крепче. Опустить плечо. Не руку, а плечо! Вот так, теперь стой. – Грейтхаус плашмя ударил своей шпагой по шпаге Мэтью: звон побежал по руке и дошел до самого черепа. – Просто почувствуй, как она откликается, – сказал Грейтхаус, ударяя с другой стороны. Он стал наносить удары один за другим, и каретный двор зазвенел, как колокольня. – Шпага состоит из двух частей: эфеса и клинка. У эфеса есть навершие – вот этот шарик на конце, – рукоять и гарда. У клинка есть сильная часть, она рядом с рукоятью, и слабая, где острие. – Две шпаги по-прежнему издавали стальную музыку. – Всегда отражай – или парируй – удар или выпад сильной частью, вот так. Если попытаешься парировать слабой частью, то либо выронишь, либо сломаешь оружие. Ну или тебя проткнут. Шпага не предназначена для рубящих действий, хотя, как видишь, если приложить силу, она способна на все. Шпагой делают выпады, чтобы острым концом пронзить врага насквозь. У тебя хват ослаб, держи крепче. Так, сейчас мы дадим тебе почувствовать оружие, а потом перейдем к основам: третья и четвертая защиты, сближение, длина выпада, ближняя дистанция, дальняя дистанция, финт, ответ, батман, завязывание, темп и...

– Кажется, я ее обуздал, – перебил его Мэтью, хотя предплечье ныло, как больной зуб.

– Рад, что ты так думаешь, – ответил Грейтхаус и в тот же миг крутнул шпагой немного сильнее, под другим углом.

Пальцы Мэтью вдруг растопырились, будто его ужалил шершень, и шпага улетела прочь, словно комета из книги Мэзера.

– Простите, пальцы разжались... – пробормотал Мэтью, пытаясь вытряхнуть жало.

– Да ты их и не сжимал. Я ведь тебе сказал, прижми большой палец. Подбери оружие и возвращайся на то же место.

Мэтью повиновался.

– А теперь сделай свой корпус тонким, – сказал Грейтхаус. – Он у тебя и так тонкий, ясное дело, ну хоть здесь тебе это будет на пользу. Показывай противнику только правую сторону. Ноги поставь по той же линии, что и мои. Не так широко. И не так близко! Для выпада нужна сила и хороший упор, а если ноги слишком близко, трудно держать равновесие. Вот, так-то лучше. – Выйдя за границу, очерченную фонарями, он медленно пошел вокруг Мэтью. – Острие направь вперед и не давай ему опускаться, если, конечно, твой противник не трех дюймов ростом. Отлично, а теперь слегка согни ноги, как будто собираешься сесть. Еще чуть-чуть. Левая рука сзади, она тебе вместо руля. – Грейтхаус снова остановился перед Мэтью. – Острие должно быть немного выше эфеса. Вот так, молодец. Теперь тяни правую руку вперед и делай

шаг правой ногой – как можно дальше. Левая рука, корпус и меч – на одной линии. Ну, давай делай выпад. Живо!

Мэтью подался вперед. Клинок Грейтхауса отбил его шпагу в сторону задолго до того, как она вышла за пределы круга.

– Еще раз. Корпус на линии. Левую ногу не поднимай и по полу не волочи. Когда я говорю «делай выпад», это не значит, что надо дергаться, как мул, которому солнце голову напекло. Движения должны быть экономными, отточенными. Скорость придет позднее.

И снова Мэтью сделал выпад, и снова шпага едва не вылетела из руки.

– Удержал! – гордо сказал он. – Видели?

– Да, я ошибся. – Грейтхаус шагнул вперед, быстро крутнул шпагой, и вновь руку Мэтью свело, а оружие отлетело на десять футов в сторону. – Еще раз оттопыришь большой палец – носить тебе правую перчатку с девятью пальцами. Сходи за оружием и возвращайся.

Мэтью вновь сделал, как было велено. Предплечье болело немилосердно, но он стиснул зубы и решил хотя бы внешне не подавать виду.

– Так, четвертая защита. Я тебе ее показывал только что. Теперь просто работай шпагой. Рубишь направо – возвращаешься в позицию. Выпад по центру – и обратно. Потом рубишь налево – и снова выпад по центру. Спину держи прямо. Ноги еще согни. Еще. Да не бойся, не упадешь. Давай работай шпагой, пока я не остановлю.

Вот мерзавец, подумал Мэтью. Он не знал, сколько еще протянет его рука, но сдаваться не собирался.

– Теряешь форму, – сказал Грейтхаус, вновь принимаясь кружить. – Рука отваливается, а? Продолжай. Левая нога на земле! Ты глухой?! Корпус и шпага – на одной линии, я сказал!

Лоб Мэтью покрылся потом, пока он рубил и колол. Шпага стала тяжелой, как наковальня, предплечье превратилось в кусок мяса, лишенный каких-либо нервов и чувств. А вот плечо буквально разрывалось от боли.

Прошло минут пятнадцать, если не больше, когда Грейтхаус наконец сказал:

– Хватит.

Мэтью опустил шпагу и, тяжело дыша, попытался вернуть руке жизнь с помощью растираний. Поразительно, сколько сил и энергии требуется на размахивание чертовой шпагой в воздухе... Каково же тогда биться по-настоящему?

– Сколько мне потребуется времени, чтобы овладеть этим умением? – выдавил он, пытаясь отдышаться.

Грейтхаус сунул шпагу в ножны и закинул за плечо, после чего извлек из кармана бриджей глиняную трубку, поджег ее спичкой из маленькой карманной трутницы и выпустил в воздух струю синего дыма. Она пролетела мимо головы Мэтью.

– Десять лет, – ответил Грейтхаус, убирая трутницу. – Может, чуток больше или меньше...

– Десять лет?!

– Ты поздновато начал. Я сам с восьми лет фехтую.

– Может, и мне следовало начать с детской шпаги?

– И многому я тебя научу, валяясь на полу в припадках истерического смеха? Да и нет в этих деревяшках никакого проку. Надо укреплять мышцы предплечья и кисти, учиться держать корпус. Деревяшки дадут ложное чувство успеха.

– Едва ли меня вообще ждет успех – с деревяшками или без.

Грейтхаус забрал у Мэтью шпагу, давая понять, что тренировка окончена.

– Может быть. Безусловно, искусство владения шпагой или любым другим мечом дается не всем. Нужно многое помнить и учитывать.

– Это гораздо труднее, чем я думал, – признался Мэтью.

– Увы, мы лишь подобрались к основам – самое трудное впереди. – Грейтхаус вернул шпаги на место, затем нагнулся и взял с пола коричневую бутылочку. Откупорив, протянул ее Мэтью. – На-ка, глотни.

Мэтью учуял запах напитка задолго до того, как приблизил бутылочку ко рту, и все же сделал добрый глоток. Глаза его слезились, когда он возвращал бренди Грейтхаусу.

– Спасибо.

Тот выпил, заткнул горлышко и потянул дым из трубки.

– В шахматы тоже трудно играть, верно?

– Да. Ну, то есть... поначалу. Пока не освоишь все фигуры и как они ходят.

– Вот, так же и со шпагой. Только противнику надо не мат поставить, одновременно защищаясь от атак, а убить его и самому не умереть. В этом смысле искусство владения шпагой похоже на шахматы: нужно занимать и оборонять территорию. Одинаково важно правильно вести бой наступательный и оборонительный – в шахматах это атака и защита. Постоянно все продумывать наперед: каков будет следующий ход противника, как отразить его выпад, как ответить на финт. Постепенно ты подводишь бой к завершению, и, чтобы одержать в нем победу, необходимо перехватить инициативу у противника. – Грейтхаус выпустил изо рта тоненькую струйку дыма. – Вот скажи, сколько времени у тебя ушло на то, чтобы так навестриться играть в шахматы?

– Наверное... много лет. Я по-прежнему часто допускаю ошибки, но научился их замечать и исправлять.

– И здесь то же самое! – сказал Грейтхаус, вскинув голову. – Я не жду, что ты станешь мастером, нет. Я лишь хочу, чтобы ты умел замечать свои ошибки и исправлять их. Тогда у тебя появится время, чтобы выхватить пистолет и застрелить врага.

Мэтью не сразу смекнул, что Грейтхаус шутит: лицо его оставалось совершенно серьезным.

– Жду тебя здесь в субботу, в девять утра, – сказал он. – Проведешь тут весь день. Да-да, тут, на каретном дворе. Будем осваивать шпагу, а заодно поучу тебя стрелять из пистолета и махать кулаками.

Какая замечательная суббота намечается, подумал Мэтью.

– А для чего вам праща?

– Белок стрелять, – ответил Грейтхаус. – Я их потом запекаю с картошкой и перцем.

Он еще раз затянулся, выдохнул дым и выбил остатки пепла основанием ладони.

– Обучение будет состоять не только из физических упражнений. Я хочу понять, умеешь ли ты читать карты, например. И составлять их по словесному описанию места. Еще я проверю, хорошо ли ты запоминаешь описания людей. Ну и с лошадкой научу тебя обращаться. Та, в сарае, еле копыта тащит. – Тут он заметил вытянувшееся лицо Мэтью и слегка улыбнулся. – Как сказала миссис Герральд, никаких непосильных задач перед тобой ставить не будут. Быть может, тебе полегчает от осознания, что ты – наш первый новичок. Со временем появятся и другие. Прямо сейчас мы рассматриваем одного кандидата в Бостоне и еще двух в Нью-Йорке.

– Правда? Кого?

– Если я тебе скажу, это перестанет быть тайной, а миссис Герральд пока что велела мне ее хранить.

– Понятно, – ответил Мэтью, хотя сам уже вовсю гадал, что это за кандидаты. Один вопрос он все же не мог не задать: – Расскажите про миссис Герральд?

– Что именно?

– Ну, ее историю. Она только говорила, что бюро основал ее муж. Что с ним случилось? Грейтхаус хотел было ответить, но осекся:

– Это подождет. Через четыре часа рассвет, тебе надо поспать.

Мэтью, недолго думая, согласился. Пусть спать оставалось считанные часы, впереди – трудный день. Кроме того, от его правой руки все равно толку нет, а у мирового судьи Пауэrsa наверняка найдется для него работа.

– Доброй ночи, – попрощался он с Грейтхаусом.

– Не забудь вытереть ноги, – ответил тот. – Если наследишь, миссис Герральд не обрадуется.

Мэтью возвращался к дому сквозь влажную дымку. У входа он вспомнил про хозяйку дома и почистил подошвы о железный скребок, а спустя десять минут все мысли о шпагах, шахматах и запеченных белках его покинули: он погрузился в глубокий и крепкий сон.

Пробудил Мэтью вежливый звон колокольчика за дверью. Стояли хмурые предрассветные сумерки. Он умылся, оделся, не стал бриться – поскольку бритвы ему не предложили – и решил с малой нуждой потерпеть до леса, дабы не пачкать горшок. В столовой его ждал плотный горячий завтрак: яичница, ветчина, галеты и крепкий горячий чай. Рядом с тарелкой лежали его кошель и серебряные часы.

Миссис Герральд тоже вышла к завтраку, а вот Грейтхаус так и не появился (хотя еду, вероятно, готовил он, поскольку отвечал за всю стряпню в доме).

– Передайте это мистеру Григсби, пожалуйста, – сказала миссис Герральд, протягивая Мэтью конверт (опять-таки запечатанный красным сургучом). – Полагаю, он захочет получить оплату за объявление авансом. На этот случай у вас в кошельке уже лежит несколько монет. По моим расчетам, их должно хватить и на объявление, и на лошадь. Как я поняла, вы вернетесь к мистеру Грейтхаусу к девяти утра субботы. – То был не вопрос, а утверждение. – Прошу вас не опаздывать.

– Да, мадам.

– Ну, ешьте. Дождь уже закончился, и мне пора садиться за письма.

Сьюви уже вывели из стойла: когда Мэтью вышел из дома, она ждала его у коновязи. Он убрал кошель и часы в седельную сумку и с первыми слабыми лучами солнца, пробившимися сквозь тучи, выехал со двора. Через минуту он приблизился к воротам и обнаружил там Грейтхауса.

– Хорошего дня! – сказал тот. – Ах да, и не забудь растереть руку и плечо какой-нибудь мазью, когда вернешься в город. К вечеру будет болеть.

– Спасибо, – ответил Мэтью не без сарказма в голосе.

Он выехал за ворота, закрыл их за собой и отправился в путь. Спустя полчаса последние облака рассеялись, небо стало ярко-голубым и солнце засияло во всю свою золотую мощь. Сьюви неспешно брела по дороге, а Мэтью, опустив подбородок на грудь, крепко спал прямо в седле.

Часть вторая. Безумие

Глава 13

Напрасно мировой судья Пауэрс согласился отпустить Мэтью на встречу с миссис Герральд: вернувшись в четверг утром на рабочее место, молодой секретарь не сумел вывести ни единой строчки. Судья пожелал знать, что с ним стряслось, и непременно во всех подробностях. Мэтью поведал ему свою историю, сделав особый упор на полуночной тренировке, начисто лишившей его способностей к письму.

– Ну, тогда гуляй, – посоветовал Пауэрс. – Я у кого-нибудь украду секретаря, а ты ступай домой и отдохни.

– Наверное, заскочу в аптеку за мазью, – сказал Мэтью, потирая плечо. – К завтрашнему слушанию по делу Нокса я готов, если что.

– Вот уж не знаю. Вроде бы у судьи Макфини завтра ничего нет, позаимствую его секретаря. – Пауэрс замахал рукой. – Ну, иди, дай отдых руке.

– Спасибо, сэр. Постараюсь немного прийти в себя к завтрашнему дню.

– А нет, так и нет. Не волнуйся попусту. – Он одобрительно взглянул на Мэтью. – Я очень рад, что помог тебе взять новый курс. То, что миссис Герральд выбрала именно тебя, льстит мне не меньше, чем тебе. И я уверен, что все ее затраты окупятся с лихвой. Жалованье у тебя будет достойное, верно?

– Цифры мы пока не обсуждали.

– Похоже, тебе самому не помешает кое-какая юридическая помощь. Если захочешь должным образом составить контракт, я буду рад проконсультировать.

– Спасибо. – Мэтью уже хотел уйти, но у двери замешкался.

– Что-то еще? – Пауэрс поднял взгляд от бумаг.

– Да, сэр... Меня интересует миссис Герральд. Вам о ней что-нибудь известно?

– Например?

– Вы как-то сказали, что у вас есть общие враги. Поясните, что вы имели в виду?

Мировой судья несколько мгновений изучал – или делал вид, что изучает, – первые строки письма, лежащего поверх стопки с корреспонденцией.

– Миссис Герральд тебе не поведала свою историю?.. – наконец спросил он.

– Только сказала, что бюро основал ее муж. Ныне покойный, я так понял. Может, мне следует знать что-то еще? – Тут его осенило. – А! Вы с миссис Герральд познакомились еще в Лондоне. Поэтому она и отправила к вам посыльного. Уж не мистера ли Грейтхауса?

– Хадсона, да, его самого.

– Вы его даже по имени зовете! Выходит, близко знакомы? Впечатляет! Наверное, и с миссис Герральд вас многое связывает?

Судья изобразил кривую усмешку:

– Теперь я понял, каково это – быть свидетелем в суде. Может, мне следует сразу признать вину и отдаться на милость суда, господин обвинитель?

– Прошу прощения, сэр. – Мэтью тоже улыбнулся, но ему было отнюдь не смешно: он просто надеялся таким образом скрыть свою неловкость. – Я несколько перегнул палку.

– И далеко не в первый раз. Но ответу на твой вопрос, Мэтью: да, я познакомился с Кэтрин Герральд еще в Лондоне. Рич приводил ее на субботний ужин в братство.

– Рич?

– Ричард Герральд. Мы с ним оба состояли в кембриджском юридическом братстве. Отменный был теннисист, надо сказать. Почти как я. И юристом тоже стал отменным, специ-

ализировался на уголовных делах. Да, он привел свою красавицу-невесту Кэтрин Тейлор на субботний ужин, и мы потом все дружно делали ставки на то, когда они поженятся. Я не угадал, хотя был близко.

– Что случилось с мистером Герральдом?

И вновь судья сосредоточил внимание на своих бумагах. Мэтью чувствовал: ему есть что сказать, но, видимо, приличия не позволяют.

– Полагаю, – наконец произнес Пауэрс, – об этом вам должна поведать сама миссис Герральд.

– Ну хоть расскажите про «общих врагов», – не унимался Мэтью. – Это ведь не возбраняется? – Тут он опомнился и добавил почтительно: – Сэр.

– По идее, нет, – кивнул Пауэрс и снова умолк на минуту-другую. Наконец: – Однако мой ответ в значительной мере зависит от ответа миссис Герральд, так что предоставлю это ей.

– Сэр, я ведь не прошу вас вынести решение суда, мне лишь хотелось бы знать...

– Если через пять секунд ты не выйдешь за дверь, – сказал Пауэрс, – я решу, что язык у тебя в отличие от руки не отнялся и вполне способен надиктовать эти письма секретарю Макфини. Ты уходишь или нет?

– Ухожу.

– Так ступай.

Дверь закрылась за спиной Мэтью.

На лестнице он вновь столкнулся с главным прокурором Байнсом и вынужден был его пропустить, затем наконец вышел на яркое утреннее солнце. Внимательно глядя по сторонам, Мэтью влился в поток пешеходов, юркнул за повозку с сеном и двинулся по Смит-стрит в сторону аптеки.

Он не сумел побороть желание еще разок рассмотреть то место под красно-белым аптечным навесом, где был найден труп Деверика. Вчера здесь ничего не нашлось, да и сегодня тоже. И вот он уже стоял возле аптечной стойки, за которой тянулись полки со всевозможными эликсирами, средствами от изжоги, различными видами древесной коры для снятия жара, цинковыми лосьонами, пиявками, зубными порошками, сушеными цветами и травами, медицинскими уксусами и так далее и тому подобное. Коротко переговорив с мистером Устерхаутом, Мэтью вышел на улицу с баночкой масла тысячелистника, которым ему надлежало растирать плечо дважды в день. На пересечении Смит-стрит и Кинг-стрит он повернул направо и по дороге к мастерской печатника вынужден был вновь пройти мимо ненавистного заведения Эбена Осли (в солнечном свете оно выглядело столь же угрюмо, как и во мраке ночи).

Вскоре Мэтью оказался в обществе Мармадюка Григсби. Тот уже размечал статьи и подбирал соответствующие литеры. Печатный пресс, помещавшийся в центре залитой солнцем комнаты, представлял собой внушительных размеров устройство, каким мог пользоваться сам Иоганн Гутенберг. Глядя на эту машину, трудно было поверить, что из ее недр выходят листы пергамента с текстом, оттиснутым типографской краской – смесью ламповой копоти и льняного масла, – сообщающие городским жителям последние новости.

– Пришли помочь мне с набором, надеюсь? – спросил Григсби. – Если все пойдет гладко, завтра сможем приступить к печати.

– Я вам кое-что принес. – Мэтью протянул Григсби конверт и дождался, пока тот его откроет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.